

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ

Под общей редакцией
А. АСТАХОВОЙ и В. БАЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

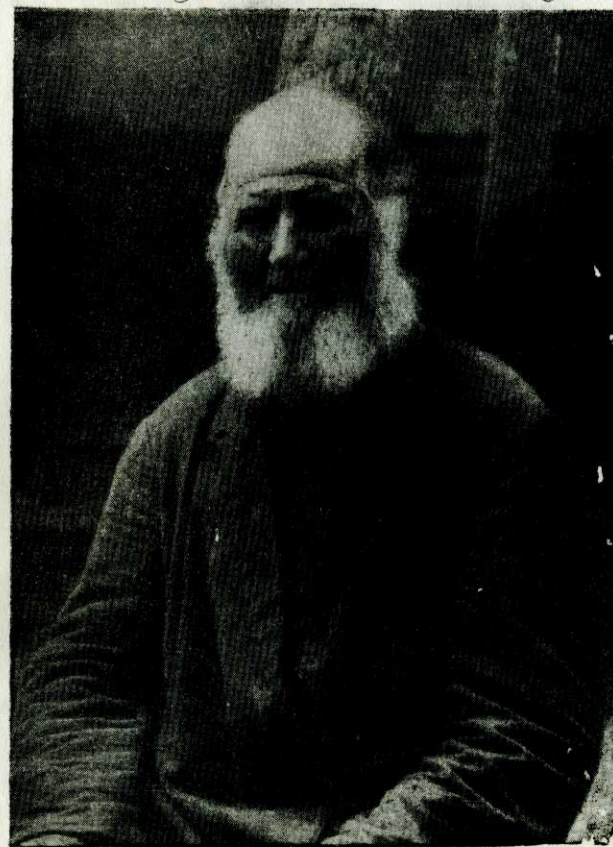
СКАЗИТЕЛЬ Ф. А. КОНАШКОВ

Подготовка текстов, вводная статья и комментарии
А. М. ЛИНЕВСКОГО

Под редакцией А. М. АСТАХОВОЙ

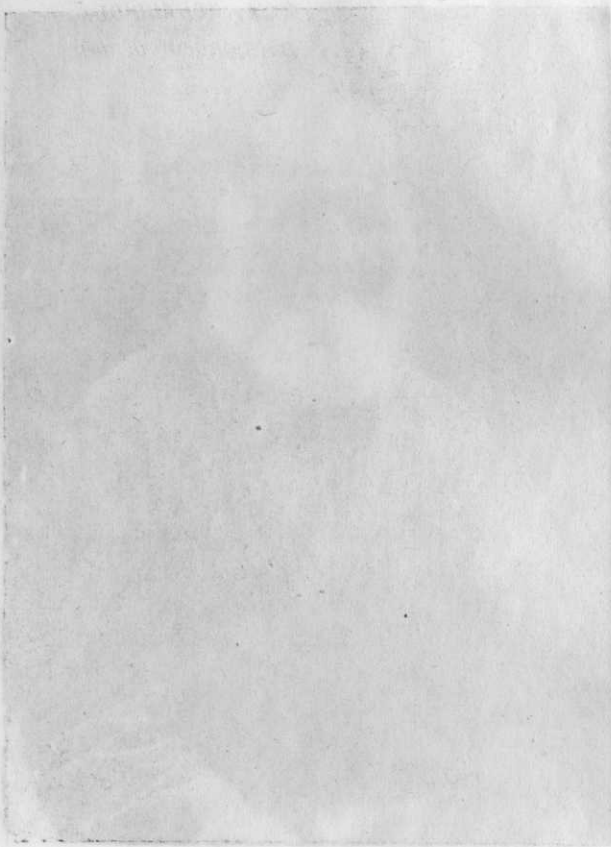

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

Федор Андреевич Конашков

Светлой памяти энтузиастов
нашей фольклористики,
братьев **Б. М. и Ю. М. СОКОЛОВЫХ**,
открывших в 1928 г. сказителя
Ф. А. КОНАШНОВА,
посвящает автор.

Федор Андреевич Конашнов

«... Меня разбудили странные звуки: до того я много слышал и песен и стихов духовных, а такого напева не слышал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трех от меня сидит несколько крестьян, а поет-то седатый старик, с окладистой белой бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице. Присоседившись на корточках у потухавшего огня, он обращался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, прерывая ее иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню... Много я впоследствии слышал редких былин, помню древние превосходные напевы; пели их певцы с отличным голосом и мастерскою дикцией, а по правде скажу, не чувствовала уже никогда того свежего впечатления, которое произвели... варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтия на Шуй-наволоке.»

Рыбников, т. I, стр. LXX—LXX.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Федор Андреевич Конашков родился в 1860 г., т. е. год спустя после того, как П. Н. Рыбников начал записи былин в Прионежье. Конашков уже знал от своего дяди ряд былин, когда мимо его дома, 30 июля 1871 г., проехал А. Ф. Гильфердинг¹.

Таким образом, перед нами сказитель, который воспринял былины как раз в те годы, когда началось их соби́рание в Олонецком крае.

Будучи носителем былинных традиций эпохи записи Рыбникова—Гильфердинга, Ф. А. Конашков интересен тем, что является представителем семейных традиций. Он усвоил былины от дяди (родного брата своего отца), а тот, по словам Федора Андреевича, «перенял» от своего отца, Степана Ивановича². Семейная преемственность, таким образом, как и у знаменитых сказителей Рябинных, восходит к XVIII веку.

Давая оценку Трофиму Григорьевичу Рябинину, М. Н. Сперанский пишет: «По обширности своего былинного репертуара Т. Г. Рябинин, если и не представлял исключения, то во всяком случае был певцом выдающимся: число сюжетов, ему известных (от него записано их, как мы видели, 26), превышает обычное для сказителя, считающегося хорошим: так, из его современников Щеголенок мог дать 15 былин, Калинин 14, Чуков 19, из сле-

¹ Маршрут П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга охватывал район, где проходила жизнь Ф. А. Конашкова: Усть-Шалу (у Рыбникова записан репертуар Шальского лодочника) и Пудожье (на языке того времени, Пудога). Фамилия — Конашков не встречается ни у Рыбникова, ни у Гильфердинга, хотя Федор Андреевич «понял» (заучил) 21 былин. Следовательно, Рыбников и Гильфердинг не охватили всех крупных сказителей своего времени, как, например, Конашковых, которые по величине своего репертуара превосходили, судя по записям этих собирателей, всех сказителей Прионежья того времени, за исключением Трофима Рябинина.

² См. стенограмму повествования Ф. А. Конашкова «Рассказ про свою жизнь».

дующего поколения И. Т. Рябинин 15, Кривополенова 14 и т.д. (Былины, 1919, т. II, стр. XXXII).

Ю. М. Соколов в статье «По следам Рыбникова и Гильфердинга»,¹ подытоживая результаты экспедиции 1926 г., указывает, что в районе Киж знают:

у Гильфердинга, из 11 певцов:	по записи 1926 г., из 30 певцов:
свыше 10 текстов — 2 (18%)	2 (6%)
5 и свыше — 3 (45%)	3 (10%)
3 и свыше — 5 (27%)	5 (16%)
меньше 3-х — 20 (9%)	20 (66%)

Репертуар Федора Андреевича Конашкова — 22 сюжета — выделяется своей величиной.²

В архиве Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР хранятся также записи от Ф. А. Конашкова песен, сказов, побывальщин, духовных стихов. В советской периодике публиковались былины Ф. А. Конашкова, сложенные на современную тематику.

Все эти столь разнородные жанры требуют особого изучения. К соданным самим сказителем былинам о Сталине и Ворошилове, о Кирове, сказу о комиссаре Пожарском, про Ивана-богатыря, или к рассказу сказителя о своей поездке в Москву, мы предъявляем иные требования, чем к передаваемым им былинам, генетически восходящим к XII—XIII векам, т.е. ко времени Киевской Руси. Точно так же изучение конашковских сюжетов религиозного жанра (духовные стихи: про «вищу братню», про Елисафию, про книгу голубиную) требует иной методологии, чем лирика, или жанр побывальщин, или песни матросов, и т.п.

Каждый из этих жанров имеет свою специфику и, следовательно, нуждается в особых приемах изучения.

Поэтому есть смысл произвести известную классификацию литературного наследия покойного сказителя. Мы остановились на исследовании былинного репертуара Конашкова, в котором с наибольшей полнотой проявилось его мастерство сказителя. Именно за свои былины Федор Андреевич получил правительственную награду и прочно вошел в плеяду лучших сказителей Русского Севера.

Учитывая, что Конашков уже знал былины, когда в Пудожский край приехал Гильфердинг, нельзя не отметить особого интереса и значения его репертуара, поскольку он соединяет нас с эпохой Рыбникова и Гильфердинга.

Цель нашей работы выходит за пределы только опубликованного репертуара этого сказителя. Наша задача показать, как составлялось в XIX веке собрание былин, обрисовать характерные

¹ «Художественный фольклор», II-III, М., 1927.

² Феномен среди исполнителей былинного жанра по величине репертуара, А. М. Крюкова привела А. В. Маркову 10.300 строк (60 былин). Репертуар таких прославленных сказителей, как М. Д. Кривополеновой или В. П. Щеголенка, не превышал 3.000 строк. Следовательно, Ф. А. Конашков по размеру своего репертуара (3.300 строк) принадлежит к числу самых крупных сказителей.

особенности конашковского репертуара, проследить формы заимствования и творческой переработки вариантов, а также определить специфические черты конашковских редакций.

В данном исследовании тексты Ф. А. Конашкова сопоставляются только с былинами прионежских сказителей 60—70-х гг. прошлого столетия по следующей причине: Федор Андреевич утверждал, что усвоил былины только от дяди¹. Это могло случиться лишь до 23-летнего возраста, когда Федор Андреевич отделился от дяди (все последующее время он прожил в ссоре с ним). Следовательно, период усвоения былин Ф. А. Конашковым приходится на конец 70-х и начало 80-х гг. XIX в. Поэтому репертуар Конашкова нельзя рассматривать вне связи с эпохой Рыбникова и Гильфердинга, тем более, что Федор Андреевич при исполнении не изменял заученного им текста.

Определение взаимосвязи репертуара Конашкова и его современников не вошло в работу по следующим причинам. Заучив былины в ранней молодости, сказитель, повидимому, из года в год пел без изменений, что подтверждается дефектными местами текста, которые Конашков даже не пытался и в какой-то мере исправить. Таким образом, о влиянии современников на Конашкова говорить не приходится. Установление же степени влияния былин самого Ф. А. Конашкова на репертуары современных сказителей явилось затруднительным, поскольку записи, произведенные в Прионежье в 20—30-х гг. нашего столетия бр. Ю. М. и Б. М. Соколовыми и А. М. Астаховой, еще не опубликованы. Поэтому мы ограничились лишь включением в комментарий сопоставления былин Конашкова с записями из Пудожского района, опубликованными в сборнике «Былины Пудожского края». Это сопоставление, по нашей просьбе, произвели составители указанного сборника Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов, за что мы приносим им нашу искреннюю благодарность.

Следует отметить, что воздействие былин Конашкова на современников могло сказаться лишь в ранние годы жизни сказителя или, наоборот, в самые последние годы.

Уже свыше 40 лет тому назад Ф. А. Конашков перестал петь в коллективах лесорубов и рыбаков, что он любил делать в возрасте двадцати—тридцати лет, т.е. в 80—90-х гг. XIX века. Еще в конце прошлого столетия он начал промышлять самостоятельно и, не нуждаясь в рабочих руках, вследствие большой чужденности семьи, жил в значительной степени изолированно от земляков. Судя по рассказам последних, Конашков в этот период «берег от соседей свои старины пуще короба хлеба». Эту боязнь, что его былины «переймут на сторону», сказитель сохранял до самой смерти, и у себя на родине он выступал с явной неохотой.

Вероятно, сказитель все более и более замыкался бы в себе, как это случилось в старости с Трофимом Григорьевичем Рябининым, если бы не случилось Великой Октябрьской социалистической революции. Более 60 лет пел Федор Андреевич свои былины, но только в советское время он получил признание как выдающийся сказитель.

¹ Сказитель выделяет лишь фрагмент о Даниле Белом, который он «попал» от «Утки», т.е. от Никифора Прохорова, жившего в Купечной волости.

РАССКАЗ ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

Мне было полтора года, когда умер мой отец. До семи лет я воспитывался у своего дедушки. Священник просил у дедушки отдать меня учиться грамоте, а дедушка говорит: «Я не отдам тебе в ученье внука за уши рвать. Мой внук и неграмотный будет на поляне навоз считать». Так я и остался неграмотным. За это дедушку нечем хорошим помянуть.

Когда мне было 12 лет, строился лесопильный завод Русанова в устье реки Водлы, у Онежского озера, на правом берегу. Устраивалось новоселье. В конторе были накрыты столы, приглашено было много разной публики, и я был в том числе. Мы ели пшеничники с белой муки и пшенную кашу, а которые пожилые — вино выпивали. Налиют с четвертей стаканы, и все в руки стаканы возьмут и стоя станут кричать: «Миколаю Ивановичу Русанову ура!» — стены так и дрожат. Это я был на таком новоселье. За это угощение мужички дали Русанову Миколаю Ивановичу дачу в вечное пользование. И три грамотных мужика подписали бумагу. И сколько капиталу Миколай Иванович взял за эту дачу... На этот завод Русанова я стал лес возить не с дачи, а за пять верст. Дядя рубит, а я вожу. А ночью этот лес и распилят. На другой день уже нет лесу, уж складен лес весь в стопы. Когда приезжал лесничий от казны, то показывали только небольшую часть леса. А за это уважение ему дадут: сахару головы, чаю ящик. Он и повезет все в город Пудогу (верст за 37).

Как завод лесопильный «ходил», в то время была с Турцией война. Мне тогда было 17 годов.

До женитьбы я жил с дядями и со своей матерью. Женился на 23-м году. Взял жену в своей деревне, у соседа Александра Яковлевича Карабанина. Ей было 20 годов. Зовут жену Маланья Александровна. Как женился, то в то время занимался хлебопашеством (земли дешевой было мало), то рубил в лесу прутьяги,¹ и сеял рожь и жито, и лен пахал для продажи, чтобы хлеба купить. Своего хлеба нехватало. Как хлеба на сенокос нехватает до своего хлеба, то у купцов на бирже попилю дров — так и кормился. Что со льну напрядут бабы пряжи, я сетей навязу — мережи. И стал сетями ловить в Онежском озере рыбу. И кормился этим до сих пор.

Былины я понял от дяди своего — Василия Степановича Коначкова, отца моего третий брат. А дядя мой знает былины от своего отца, моего дедушки — Степана Ивановича Коначкова. Дед от своего отца. Так из рода в род былины переходили.

Из нашего рода человек был при Иване Грозном в Москве, где он выучился петь былины. Былины я пел, как бревна рубил купцам. В лесных фатерках спевал былины. Наберется много возчиков, по триста лошадей ходило на вывозку в каждый день, — тут и слушали.

На ловище, когда рыбу ловил, пел былины. Тут люд разный в фатеру наберется. С пароходов найдет слушать народ. Пароходы тогда ходили в Ленинград. Тут и узнали меня, певца. Приезжали из Петрограда и из Москвы и списывали меня.

В царское время, 42 года тому назад, приезжал генеральский сын — Добролюбов Олег Михайлович. Он жил у меня на квартире 6 месяцев и списывал все былины.

20 лет назад из Русского музея приезжала за мною Гринкова Надежда Павловна и увезла меня в Петроград. Там возила меня по всему городу и по школам, где я выступал.

Потом приезжали ко мне годов 16 назад, в 1926 году, Соколов Борис Матвеевич, Чичеров Владимир Иванович, Бородин Сергей Петрович с женой и списывали былины. Они записывали не все былины; сказок не записывали.²

¹ Путьяги — мелкий лес.

² Даты своих встреч с советскими фольклористами Ф. А. Коначков указывает неточно. Первая встреча произошла в 1928 г., когда сотрудниками экспедиции По следам Рыбникова и Гильфер-

Братьям Соколовым посылал из дому свои записки былин. В том же году приезжал за мной Бородин Сергей Петрович и увез меня первый раз в Москву к Соколову Борису Матвеевичу. Он жил там, где Нескучный сад, где жила Екатерина II и царствовала. Выступал в музее и в летнем саду. Пел на разных вечерах, выступал по радио.

Везде пел былины — про Илью Муромца и другие. Песен не пел, стихов и сказок не спрашивали. Сопровождали братья Соколовы.

Второй раз ездил в Москву через год (1927 г.). Жил в Историческом музее на Красной площади у Юрия Матвеевича Соколова, редкий день не выступал. Третий раз ездил в Москву через 3 года (1929 г.) по вызову братьев Соколовых, вместе со сказительницей Богдановой Настасьей Романовной. Жил в общежитии у Мясницких ворот. Выступал везде.

Четвертый раз был в Москве у профессора Колесова Василия Григорьевича — выступал по всей Москве с былинами и сказками.

Пятый раз ездил в Москву 2 года тому назад. Выступал на съезде писателей — пел былинку про Чурилу — Катерину, про Ставра сына Годиновича, рассказывал сказку про Ерша.

Во время этих поездок в Москву никаких записей не производилось, были только выступления.

Теперь (1937 г. — А. Л.) вызывают шестой раз в Москву в редакцию 2-й пятилетки для записей былин. Теперь былины больше любят слушать, чем раньше. Былин никто у меня не перенял. В окрестностях других певцов былин нет.

Ф. А. Конашков

На этом прекращается запись рассказа Федора Андреевича своей автобиографии.

В 1939 г. скончалась его жена, и это очень сильно отразилось на сказителе. Начался процесс одряхления: потеря памяти, ослабление зрения и т.д. В 1940 г. он приезжал в Петрозаводск (тогда удалось записать фонографом начало всех его былин) совсем хилым стариком.

Умер он в 1941 г. у себя на родине.

А. М. Линевский

дннга производили записи в Пудожском крае. После этого в течение ряда лет Конашков ездил в Москву к бр. Соколовым. В 1929 г. Конашков проездом через Ленинград остановился по приглашению Этнографического отдела Русского музея. Здесь Н. П. Гришковой были организованы его выступления.

Ф. А. КОНАШКОВ

Биография сказителя

I

Родился Федор Андреевич Конашков в 1860 г. в селе Семеново, Пудожского района, б. Олонецкой губернии. Дед сказителя, Степан Иванович, долгое время батрачил и смог жениться лишь около 40 лет от роду.

Старик, повидимому, был замечательным сказителем старин. Спустя восемь лет после рождения внука Федора он умер, передав свое знание былин второму сыну Василию. За несколько лет до смерти 80-летнего старика умер отец нашего сказителя, и, таким образом, второй сын Степана Ивановича Василий сделался самостоятельным хозяином, приняв на себя воспитание будущего сказителя.

Хозяйство было немощно, хозяин молод и неопытен, а семья велика. Вели хозяйство Конашковы, как и все пудожане того времени, стародедовскими способами: отыскивали мелкоколесье с подходящей почвой, сжигали деревья, счищали обугленные участки от полуобгорелых, но все еще цепких корней, распахивали эти крохотные участки «нив», засеивая клочки покрытой золою земли льном и рожью. Но прокормиться этим, при всем трудолюбии, было трудно. К этому времени древний промысел — охота на дичь и зверя — начал заменяться другим, менее доходным, но зато более верным заработком — в Пудожском крае в середине XIX века появились лесозаготовки.

В заваленных буреломом лесах, где одиночные охотники пробирались от одного капкана к другому и без промаха били хищного зверя кремневыми самодельными ружьями, начали вырубать корабельные рощи.

Хотя в глухом краю дорог не было и ездили только на лодках по рекам и озерам, а зимой по речному льду — все же в Пудожье стали появляться первые конторы лесспромышленников — Русанова, Беляева, Громова, Лебедева. Второе столетие со Свири по Ладожскому каналу и по Неве приходили в столицу каждый год сотни плотов леса. Когда вблизи Петербурга и по Мариинской системе был вырублен строевой лес, предприниматели поневоле откочевывали все дальше и дальше. Наконец и в пудожских лесных дебрях застучал топор.

На многие десятки верст кругом высились в Пудожье корабельные леса, еще ни разу не тронутые человеком. «Сука не найдешь, все в красных рубашках, как братья родные, стоят», — вспоминал с гордостью и с огорчением наш сказитель теперь исчезнувшие боры. За всю жизнь никуда не выезжавшие далее своей волости пудожане соглашались работать на лесспромышленника за любую плату, считая его «благодетелем» за подвоз в их край продовольствия и немудреных товаров. Благодаря сказочным доходам, из-за несоответствия рыночных цен на лес и себестоимости лесозаготовок, вскоре повсеместно на Белом море (в Сороке, Кеми, Ковде), кое-где на Онежском озере и по всему Архангельскому краю начали появляться лесозаводы этих промышленников, построенные ими на полученную прибыль.

Богатства эти хищники достигали разными путями. Так, например, лесспромышленник Русанов, в начале 1870-х гг., приобрел не один десяток тысяч рублей, затратив для этого какую-нибудь сотню, другую. Он устроил обед (щи, пшенная каша и много водки) для домохозяев Семеновского общества. Когда гости охмелели, Русанов добился от них согласия на бесплатную передачу принадлежащей Семеновскому обществу лесной дачи. Три старика (единственные грамотные во всем обществе) вывели дрожащими руками свои фамилии на заранее составленном договоре. Другие поставили вместо подписи кресты. «Документ» юридически оформили, и свыше тысячи десятин строевого леса оказались соб-

ственностью пронырливого предпринимателя.¹ Впоследствии, в конце XIX века и в начале XX века, целые уезды нашего Севера очутились под властью этого хищника.

Развитие лесозаготовок в 1870—1900 гг., по нашему мнению, способствовало сохранению былин в памяти местного населения. Зимой светает в 9 утра, темнеет в 3—4 часа дня, а 17 часов сном не заполнишь. «Сбирается народу полна фатера во лесных станах, — рассказывал мне Ф. А. Конашков, — пропоешь: вот тебе и благодарность воздадут... Каждому старинка ведь любя была».

Из года в год повторял молодой Конашков свой репертуар — зимой в прокопченных дымом избушках («станах»), а летом, в благодатные белые ночи, — на берегу Онежского озера на рыбалке. За десятки лет закреплялись былины в памяти самого сказителя, и там же, возможно, передавалось это знание наиболее понятливым слушателям, да и сам сказитель в то же время мог «понять» от соседей новые для себя сюжеты, хотя он это упорно отрицает.

Когда слушаешь рассказы Ф. А. Конашкова о его жизни, невольно удивляешься монотонности такого существования. За 65 лет сказитель побывал лишь раз в своем уездном городке и дважды съездил в соседнюю Вытегру — вот и все его поездки за жизнь, если не считать выездов на знаменитую Шунгскую ярмарку.

Из года в год кругооборот жизни Ф. А. Конашкова проходил без каких-либо изменений. Существенно лишь менялось его экономическое благосостояние.

Дед Федора Андреевича мог жениться лишь около 40 лет (признак долгой жизни в батраках), а его внук в 23 года, вскоре после своей женитьбы, уже отделился от дяди. Повидимому, их хозяйство еще было мало-мощным — в момент его раздела хозяин владел лишь 15 рублями. Если верить жалобам Федора Андреевича, то дядя при разделе не дал ему ни копейки, и это послужило причиной ссоры племянника с дядей на всю жизнь.

В то время (середина 1880-х гг.) пара белых куропаток стоила 20 копеек, а пара неценных за «черное»

¹ Эпизод рассказан самим Ф. А. Конашковым.

мясо полупудовых глухарей всего лишь 30 копеек. У Федора Андреевича в лесу были наставлены ловушки, а за охотничий сезон в год раздела удалось ему наловить дичи на целых пять рублей. Ранней зимой он съездил на Вытегру с грузом к купцу Лапшину, торговавшему птицей в Петербурге, а на остальное время зимы Конашков уехал «бор возить», т.е. занялся лесозаготовками. После пяти лет самого упорного труда и отчаянной бережливости, молодой домохозяин начал дело, к которому в деревнях готовились годами и которое затем помнили всю жизнь — Конашков начал «строиться» — т.е. ставить себе избу.

К началу нашего века у него подросли сыновья, и хотя работали дружно всей семьей, все же хозяйству не стало хватать своих рабочих рук. На лето в разросшемся хозяйстве Конашковых появлялись люди со стороны. Каждый год семья Конашковых перебиралась в Усть-Шалу, где обильный заработок давало рыболовство. Добывали иной раз за ночь от одной до двух тысяч штук налимов. За «миныков» (мелких налимов) платили хорошую цену — 1 р. 20 коп. за пуд, за налима — от трех фунтов и выше — давали до 45 коп., за сига — от двух фунтов и выше — по 20 копеек за штуку. Поэтому Конашковы регулярно занимались рыболовством, а на работы по хлебопашеству нанимали со стороны — ведь подневная работа женщин по 18 часов на поле оценивалась в 20—30 копеек на хозяйских харчах.

Федор Андреевич никогда не пил спиртного, не курил и вряд ли без пользы истратил в течение жизни хотя бы одну копейку. В результате десятилетий такой экономной жизни и благодаря хорошим заработкам на Онежском озере к началу революции его хозяйство сделалось зажиточным, хотя торговлей Конашковы никогда не занимались.

После революции большая семья Конашкова распалась навсегда. Еще раньше, на германском фронте, был убит второй сын, и вскоре трое других сыновей разделились. Двое разъехались по городам. Федор Андреевич остался жить с младшим сыном. Перелом в жизни Ф. А. Конашкова произвела встреча его в 1928 г. с сотрудниками экспедиции братьев Соколовых. Он оказался одним из самых значительных сказителей совре-

менного Прионежья как по величине своего репертуара (в чем он уступал только другому пудожскому сказителю Г. А. Якушову), так и по высокому качеству своих текстов. С 1928 г. Конашков, в числе некоторых других сказителей, стал неоднократно выезжать в Москву, Ленинград и Петрозаводск. Ранее неохотно певший былины своим землякам, Конашков теперь с большим увлечением исполнял их перед различными аудиториями. Высокий, с окладистой бородой старик везде производил впечатление «ветхозаветного» сказителя. Медленные движения, равномерная поступь, умение с достоинством держать себя среди незнакомых, величавость и, вместе с тем, какая-то ласковая «повадка» сразу делали его любимцем, в особенности среди учащихся, которых он и сам любил. Детям он с охотой и мастерски исполнял сказку про Ерша Ершовича.

В последние годы перед смертью Конашков стал создавать новые эпические произведения на темы нашей современности. Получая письма из Москвы, Ленинграда и Петрозаводска, от Союза советских писателей, от Всесоюзного Дома народного творчества, от журналов и газет, с просьбой прислать новые былины, старик хлопотливо принимался выполнять заказы, все время опасаясь, чтобы «не запоздать и поспеть к сроку». Будучи неграмотным, Федор Андреевич создавал новые произведения устно, прося грамотных членов семьи или присутствующих гостей записать то, что он сложил. С маленькими, остро блестящими глазками, заросшее бородой лицо Конашкова начинало багроветь, когда он полушопотом перебирал свой запас былинных эпитетов, сравнений, метафор, стараясь сложить былинку «поскладнее».

В начале 1939 г. Федор Андреевич Конашков был вызван в Кремль, и М. И. Калинин собственноручно вручил ему орден «Знак почета». В феврале 1939 г. в секции народного творчества Союза писателей «встретился башкирский певец-импровизатор Фаррах и ... 80-летний Ф. А. Конашков ... только что награжденные орденами Союза. Они пришли сюда со своими сказками, песнями, былинами, преисполненные чувством глубокой благодарности к партии и правительству, высоко оценивших их творчество». («Литературная

газета», от 26 февраля 1939 г.). В течение последних лет сказитель получал персональную пенсию, что обеспечивало ему спокойную старость.

Высокую награду — орден «Знак почета» — сказитель воспринял очень своеобразно. Возвратясь из Москвы, он долго не прикреплял ордена к борту пиджака, а носил в футляре и, вынимая из кафтана, показывал орден всем землякам. Старик с детским оживлением рассказывал, как и о чем говорил он с «Михайло Ивановичем», как товарищ Калинин потчевал его чайком и насколько пирожки в Кремле вкуснее тех, что печет дома Маланья (жена сказителя).

В 1939—1940 гг., когда мною начата была работа по изучению творчества Конашкова, Федору Андреевичу шел 81-й год. Это был еще бодрый старик, неутомимый хлопотун и, действительно, заядлый рыбак. Когда он расставлял снасти или вынимал из них рыбу, он даже переставал чувствовать боль в скрюченных от ревматизма руках и ногах. Вместе с одним стариком, своим сверстником, он устроил вдоль речки запруду и осенью, несмотря на непогоду, каждый день был занят своим любимым делом. Во время моего пребывания в с. Семеново, мне из окна было видно, как ежедневно медленно передвигалась лодка с двумя стариками вдоль частокола, где они часами копошились, вытаскивая и вновь опуская нехитрые речные снасти...

Не менее десяти раз мною делались попытки получить более полные биографические данные, чтобы подробнее развернуть восьмидесятилетнюю жизнь сказителя, но каждый раз это кончалось неудачей — старик упрямо повторял одни и те же, уже не раз сообщенные им скудные факты. В скупости рассказа явно чувствовалось упорное нежелание рассказывать постороннему человеку о прошедших десятилетиях, а также и действительно однообразие прожитой жизни. Расспросы стариков-однодеревенцев не дали нужных результатов.

О Василии Степановиче Конашкове, от которого наш сказитель воспринял свой репертуар, не удалось собрать никакого материала. Почти 60 лет Федор Андреевич прожил в соре со своим дядей, помня, что в момент дележа в хозяйстве Василия Степановича было 15 рублей и племяннику из них не досталось ни копейки. Очевидно, по этой причине старик и не расска-

зывал ничего про дядю, в хозяйстве которого он прожил все детство и юность. Вероятно, между ними разыгралась очень обычная в крестьянском быту того времени тяжелая драма: один всю жизнь помнил, что кормил племянника-сироту, другой до конца жизни не забыл, что работал на дядю, а тот не поделился с ним деньгами. Взаимная обида, вероятно, навсегда встала между ними такой непреодолимой преградой, что о старшем Конашкове так и не удалось ничего узнать; хорошего Федор Андреевич сказать не хотел, а плохого говорить о покойном, и тем самым «потревожить кости», не позволял страх перед усопшим.

II

Двадцать два былинных сюжета дают достаточный материал, чтобы установить индивидуальные особенности репертуара Конашкова, а также творческий облик самого сказителя.

В нашем распоряжении были записи 1937 г. и повторные записи 1938 г., которые мною были вновь проверены в ноябре 1939 г. Сопоставление всех записей позволило установить, что текст Федор Андреевич помнил прочно и его не менял. Никакой склонности к импровизации Конашков не проявлял. Вероятнее всего, Федор Андреевич Конашков был сказителем типа передатчика, исполнявшим текст в том виде, в котором он его воспринял.¹

Но на основании текстов его былины можно определенно сказать, что кто-то из Конашковых переработал сюжеты репертуара на свой лад. На это указывает один и тот же характер изменений во всех былинах, передаваемых Ф. А. Конашковым, по сравнению с несомненными первоисточниками и другими олонекскими обработками тех же сюжетов.

Отметим еще одну характерную черту Конашкова как исполнителя. В своих выступлениях Федор Андреевич учитывал особенности своего репертуара и состав аудитории. Свои былины он распределял по определенным группам слушателей.

¹ См. классификацию типов сказителей у А. М. Астаховой. Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 71—85.

По его словам, он пел:

Детям:	Про туров (Василий Игнатьев и Батыга).
Молодежи:	Чурида и Катерина. Ставр Гоудинович. Добрыня и Алеша. Наезд литовцев. Холостой Добрыня и Марина. Братья-разбойники и сестра.
Женщинам:	Соловей Будимирович.
Невестам:	Про Данилу Белого.
Людям сред- него возраста (женатым и заму́жним):	Былины о Добрыне. Михайла Потык.
Военным:	Илья Муромец и Калин-царь. Прочие былины об Илье.
Начальству:	Иван Грозный. Сухман.
Торговым людям:	Садко.

Это распределение былин по возрасту и общественному положению слушателей любопытно тем, что выявляет отношение сказителя к своему репертуару. Очевидно, в основу своей классификации Конашков клал идеи, вложенные в данный сюжет; новеллы, как видим, целиком вошли в репертуар для молодежи, а героические былины составили группу, предназначенную для военных. Предназначение былины о «Василии Игнатьевиче и Батыге» детской аудитории, очевидно, обусловлено простотой композиции этой былины у Конашкова, делающей ее доходчивой для детского восприятия.¹

Как показывают нотные записи, у Конашкова было лишь два напева, на которые он исполнял свои былины. Пропев 10—20 строк, сказитель отдавался ритму и моно-

¹ К сожалению, собиратели не интересуются во время полевой записи, какой аудитории предназначает сказитель тот или иной номер своего репертуара и существует ли у него подобное распределение. Между тем, такая фиксация устанавливает отношение самого носителя народного творчества к тому или иному сюжету.

тонно, не понижая, не повышая голоса, пел былину до самого конца. Не петь он не мог. Иногда в процессе работы требовалось проверить то или иное место. Было достаточно прочесть строк десять начала былины, затем столько же перед тем эпизодом, который надо было повторить, чтобы старик, взмахнув рукой (что означало знак «молчи»), подхватывал последнюю строку. На мою просьбу продиктовать, всегда отвечал: «Сказывать не могу, не получица». Пение продолжалось до самого конца былины, и оборвать его — значило на несколько дней обидеть старика.

Исполнительская манера Ф. А. Конашкова отличалась предельной простотой. Сказитель усаживался на стул, медленно перебирая вспухшими от простуды пальцами край деревенского пошива выдубака, пел без передышки, не останавливаясь даже для того, чтобы выдохнуть в себя воздух.

Условия создания конашковского репертуара, в Олонецком крае в прошлом столетии

Процесс оседания и распространения того или иного сюжета очень прост. Достаточно появиться сказителю, былина которого придется «по душе» слушателю с хорошей памятью, как тот ее запоминает. Дальнейшее уже зависит от случая — оседет ли былина в данной местности путем ее передачи кому-либо из родни или земляков, или она исчезнет со смертью этого памятливого слушателя. Наглядным примером восприятия сюжета является переданный Гильфердингом рассказ водлозерца Нигозеркина о том, как он усвоил былины. «Нигозеркин рассказал, что он им научился не далее, как в прошлом году (а надо заметить, что это человек уже немолодой, ему за 40 лет), что до того времени он никогда не пел былин, но прошлой осенью заехал к нему переночевать какой-то старичок-крестьянин из-за Кенозера... Старик пропел былину про Дюка Степановича, и она Нигозеркину так понравилась, что он просил своего гостя ее спеть другой, а потом еще и третий раз. Так он ее и «поял». Старик на другой день уехал, но на возвратном пути опять остановился переночевать у Нигозеркина, который тогда выучил

от него былину про «Добрыню и Алешу» (Гильфердинг, «Онежские былины», изд. 2, т. 1, СПб., 1894, стр. 23).

О том, как распространялись былины, свидетельствует рассказ П. Н. Рыбникова о портном Чукове (по прозвищу «Бутылка»). «Мне сказывали, что Бутылка ходит по всему Заонежью, занимаясь портняжеством то в той деревне, то в другой, и во время работы постоянно поет былины» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, М., 1909, т. 1, стр. LXVI—LXVII).

О том же Чукове другой собиратель говорит следующее: «Он охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен. Будучи по ремеслу крестьянским портным, он всю осень и зиму ходит по деревням Заонежья, останавливаясь там, где нужна его работа. Таким образом, у него есть знакомые во всех углах этого края» (Гильфердинг, т. I, стр. 13). Перед нами один из случаев распространения сказителем своего репертуара, и понятно, что чуковские редакции встречались в разных местах Заонежья. В то же время и сам Чуков, вероятно, сконцентрировал в своем репертуаре былины, усвоенные от разных сказителей. Рыбников и Гильфердинг записали от него 22 сюжета. Учтем также, что сказитель только осень и зиму странствовал по Заонежью, но весну и лето жил вблизи Пудожгорского погоста (северо-восточное побережье Онежского озера), где он имел неплохое хозяйство. Следовательно, заонежские варианты переносились Чуковым на Повенецкое побережье, а сюжеты Пудожья и частично выгозерские переносились им в Заонежье.

Однако не только таким путем—благодаря бродячим ремесленникам и торговцам¹—распространялись былины по Прионежью. Большую роль в этом играла знаменитая Шунгская ярмарка. Она притягивала к себе со всего севера людей самых разнообразных профессий, в том числе носителей народного творчества. На это указывает и П. Н. Рыбников: «К записыванию этих мате-

¹ Так, в самом глухом районе Олонки, изолированном лесными тучными от всего мира на многие десятки верст,—Водлозеро—А. Ф. Гильфердинг обнаружил повозки с историческими песнями, которые он записал от ехавшего из Олонки на Волгу горбунья, бывавшего даже на Волге.

(См. Гильфердинг, т. I, 1894, стр. 58—60).

риалов (памятников народного творчества—А. Л.) представила удобный случай первая поездка моя на Шунгскую ярмарку, Повенецкого уезда (в декабре 59 и в ноябре 60 г.), куда я отправился для собирания статистических сведений. Здесь мне рассказали, что в старое время на эту ярмарку постоянно приходило много калик: они садились, бывало, у погоста и пели духовные стихи, а толпы проезжих собирались их слушать и подавали им посильную милостыню» (Рыбников, т. I, стр. LXIV).

Приведем конкретный факт значения Шунгской ярмарки в распространении сюжетов—выдержку из письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову: «Прилагаю к стати варианты № 45, записанные мною на Шунге от слепого Ивана (Фелюнова—А. Л.), дер. Мелентьевской, Купецкой волости, Пудожского уезда» (Рыбников, т. III, стр. 308). У Рыбникова же находим указание на связь Кижей с Каргопольским уездом. Былина «Нашествие татар» записана в Кижской волости, но с пометкой. Рыбникова: «От захожего каргопольского калики слепого» (Рыбников, т. II, стр. 668).

Чтобы попасть из Каргопольского уезда (река Онега) в Заонежье, надо идти через Пудож, вдоль реки Водлы,¹ впадающей в Онежское озеро. Зимой на лошадях переезжают пролив от Усть-Шалы до Кижей. Весной, летом и осенью надо было идти вдоль побережья через Пудожский погост и прочие соседние деревни² и затем через Повенец переходить узкий перешеек, соединяющий Заонежский полуостров с материком.³ Таким образом, Пудожье и Повенецкая полоса были коридором в Заонежье, куда ежегодно съезжались на Шунгскую ярмарку, самую крупную на всем нашем Европейском Севере.⁴

¹ Через дер. Семеново, в которой род Конашковых проживал в течение всего XIX века.

² Записанные редакторами Рыбниковского собрания и Гильфердингом в группу «Повенец».

³ Состоятельные люди нанимали лодку, калики, портные, коновалы и пр. обычно предпочитали идти окружным путем через селения, добывая по пути заработок и пропитание.

⁴ В 1864 г. П. Н. Рыбников был командирован на Шунгскую ярмарку, результатом чего в том же году явилась в Олонецких Губернских Ведомостях его статья (См. Олон. Губ. Вед., 1864, №№ 6, 7, 8 и 9). «Звероловное и рыболовное население се-

Любопытные данные дает учет источников репертуара сказителей, обследованных Гильфердингом.

Сказители Прионежья получили знание своих былин из следующих 14 географических точек:

1. Выгозеро — Никитин, был портным в Кемском уезде.
2. Водлозеро — Захаров, был скупщиком даже на Волге.
3. Моша — Швецов, скупщик в Соробе (Белое море). Вологде, Вельске на реке Ваге.
4. Моша — Юрьев, былины перенял от старика с Онеги, проезжавшего через Мошу.
5. Моша — Прохоров Петр, — от заезжих каргополов.
6. Пудожье — Фепонов — слепой калика — от слепого калики Мещанинова, уроженца Каргопольского уезда.
7. Пудожье — Антонов Потап, сосед Конашкова¹ — от деда, который выучил былины от слепого калики Мины из Вытегорского уезда, умершего в первом десятилетии XIX в.
8. Пудожгорский погост — Калинин, портной, кроме отцовского репертуара, усвоил былины во время работы в районах Шуньги и Толвуи.
9. Соседняя с предыдущей Песчанская волость — Корсаков, портной, ходил работать по деревням Заонежья и в это время выучился былинам.

вера Архангельской и Олонецкой губерний везет сюда продукты охоты и рыбной ловли... Оптовые промышленники пушным товаром, рыбой и дичью привозят на Шуньгу сотни и тысячи шкур из Норвегии, Корелы и Архангельской губернии и продают пушной товар меховым торговцам для С.-Петербурга, Вологды, Каргополя, Ростова, Нижегородской и Ирбитской ярмарок; закупают за Ичорой, у Летнего берега Белого моря, в Кореле... привозят из Норвегии, с Мурманского берега, Онеги, Двины, Реми, Колы, Мезени, Умбы, Варзуги... Привоз товаров на Шуньгу в нынешнюю Богоявленскую ярмарку простирался до 460.225 руб., менее против 1860 г. на 374.000 руб., менее против 1862 г. на 674.000 руб. Итог продажи составил до 359.800 руб., менее против 1862 г. на 534.200 руб.»

Иными словами, в 1862 г. было привезено на Шунгскую ярмарку товаров на 1.133.200 руб., а продано на 894.000 руб., т. е. на очень крупные суммы для Севера России 60-х гг. прошлого столетия.

¹ В репертуаре Конашкова значатся все былины, записанные в свое время Рыбниковым и Гильфердингом от Антонова.

10. Кенозеро — Сивцев (Поромской), знание былин перенял от отца, который был портным, и заимствовал от стариков в районе впадения р. Кены в Онегу (соседняя местность, где родился учитель пудожанина Фепопова).
11. Кенозеро — Меньшиков — помимо отца, усваивал былины от посторонних; часто ходил по чужим людям на заработки.
12. Кенозеро — Максимов — от Трофима Романова, жителя Колодозерской волости, Пудожского уезда.
13. Кенозеро — Завал Ефим — как коновал побывал в 20 губерниях.
14. Река Онега — Латышев, калика, на реке Кене былины перенял от калики Геркуши с Мошинской стороны.

Из 63 опрошенных Гильфердингом сказителей, 20 заимствовали знание былин внутри семьи (в том числе 9 женщин из 15 сказительниц). Если откинем женщин с их случайным и скудным материалом, то получим 22 случая усвоения от соседей. Устанавливается 13 случаев занесения сюжетов от прохожих. Таким образом, вместе с 14 фактами усвоения репертуара вне своей родины, получаем 27 случаев занесения былин извне селения, где родились 63 опрошенных сказителя. В итоге оказывается, что самую многочисленную группу составляют сюжеты, занесенные со стороны.

Таковы данные об условиях распространения былин в те годы, когда Федор Андреевич Конашков заучивал от дяди былины. Эти цифры указывают на безусловно широкое общение сказителей друг с другом — в массе своей они не жили замкнутой жизнью. П. Н. Рыбников указывает, что от пудожанина Сорочкина он узнал про замечательных певцов в Водлозере, на Кенозере и в других местах Пудожского уезда. Приходится проклинать тупость олонецких бюрократов, мешавших Рыбникову заниматься собирательством.¹ Ведь Гильфердинг только за два месяца поездки записал три тома былин — 318 номеров!

¹ «Вы в Москве полагаете, — пишет Рыбников своему редактору П. А. Бессонову, — что... разгуливаю, где и как хочу. Между тем, до последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими препятствиями, а три первых и даже от-

Сопоставление текстов Конашкова с записями Рыбникова и Гильфердинга подтверждает вывод, что в середине XIX столетия сказители разных районов общались между собой и заимствовали друг от друга сюжеты.

При этом творчески одаренные люди не воспринимали новые для них сюжеты автоматически, а подвергали их переработке, создавая свои варианты. Это подтверждает история создания конашковского репертуара, причем варианты Ф. А. Конашкова весьма отчетливо дают нам и все основные виды создания новых редакций.

Примером несомненной генетической связи с былинной другого сказителя может служить вариант Ф. А. Конашкова о Микуле Селяниновиче. Сравнивая эту былинку с вариантами на тот же сюжет у других сказителей Прионежья, мы замечаем полное тождество вариантов конашковского с рябининским (Гильфердинг, № 73). Совпадение текста местами дословное:

ТРОФИМ РЯБЕНИН

КОНАШКОВ

1 Жил Святослав девяносто лет,¹

1 А жил Цветослав девяносто лет,

Жил Святослав да
переставился.
Осталось от него чадо милое.
Молодой Вольга
Святославович.

Тут Цветослав и преставился
Осталось от Цветослава чадо
милое,
Как Ольга да и Цветославье-
вич.

46 У ратоя кобылка соловенька,

47 У оратаюшки кобылка да

Да у ратоя сошка кленовая.

А ведь сошка-то да

Гужики у ратоя шелковые.

Как пригуженьки ты
шелковыми.

80 «Ай же, Вольга
Святославович,
А оставил я сошку в
бороздочку.

33 «Ай же, Вольга
Цветославьевич,
Как оставили мы сошку на
полянки.

части пняго оставили за собой неприятности... В Шалах, в Колодозере и в других местах не мог оставаться доле, чем оставался, и записывал дено и ночно... В Каргополе в ту же поездку я собрал многое, да меня *воротили*. (Курсив Рыбникова, т. III, стр. 310—311).

¹ Разбор характера переработки былинны «Вольга и Микула» по содержанию см. в следующей главе.

Да не гли-ради прохожаго,
проезжего,
Ради мужика деревенщи-
ны».

43 Как не ради-то проезжего,
прохожего.
А ради мужичков-то
деревенских.

112 Да не могут они сошку с
земельки повидернуть,
Из омеников земельки
повытряхнуть.
Бросит сошку за ракитов
куст.

48 А не могут-то ведь сошки с
земли выдернуть,
С омеников земельки не
могут повытряхнуть,
А не могли они сошки
кинуть во ракитов куст.

123 125 Повторение строк
112—115.

59 61 Повторение строк
48—50.

134—136 Повторение того же.

68—70 Повторение того же.

148 Браа эту сошку одной
ручкой.
Сошку с земельки
повыдернул.
Из омеников земельку
повытряхнул.
Бросил сошку за ракитов
куст.

72 Браа ёи сошку одной
рукой.
Как с земельки сошку
повыдернул,
С омеников земельку
повытряхнул.
Кинул ёи сошку во ракитов
куст.

173 «Ай же ты, оратай-
оратаюшко!
Как-то тебе да именём
зовут,
Как звеличают по отече-
ству?»

77 «Ты сважись-во нам.
оратай-оратаюшко.
Как зовут-то тебя да по
имяньи
Звеличают тебя по
отцесьву?»

81 «Дравн пидеру да то я
пива наварю.
Пива наварю, мужиков
напою.
Станут мужички меня
покланивати.

81 «И повинку спашу, я вить
хлибца напашу.
А да пива наварю да вить
гостей соберу,
Да я гостей соберу, да
всех пивом напою.
Назовут-то меня, мужика
деревенского:
«Ай же ты, Микула
Селянинович!»

«Ай ты молодой Микулаушка
Селянинович!»

Перед нами полное совпадение ряда стихов, несомненно, доказывающее или прямую преемственность (в порядке личного заимствования одним сказителем от другого), или единство первоисточника вариантов этого сюжета.

Другой вид создания новой редакции дает нам былина о Дунае. Сказители Пудожья второй половины XIX века, судя по записям Рыбникова и Гильфердинга, не знали этого сюжета. Вариант Конашкова не обнаруживает также полного родства ни с одним из вариантов записей этих собирателей из других районов, как это наблюдаем относительно предыдущей былины. В то же время мы встретим отдельные совпадения (иногда дословные) с былинами ряда кижских сказителей: Рябинина, Романова, Иевлева, Щеголенка и Суриковой. При этом, в варианте Конашкова окажутся особенности, свойственные каждый раз лишь одному из перечисленных сказителей. Таким образом, конашковский вариант в деталях будет комбинированным. С вариантом Рябинина, например, находим дословное совпадение в заявлении Опраксии, что она «три года господу молилась, чтобы выйти замуж за князя, за Владимира», и в упоминании куньей шубки, которою литовский король прикрывается от разгневанного богатыря.

С вариантами Романова и Иевлева былина Конашкова совпадает в описании красоты невесты, в именах сестер, в участии Добрыни, в отказе Дуная взять войско и казну и в сцене вооруженной схватки с Настасьей.¹

С текстом Щеголенка связь в очень детальном описании (на 16 строках) традиционного снаряжения, что для Конашкова совершенно необычно.² Впрочем, у обоих сказителей эти описания представляют общий былинный тип описания снаряжения, и поэтому на основании данного совпадения нельзя еще говорить о несомненной генетической связи вариантов.

¹ Рыбников, т. I, № 9, строки 185—186; Гильфердинг, т. II, № 81, строки 231—232.

² Описание внешности Опраксии—Рыбников, т. I, № 42, строки 12—15; Гильфердинг, т. II, строки 18—21. Отказ Дуная взять войско с казной и просьба дать в товарищи Добрыню—Рыбников, там же, строки 52—64; Гильфердинг, там же, строки 63—75. Погоня старшей сестры за богатырями и бой с Дунаем—Рыбников, там же, строки 161—204; Гильфердинг, там же, строки 183—230.

³ Гильфердинг, т. II, № 125, строки 43—65.

С вариантом кижанки Суриковой роднит упоминание о куньей шубке короля, которой он прикрывается в сцене гнева Дуная.¹

Таким образом, конашковская редакция «Дуная» выработана не на основе одного какого-либо источника, а на основе заимствованных отдельных особенностей из разных вариантов, принадлежащих другим сказителям.

С другой стороны, многие былины Ф. А. Конашкова благодаря тому, что в них ярко выражено индивидуальное творческое начало, не имеют ни полного текстурального родства, ни дословного тождества деталей с записями от других сказителей. В них мы встречаем лишь некоторые аналогии. В данном случае показательна былина «Наезд литовцев» (№ 10).

В отличие от текстов других сказителей-прионежан в былинке Конашкова почти никаких следов определенной связи с каким-либо из зафиксированных текстов нет. Специфично для конашковской редакции отсутствие фантастического элемента. Но композиция отдельных частей и отдельные детали роднят ее то с одним, то с другим вариантом.

Так, абзац о неженатых молодцах, не выданных замуж девицах, застоявшихся конях, залежавшихся платьях и заплесневевшей казне (строки 27—32 и затем трехкратные построения) весьма близок к тексту конашковского соседа—пудожанина Антонова (в записи Рыбникова) и к тексту Шальского лодочника (в записи того же собирателя).

Аналогию конашковскому плачу царя Романа Митриевича:

91. «Ох ты, старос[т]ь, старос[т]ь обледеела,
Если был бы я во старой во степени-то,
Поглядел бы я во чистом поли,
Во чистом поли, да кто оратует?»

мы встретим у кижанина Романова («Ах ты, старость, старость глубокая!», этот же плач перефразируется у пудожгорца Калинина («Ах ты, молодость моя молодецкая»). Самый полный и замечательный по красоте плач найдем у пудожанина Сорокина.

¹ Гильфердинг, т. II, № 139, строки 115—119. Вариант Суриковой очень близок в ряде моментов к текстам Романова и Иевлева, а в детали о шубе — к тексту Рябинина.

Отметим также скрещивание по аналогии в деталях конашковского варианта с текстами пудожан Фепонова и Антонова, кижанина Романова и др. В то же время нет ни тождественных совпадений, ни даже заметного прямого родства с ними.

Наконец, в былинах Конашкова наблюдаем прием компилирования самого себя. Одна и та же строка, иногда ряд стихов подряд переносятся сказителем из одной былины в другую. Иногда весь вариант (словно деревенское одеяло, сшитое из лоскутков) оказывается собранным из строк, взятых от целого ряда иных сюжетов.

Наглядным примером может служить фрагмент былины «Волх Всеславьевич и Индийское царство».

Сказитель Конашков (или скорее его учитель — дядя или дед) настолько позабыл текст, что в его памяти сохранились лишь несколько строк, устанавливающих несомненную связь со сборником Кириши Данилова.¹ В то же время текст мозаичен, и в нем не мало стихов, взятых из разных других конашковских былин:

Волх Всеславьевич и Индийское царство.

Совпадения.

9 «Привезу тебе и два подароцка:
Привезу тебе шубку соболиную,

68 Обещались привезти, по шубке соболиной... и т.д.
(Василий Пенатъев и Батыга, 9)

Как с тых ли соболой да заморских,

54 Как куницъ, лисницъ, соболой оны заморских
(Соловей Будимирович, 19)

Привезу тебе одеялышко с цистых шолков,

69 Но одеялышко шеема чистого
(Василий Пенатъев и Батыга, 9)

¹ Вспомним письмо П. Н. Рыбникова к Дм. А. Хомякову: «...На днях один писарь надул меня, приславши шесть старин, которые он от слова до слова списал у Кириши Данилова» (Рыбников, т. III, стр. 318). Поэтому, встречая много раз несомненное тождество с текстом Кириши Данилова, нет нужды создавать какие-нибудь домыслы. Не только сам сборник, но и дешевые издания отдельных былин из него, несомненно, были ходки среди населения. Отсюда, вероятно, причина неоднократно подмечаемого родства с текстами сборника Кириши Данилова отдельных стихов у того же Конашкова.

А возьму я силу сорок тысячъ»

10 Как имею я силы сорок тысячей,
(Про Илью Муромца и Соловья-разбойника, 1)

47 Как во городе да во Киеви
Есте сильныи могущи да богатыри,
22 Отворил Ольга двери-то дубовыи
Они на петелках да на шолковых,

1 Как во стольном городе, во Киеве...
(Добрыня и Алеша, 7)
115 Отворила двери ты дубовыи,
Как на петелках они на шелковых
(Иван Грошый и сын, 22)

Как изволил Ольга взять царя турецкого,
Как за рудики да за белыи,
А за тьи за плецьки за могущи,
Говорил Ольга Цветославьевич:
«Как у нас на святой Руси установлено,
Как не бить царя, не казнить царицеи»,
Как изволил Ольга бросить о кирпичи пол

Он берет царя за белыи руки...
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то, царей, не бьют, не казнят»

Ухвати его, ударила о кирпичатой пол.
(Кириша Данилов, стр. 22)¹

Тут царю Салтану да турецкому,
Тут ли ему-то славу поют.

396 Тут Соловьюшку да ветх славу поют
(Про Илью Муромца и Соловья-разбойника, 1)

32 Выходил Ольга от Салтана из терема,
Как от Салтана-то да от турецкого,

Крепка стена белокаменная,
Ворота у города железныи,

Кругом-то своего терема Крепость крепкая-то укрепована,
Подворотенка-то кости рыбной
А ведь всякими вырезами красивыма...
А на том-то былаина и закончилась.

Крюки, засовы все медныи, Стоят караулы денныи, ноцныи
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезено
(Кириша Данилов, стр. 21)

¹ Сборник Кириши Данилова, изд. Публичной биб-ки, 1901.

Таким образом, перед нами пример, как сказитель, уже владея определенным былинным репертуаром, создает сборный текст усвоенного сюжета.

Подобные перенесения из собственных же текстов мы находим и в некоторых других былинах Конашкова.

Так, зачин быliny «Дунай» Конашкова аналогичен ряду зачинов в других былинах («Ссора Ильи с Владимиром», «Сухман», «Наезд литовцев»).

43. 46	Как во городи — да во красном, Как в том во селу-то да во богатом У царя-то Романа Митриевича.	Дословное совпадение в «Наезде литовцев». (10, строки 24—26)
--------	---	--

В той же былинке имеются и другие стихи, точно повторяющиеся в других былинах.

70	Как не надо мне да злата- серебра,	Дословно в былинке «Про Илью Муромца и Соловья-разбойника» (1, стр. 380)
----	---------------------------------------	---

А не надо-то силы- армии	41	Дай-ко нам да силы- армии (Наезд литовцев, 10)
-----------------------------	----	--

401	Поднялась пыль да куревка Как от тых ли копыт да лошадиных.	Дословно стих 78 (Добрыня и Алеша, 7)
-----	--	--

418	Поминали мы Дунаюшку, што живого нет	146	А поминали мы Илью- шеньку, Что Ильюшеньки живо- го нет.
-----	--	-----	---

146	(Илья Муромец и Калин- царь, 3-а)
-----	--------------------------------------

134	По палате-то он запохаживал А немило на царя завыглядывал	57	По палате грозно-то запохаживал, Как немило на Федора да завыглядывал (Иван Грозный и сын, 22) И повторение там же, строки 85—86
-----	--	----	---

144	А оставь-ко меня да во живности	221	А оставь-ка, боярин Дюк, Чурилу ты во живности (Дюк, 16)
-----	------------------------------------	-----	--

Создатель этого репертуара обильно пользовался традиционными формулами, не проявляя самостоятельности при словесном оформлении сюжетов.

Типичным для общего характера обработки сюжетов конашковского репертуара является вариант «Илья и Идолище». Сравнивая его с вариантами других сказителей, мы легко подмечаем следующие особенности:

1. Лаконичность варианта—89 стихов, в то время, как у соседа Прохорова 202 стиха по записи Рыбникова и 274—по записи Гильфердинга.

2. Законченность сюжета, несмотря на краткость.

3. Четкая архитектура.

4. Включение эпизодов из других сюжетов, чтобы усилить занимательность сюжета.

Эта характеристика вполне приложима почти ко всем номерам репертуара Конашкова, что доказывает обработку всех сюжетов репертуара одним и тем же лицом.

Таким образом, былинный репертуар, который Ф. А. Конашков унаследовал от своего дяди, сложился в свое время под воздействием не единого, а многих источников, впитав в себя элементы соседних эпических традиций. Слышанные и усваиваемые варианты создателем конашковского репертуара не перенимались в точности, а подвергались то более, то менее значительной переработке.

В этом процессе создания новых конашковских редакций выявляется:

1. Исключение некоторых эпизодов, при сохранении общего порядка развертывания сюжета и целого ряда самих стихов (Вольга и Микула).

2. Комбинирование деталей, заимствованных у разных сказителей (Дунай).

3. Сохранение лишь общего родства при коренной переработке текста (Наезд литовцев).

4. Создание сборной редакции, с помощью заимствования ряда строк из других номеров своего репертуара (Соловей Будимирович).

5. Свободный пересказ сюжета с сохранением лишь наиболее оригинальных строк источника (Вольга и Индийское царство).

В годы жизни его былины Ф. А. Конашков не вносил в свой репертуар новых изменений, кроме случайных обмолвок. Устанавливая, что Федор Андреевич

принадлежит к наиболее широко распространенному типу сказителя-передатчика, мы этим не отрицаем наличия у него творческих способностей. Ни у кого не вызовет удивления факт, что певцы, передавая с предельной точностью заученные тексты, в то же время иногда сами создают новые произведения. В данном случае перед нами подобное явление. Факт точной передачи Конашковым заученного в юности текста, конечно, не означает отсутствия в нем творческих возможностей. В последнее десятилетие своей жизни Ф. А. Конашков начал сам составлять сказы о вождах революции, о комиссаре Пожарском, об Иване-богатыре и т. д. Но это не опровергает факта, засвидетельствованного самим сказителем, что «как понял былинки, так и пою» (как заучил, так и передаю). Когда при проверке текста оказывалась перестановка слов внутри стиха и мы это замечали вслух, старика явно охватывала оторопь, которая на некоторое время выводила его из душевного равновесия — «неужто запамятовал?» — волновался он.

Это настолько заметно отражалось на исполнении последующего текста, что пришлось отказаться от громкой фиксации разночтения и молча внести, по сути дела, не меняющие смысла перестановки.

Художественные особенности былины Ф. А. Конашкова

I

Путем сопоставления былины Ф. А. Конашкова с односюжетными вариантами Прионежья выявляется несомненная связь их с репертуаром сказителей, от которых производились записи в 1859—1865 гг. П. Н. Рыбниковым и в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом. Сравнение устанавливает, что репертуар Конашкова чаще всего примыкает к вариантам пудожан. В частности, все сюжеты репертуара Потапа Антонова, жившего от Конашковых в трех верстах, оказались включенными в конашковское собрание, хотя по характеру обработок между обоими репертуарами тесной связи нет.

Сличая варианты Конашкова с вариантами соседей-пудожан, при наличии смыслового тождества, обнаруживаем текстовые разночтения.

Для примера возьмем из былины «Добрыня и Змей» наказ матери Добрыне:

КОНАШКОВ

96 «Дам платочек,
Добрынюшка, тебе
шелковой,
Как будешь, Добрынюшка,
со змеиной сражаться,
Как будешь, Добрыня, с
сины выиватисе.
Ты возьми платок—оботри
поток,
Будет, Добрынюшка,
сила-то по-старому!
Как друтой, Добрынюшка,
и дам подарочек:
Как батышка на войнах
да поскиднал,
Дам, Добрынюшка, и
платочки шелковую,
Как станет добрый конь
возить не по-старому,
станет доброй конь возить
да не попрекнему,
ты возьми, Добрыня,
платочку шелковую,
ты хлещи коня да по
крутым ребрам,
По крутым ребрам, по
резвым ногам.
Будет добрый конь возить,
Добрынюшка по-старому.»

АНТОНОВ (Гильфердинг, № 64)

327 «Дам теби плеточку семи
шелков,
Этой плеточкой будешь
помахивать,
А еще дам и тебе
талынской плат,
А рука твои права
призамашется,
Свет со глаз как
потеряется,
Тебя станет змея она
потаскивать,
Станет люта теби
побрасывать,
Ты возьми-тко нынь свой
талынской плат,
Поводи по тому лицу по
белому
А утри-тко свои ты очи
ясны,
Будешь лучше старого да
лучше прежнего.
Поводи коня да по
толстым ребрам
ты платком ты
талыношным.»

ФЕЛОНОВ

Наказ сведен к следующим строкам:

295 А и ты будешь со змеей,
Дрались-ратисся,
А и тогда змиа да
нобивать будет,
Выймай-ко ты с карманца
свой шелковый плат,
Утирай-ко ты, Добрыня,
Утирай-ко ты, Добрыня,
лицко белое,
А уж ты бей коня по
тучным ребрам.

Это сопоставление текста Антонова и бродячего калики Фепопова (тоже пудожанина) с вариантом нашего сказителя выявляет несомненное превосходство конашковского текста.

Если вариант Антонова, повидимому, является импровизацией,¹ если вариант Фепопова — сухой пересказ действий, то текст Конашкова дает художественный и плавный рассказ, в котором чувствуется шлифовка каждой строки. То же самое доказывается сопоставлением деталей: сравнить, например, «толстые ребра» коня (Антонов), «тучные ребра» (Фепопов) с «крутыми ребрами» (Конашков). По сравнению с Антоновым и Фепоповым, в конашковской редакции отчетливо видна формальная обработка: выдержанность ритма, наличие рифмовки, чеканка почти каждого стиха.

Дальнейшее сопоставление обработок этого сюжета у трех вышеназванных пудожан показывает не только различие строки (что происходит из-за ее переработки каждым из этих сказителей),² но и существенные изменения в развитии сюжета. Творчески одаренный сказитель чаще всего перерабатывает не только самый текст, но и композицию сюжета; он выкидывает почему-либо не понравившиеся эпизоды, он детализирует иные из них, обогащая их частностями, отсутствующими в первоисточнике. Иными словами, сказитель создает свою редакцию сюжета. Подобная творческая переработка заметна почти в каждом номере конашковского репертуара.

II

В результате изучения вариантов Ф. А. Конашкова прежде всего делается заметной их внутренняя тенденция — постоянно исключать из сюжета вставные эпизоды, разрывающие композицию.

¹ Ср. былинку Антонова «Смерть Чурилы» в записи Рыбникова (№ 162) с записью Гильфердинга (№ 67). Склонность Антонова к импровизации доказывается и различием записей Рыбникова и Гильфердинга былинки «Добрыня и Змей». П. Антонов был одним из интереснейших импровизаторов не только Пудожья, но и всего Прионежья.

² Наблюдения показывают, что переработка стиха замечается лишь у сказителей с крупным репертуаром, наличие которого обыкновенно указывает на влечение сказителя к былинному жанру. Сказители, владеющие одиночными номерами, чаще всего заучивают текст наизусть и очень мало меняют его при исполнении.

Мы не находим у сказителя ни одной былины, в которой был бы боковой эпизод, не имеющий непосредственного влияния на дальнейшие события. Наоборот, легко подметить, что из варианта выброшены вводные эпизоды, от которых уцелели отдельные, теперь уже рудиментарные строки. Возьмем для примера вариант «Добрыня и Маринки» (№ 6). Явная переработка этого текста чувствуется в несоответствии 38-й строки с последующими стихами.

37 Как она ли, Маринка догадлива,
Как за завесы да обряжалася,
Пошел Добрынюшка искать да по терему...

Далее повествуется, что герой убил не голубя, нарисованного на окошке, а татарина, любовника Маринки, после чего говорится:

47. Выходил, пошел Добрыня со стрелою каленою,
Как выходила Маринка догадлива,
Брала ножница она булатного...

и дается сцена колдовства с вырезанием следов Добрыни.

Таким образом, очевидно, что выпал существовавший в источнике или в первоначальной конашковской редакции разговор между Добрыней и Мариной, для чего она предварительно «обряжалась», пытаясь обольстить Добрыню (как в ряде других вариантов).

Любопытным примером упрощения сюжета является былина Конашкова «Василий Игнатьев и Батыга» (№ 9). Вариант типичен для репертуара Конашкова прямолинейностью развития и дает свой, в других вариантах не встреченный, конец. Сюжет в варианте передан так: «Стена городовая» плачет из-за наезда Батыги. Василий приходит к нему, пьет три чары, выходит на башенку и убивает двух родственников царя Батыги. Последний возвращается домой и «дарит» своей жене «подарки» — убитых сына и зятя. В былине есть стих «Эти русские ес[т]ь богатыри, а все ены омманщики» (стих 58) — слова Батыги, которые он произносит, когда Василий убивает его родственников.

Сопоставление с другими прионежскими вариантами заставляет предполагать, что данный стих — тоже рудимент, оставшийся от опущенного эпизода уничтожения

Василием многотысячного войска Батыги, которое он обманым образом, якобы для разгрома Киева, вывел в поле. При переработке данный эпизод был заменен переброшенным из первой части эпизодом умерщвления Василием родственников Батыги. Стих же об обмане, логически связанный с исключенным эпизодом, уцелел.

Подобный же случай сохранения отдельных стихов, после исключения побочного эпизода, мы видим в былине «Илья и Идолище». Факт творческой переработки, который мы наблюдаем в конашковском варианте, проявляется в контаминировании основного сюжета с эпизодом попытки Святогора (иногда Самсона) поднять сумочку, в которую вложена «земная тяга» (этот эпизод в конашковском варианте перенесен на Илью Муромца). Контаминация понятна — сказителю хотелось предварительно показать удивительную силу Ильи, убивающего затем такого чудовищного богатыря, как Идолище, своей «шапочкой». Для этой цели шапочке «старичка староматерного» и был придан громадный вес. В рудиментарной строке — в вопросе «старичка староматерного»: «Хорошо, Ильюша, силы цювствуешь?» (2, 46) — след, вероятнее всего, некоего эпизода передачи старичком силы для совершения Илеей в дальнейшем подвига расправы с чудовищным врагом (о том, что сюжет был значительно переработан, видно из необычного конца этой былины — Идолище сжигают на костре, а пепел развевают по ветру).

Эти примеры доказывают, что варианты конашковского репертуара не только представляли переработку определенного источника, но некоторые из них подвергались и дальнейшим изменениям.

В этом отношении чрезвычайно интересен имеющийся в репертуаре Ф. А. Конашкова очень хороший вариант сюжета «Вольга и Микула», отличающийся стройной, четкой композицией. Выше была отмечена близость этого варианта к былине Т. Г. Рябинина. Из 85 строк всей конашковской былины 60 оказались тождественными с рябининским текстом, что показывает общий источник обоих вариантов или факт заимствования.¹ Но вариант Рябинина на 100 стихов больше. Сопоставление конаш-

ковской редакции с рябининской выявляет, какие эпизоды Конашковы не нашли нужным включить в свою былину.

В конашковском варианте нет: 1. Упоминания о трех городах, к которым едет Вольга с дружиной за получкой; 2. Эпизода, рассказывающего о том, как Вольга, слыша голос пахаря, двое суток не мог до него доехать; 3. Рассказа оратая, как он расправился с разбойниками из городов, куда едет Вольга; 4. Разговора о цене кобылы, на которой едет Микула.

В варианте Конашкова остались только: 1. Зачин, который можно назвать экспозицией, дающий слушателю представление о Вольге; 2. Эпизод с сошкой, показывающий, что один пахарь сильнее всей бродячей дружины в 30 человек; 3. Величание «мужичка деревенского».

Таким образом, композиция значительно упрощена, былина освобождена от ряда второстепенных эпизодов, не имеющих непосредственного значения в развитии действия.¹ Несмотря на сокращение, основной смысл былины — возвеличение земледелия и земледельца — весьма четок, благодаря стройности архитектоники. Укажем последовательное развитие сюжета.

1—5 Зачин.

6—10 Пожелание Вольги «познать все премудрости».

11—14 Отъезд дружины в чистополье.

15—22 Описание пахоты Микулой.

23—35 Отъезд Микулы с Вольгой.

36—44 Микула говорит, что надо закинуть сошку за ракивов куст.

45—55 Первая попытка 10 дружинников выдернуть из земли сошку.

вариантов. Между тем, конашковская редакция не имеет аналогий, так как она в процессе переработки освобождена от деталей прионежского типа.

Ввиду того, что вариант Рябинина тождественен с вариантом Конашкова именно в записи Гильфердинга, а не Рыбникова, а дед Конашкова умер в 1868 году, 80 лет от роду, вероятнее всего предположить, что вариант Рябинина усвоен дядей нашего сказителя, а не глубоким стариком-дедом.

¹ Прочие варианты (в особенности подробно развернутый у Прохорова и менее у Фёпорова) осложнены добавлением — пахарь, будто бы, помогает Вольге уничтожить «мужичков», не заплативших Вольге дани.

¹ Предположение об усвоении Рябининим сюжета от Конашковых можно отнести по той причине, что рябининская редакция этой былины принадлежит к общему прионежскому типу

- 56—71 Третья попытка Вольги со всей дружиной.
 72—76 Сошку закидывает ратай одной рукой.
 77—86 Отрывок земледельческой песни — величание пахаря («мужика деревенского»).

В этой былине Конашкова, как и в варианте Рябина, очень искусно применен прием повторения, дающий нарастающий эффект. Впечатление динамичности при таком повторении будет усилено, если действие показано в неменяющейся обстановке; это вынуждает слушателя фиксировать свое внимание только на усилении или ослаблении явления. Это мы и видим в конашковском варианте «Вольга и Микула», где дается многократное повторение следующих слов:

... сошку из земли выдернуть,
 ... с омешков земельку повытряхнуть
 ... сошку кинуть за ракитов куст[т].

Эти слова без всяких изменений повторяются семь раз в следующих эпизодах:

- 1) 40—42 Вопрос Микулы, что надо делать с сошкой.
- 2) 46—49 Описание попытки 10 дружинников.
- 3) 53—55 Их рассказ о постигшей неудаче.
- 4) 57—61 Такое же описание попытки 20 дружинников.
- 5) 64—65 Их рассказ о постигшей неудаче.
- 6) 67—70 Описание попытки Вольги со всей дружиной.
- 7) 72—75 Описание, как пахарь одной рукой закинул сошку за ракитов куст.

Впечатление необычайной тяжести сохи растет с каждым разом, и тем сильнее получается эффект от мощи пахаря, когда слушатель узнает, что пахарь без всякого усилия выдернул из земли эту чудовищной тяжести «сошку».

Но нарастание дается не только путем повторения, сильно сковывающего развитие действия. В былине об исцелении Ильи Муромца находим образец иного приема нарастания. Здесь задача сказителя состоит в показе постепенного превращения калеки, не владеющего ногами, вначале в здорового человека, а затем в могучего богатыря. Сцена занимает у Конашкова около 60 стихов — для масштаба конашковских номеров это почти

самостоятельная былина — и представляет поступательное развитие темы постепенного выздоровления Ильи.

4. 38 Я бы рад вам подать-то милостиньку,
 Да сижу я тридцать лет
 сиднем

- 43 Как сходил Илья потихошеньку,
 Плавал он на коленичках,
 А принес им хлебец поближенько

- 50 Как сходил-то Илья потихошеньку,
 Черпанул он браву полненько

- 56 А спросили у Ильи-то старцы старьи...
 «Што же ты, Илья, в себе цюствуешь?»
 Отвещал Илья: «Я пьнень совсем
 в доров!»
 «А сходи-тко, Илья, да принеси-ко нам
 Еще браву-то пива пьяного!»

- 67 И спросили у Ильи да старцы старьи:
 «Што же ты, Илья, да в себе цюствуешь?»
 «Цюствую в себе силу-то великую.»

- 81 «А сходи-ко ты, да Ильюшенька,
 Принеси-ко нам и браву пива пьяного!»
 Как пошел Ильяша веселенько,
 Черпанул-то браву пива он полненько

- 91 «Што же нын, Илья, да в себе цюствуешь?»
 — «Половину у меня да силы у было!»
 — «Господь тебя этой силушкой благословит,
 Будет тебе смерть на бою не писана.»

Кроме эпизода исцеления Ильи Муромца, мы найдем аналогичную форму нарастания в сцене потчевания «скоморошины» (переодетого Добрыни) на свадебном пиру его жены с Алешей Поповичем.

Прием нарастания видим еще в былине «Чурила и неверная» жена (муж находит вначале шубу, за ней шапку, затем башмаки и, наконец, самого любовника).

В былине «Ссора Ильи с князем Владимиром» дается еще одна форма нарастания действия. Мотив этого сюжета — классовый конфликт между князем и его дво-

ром, с одной стороны, и богатырем Ильей Муромцем и городской беднотой, с другой. Былина отличается большим своеобразием. Необычна уже самая завязка действия.

4. 6 Открывал Ильюша свой почестной пир,
Позабрал местечко, что не лучшее,
Что не лучшее место, самолучшее.
Среди города да среди Киева,
На удобной да би на площади.
Да у князя-то да у Владимира
У теремов-то он да златоверхних.¹

Этого замечательного штриха — издевки Ильи над бессильным князем — нет ни у Рябинина, ни у Прохорова. Впечатление от издевки нарочито закрепляется в памяти слушателей путем повторения приведенных строк при созыве Ильей городской бедноты на пир.

Для князя опасность ссоры с Ильей подчеркивается не разгромом церквей (как у Рябинина и Прохорова), а разгромом самих княжеских палат.

25 Как натягивал тетивку потугишеньку

29 А спускал он князю-то Владимиру
По теремам ему-то златоверхним.

Нарастание действия дается двумя моментами:

1. Поведением «дорогих гостей Ильюшеньки», которые:

- 44 А сидят, ипрют-то они да прохлаждаются,
А поют они песенки да разные,
Поют они песни разные разважные,²
Как ни днем-то ни ночью да утиха нет...

2. Положением князя:

- 48 Как у князя-то да у Владимира
Пир с богатырями да прекращается,
А у Ильюши-то вперед да продолжается.

¹ Начиная с данной цитаты фонетические особенности (замена «ч» на «ц», «ч» на «ш», «и» на «е» и т.п.) соблюдаться не будут.

² Дублирование строчки о песнях способствует усилению впечатления от комического положения, в которое попадает князь: обиженный князем веселится, а князь должен поневоле наблюдать за шумным весельем у своих теремов.

После этого дается кульминация всего сюжета:

- 51 Тут Владимир-князь скручинился,
Тут Владимир-князь да спечалился:
«Разобьет Илья по городу по Киеву,
Все он терема разобьет златоверхних.»

Так же мастерски разворачивается развязка действия. Во-первых, показывается мощь Ильи:

- 62 А как богатыри от князя отказались:
«Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать.
Спустит Илья в нас стрелочки каленные.»

Отказ богатырей обостряет трагичность положения беспомощного князя. Затем дается тонко подмеченный социальный штрих — тактика Добрыни Никитича — княжеского приближенного и, вместе с тем, «крестового брата» Ильи, — как посредника между двумя враждующими сторонами.

- 68 А идет Добрынюшка да думает:
«Если мне-то мне-ка-ва спереду зайти,
То спустит Илья в меня стрелочку каленую.»
Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюше на плечи на могучие:
«Здравствуй же, мой да крестовый брат.»
и т.д.

Надо иметь чуткость большого художника, чтобы сцену примирения Ильи с князем (что дано у Конашкова показом ухода богатыря ко князю) закончить одной, но зато предельно верной психологически строчкой:

- 83 Дороги гости Ильюшеньки недовольны-то ведь остались.
Так былинка и покончилась.

Отсутствие у Рябинина и Прохорова всех приведенных деталей дает возможность предполагать, что они принадлежат самим Конашковым.¹

¹ Данный мотив находим в варианте современной пудожской сказительницы А. М. Пашковой (см. «Былины Пудожского края», Петровзаводск, 1941, № 2). Но возможно, что Пашкова заимствовала его от Конашкова, поскольку она не раз слышала его выступления, сама же Пашкова постоянно пользовалась образами и мотивами произведений других сказителей, творчески их преобразовывая. Кроме того, аналогичную композицию встречаем в одной записи на Дону («Песни донского казачества», Сталинград, 1937, № 23), но сопоставление с вариантом Конашкова и резкое отличие от донского эпического стиля приводит к мысли,

Многие былины Конашкова отличаются тенденцией к реалистическим мотивировкам поступков действующих лиц.

Хотя новелла «Чурила и неверная жена» известна в большом числе записей, но в очень немногих вариантах дана такая психологическая обоснованность поступка служанки, какую мы встречаем в редакции Ф. А. Конашкова:

17. 30. Говорит-то Чурилушка Пленкович:
«Не ходи-тко, девушка, да чернявушка,
Не ходи к Вельме, сыну Васильевичу.
Я тебе, девица, башмаки куплю,
Я тебе, девица, сарафан куплю,
Я тебе, чернявушка, да замуж возьму!»
Осердилась Катерина Николаевна —
Она хлопнула чернявку по правой щеки.
Переправила чернявке по левой щеки:
«Как сама я, Катерина, башмачки одену,
Как сама я, Катерина, сарафан спошу,
Сама я, Катерина, за Чурилушку замуж пойду.
Не достанется, чернявка, мой Чурилушка тебе!»
Побежала чернявушка заплакала,
Побежала Чернявка Вельму искать.

Таким образом, мало понятная преданность служанки становится обоснованной — чернявка действует из женской мести к ревливой хозяйке, и дальнейшие события получают жизненную правдоподобность.¹

Не менее удачна другая сцена — из сюжета о Дунае — обоснование боя старшей сестры-невесты с Дунаем. Правда, бытовая мотивировка боя принадлежит не одним Конашковым. В Прионежье у кижанина Романова в соответствующем эпизоде есть слабый намек («большую дочь чем засадил»). Вариант Конашкова то же скупой — одной строкой: «А засадил меня да во девичество»² (№ 13, стих 173) объясняет нападение Настасьи на Ду-

что донская былина представляет не что иное, как усвоенный донским сказителем конашковский же вариант, или благодаря передаче былины Конашкова по радио, или непосредственно от Конашкова в том случае, если донской сказитель был в Москве одновременно с Конашковым и слышал его исполнение.

Примечание редактора.

¹ Аналогичный эпизод см. у Н. С. Богдановой (В. Ф. Миллер. Былины новой и недавней записи, М., 1908, № 84).

² По широко распространенному в России (XIX век и ранее) порядку выдавать вначале замуж старшую дочь, затем младшую.

ная. Вся сцена боя в конашковском варианте — несомненно наиболее яркая и выразительная из всех аналогичных прионежских вариантов этого сюжета:

13. 170 Как туча-то [в]след да летит темная,
Так с угора [в]след едет Настасья Романовна:
«Уж ты, тихий Дунай да сын Иванович,
А засадил меня да во девичество.
Сделаем-но мы с тобой договор такой:
Если ты меня собьешь со добра коня —
То руби мне от стыда буйну голову,
Если я тебя собью да со добра коня.
То бери меня за себя во супружество!»
Тут же оны поразьехались
По чисту полю, о три поприща,
Как вместе они как ведь столкнулись.
Коньями долгомерными оны целкнулись.
Как сбила Настасья Дуная со бела коня.
Тут же ведь они да поехали.

Вариант оканчивается свадьбой. Эпизода жестокой расправы Дуная с женой за ее лучшую, чем его, стрельбу конашковский вариант не знает.

Точно также очень показательным будет сопоставление мотивировки в конашковской редакции рассуждения, почему железо дороже золота (сцена морского царя с царицей в былине «Садко»), с аналогичными мотивировками односюжетных вариантов.

18. 90 И говорит Садко, купец богатый:
«Что дорого золото-серебро,
Да не видать его другой-то целый годочек,
Как булат-то железо-ка на всякой-то денечек
Взять-то в руки с булата-железа ножичек,
Как отрезать-то хлеба, дару-то божьего,
И топорик-то с булат-железа-то,
И это на всякой-то день нам на денечек.»¹

существовал обычай — если младшая сестра вышла замуж ранее старшей, то старшая оставалась в «вековушах», т. е. в старых девах.

¹ У пудожанина Прохорова (Рыбников, т. II, № 124):

- 44 «Дороже у нас на Руси красно золото,
А булат-железо катается
У маленьких ребят по выбочкам.»

У повенчанина Лазарева (там же, № 107):

- 152 «Что без влата-серебра сколько можно жить,
А без булату-железа жить-то не можно,
А не можно жить, ведь, никакому званию.»

О том, как старательно обдумывался не только сюжет в целом (как, например, «Чурила и Катерина»), не только отдельные эпизоды (как только что приведенный пример из Дуная), но даже самые мелкие детали, хорошо показывает одна деталь в сюжете «Добрыня и Змей».

Никому из сказителей этой былины, варианты которой вошли в собрания Рыбникова и Гильфердинга, не приходило в голову, что делать княжеской племяннице во время последнего боя богатыря со Змеем. В конашковском варианте имеется, по сравнению с вариантами других сказителей, новая сцена, в которой Добрыня выступает как благоразумный, предусмотрительный человек.

5. 117 Посадил Добрыня девицу на добра кони,
Как повез он девицу-то во Киев-град,
На дорожке Добрыня пораздумался:
«Как нагонит-то змеще-то трехглавое,
Будем мы сражаться со лютой змеей,
А вить раним мы да красную девишку!»
Посадил Добрыня девицу-то под сырой дуб.
Сам вернулся Добрыня на горы на змечные.

IV

Работа над деталями в конашковских редакциях выражается в использовании элементов юмора и сатиры, в обрисовке антиподов героя, что усиливает образ самого героя. Обычно в былинах царь Батыга—удивительный простофиля, отдающий свое войско герою из враждебного стана. В варианте Конашкова нет этого неправдоподобного эпизода. Дело ограничивается убийством сына и зятя Батыги Василием, а сама былина заканчивается и з д е в к о й над незадачливым врагом:

9. 66 Как поехали гости со подарками,
Как встречаются со приездом и дорогих гостей,
Обещались привезти по шубке собольиной,
По одеялышку шелка чистого.
Да есть из Киева ведь подарочки-то ведь заморские:
Как дарил-то подарочки Батыга своей жены—
А дарил он сына Батыговича,
Как дочери подарочек—зятя Тарасанчикову,
И пошли да они да невеселые,
А окручинились и опечалились:
А и тым былиночка кончилась.

Широко распространенный эпизод неудавшейся попытки дочери Соловья прищемить подворотней Илью¹ в конашковском варианте освещен юмористически:

1. 283 Говорил-то ведь Ильюшенька:
«Хорошо бы погостить, да начали честить».

Сцена переполоха княжеского окружения в «Соловье-разбойнике» подана в более сильных и более комических выражениях, чем в других прионежских вариантах.

1. 367 Все заплывали да распаракулями,
Тут же да Ильюшенька хватил Аправсню Романову.
Потащил-то в палату белокаменну,
А Владимир-князь далеко кричит:
«А уйми-тко, да Ильюшенька, Соловьяшну,
Мы наслушались, налюбовались,
До бесчувствия на белом дворе да
заплавались».

V

Художник проявил заботу над частностями, усиливающими слуховое впечатление. В эпизоде свадьбы жены Добрыни с Алешей Поповичем («Добрыня и Алеша») герой, под видом скомороха, попадает на свадебный пир. Конашков дает представление о веселье пирующих вставкой песенных мотивов. Если учесть, что произведение рассчитано для восприятия аудиторией на слух, то делается понятным, насколько усиливают впечатление такие строки песенного склада:

7. 172 Как маленьких ребят Добрыня уговаривал:
«Не кричите-ко, ребятки, помолчите-тко
Завтра я для вас-то, ведь, пир заведу,
Пир заведу—всех я пивом напою,
Всех я пивом напою, по калачику даю!»

Это место, после указания князя, что «легкой скоморошинке» место на печке, усиливается новой песенного типа вставкой:

¹ Любопытно, что редакции Конашкова, обнаруживающая связь с вариантом пудожанина Сорокина, лишена грубоватой детали народного юмора, встречающейся у Сорокина (Рыбников, № 127, стр. 317—324). Вместо этих строк, Конашков дает строку 284 со значительно более утонченным юмором.

7. 189 Как Добрынюшка на ножку легок,
Да на печку скачок:
«А мне повыше всех да теплее всех.
Мне теплее всех, да виднее всех».

И, вероятнее всего, не случайностью, а обдуманном приемом можно объяснить следующие следы за этими строки. В конашковском варианте в иносказательном изложении о продолжительности игры и пения гусяра («припевочек завел от Киева и довел до Чернигова») введена строка:

7. 196 Все мы на пиру пораздумались

и далее:

- 197 Все-то гостишки на пиру позатихнули...

г. е. сказитель выступал перед своей аудиторией как участник этого пиршества.

VI

Сказитель видоизменял нередко даже те сцены, которые во всех прочих вариантах выдержаны в реалистическом плане, как, например, казнь Соловья-разбойника.

Конец этого сюжета переработан в конашковском варианте совершенно заново. Подобный вид расправы, исторически некогда существовавший, мы не находим в других вариантах былины о Соловье-разбойнике:

1. 386 А говорил-то ведь Ильюшенила:
«Как бежи-ко ты да во весь дух,
Как спуцу-то я стрелочку каленую,
Если паде стрелка во сыру землю,
Да мимо тебя, да Соловьюшко,
То уйдешь ты, Соловьюшко, ко детушкам».
Побежал Соловьюшко скорешенько.
Спустил Илья вслед стрелочку каленую.
А папа стрела Соловьюшке да во сердце
Да растянулся тут Соловьюшко да по дороженьке.
Тут Соловьюшку да ведь славу поют,
А на том-то былиника-та покончилась».

Приведенными примерами отнюдь не исчерпывается своеобразие вариантов конашковского репертуара. Но и этот материал достаточно четко показывает, что оно до-

стигалось, главным образом, усилением реалистического звучания былины. Эта черта, которую мы встречаем во всех без исключения редакциях Конашкова, является одной из основных в характеристике особенностей конашковских былин, при сравнении с односюжетными вариантами других сказителей.

VII

Варианты Конашкова дают интересные приемы замены сверхестественных моментов в былинах вполне правдоподобными.

В репертуаре Конашкова имеется былина «Соловей Будимирович». В ней, как известно, слуги героя за одну ночь выстраивают три терема—широко распространенный в сказках эпизод. Конашков, сохраняя этот момент, вносит свою поправку:

19. 74 На корабликах терема были привезены,
Начали терема-то они складывать.

Получилось, что терема были привезены в готовом виде, и за ночь потребовалось их только сложить. Так, находчиво, двумя строками, сказочный мотив превращен в почти правдоподобный эпизод.

Но не всегда удавалось сказителю найти такой остроумный способ использования сказочных мотивов. Поэтому в конашковских вариантах чаще всего фантастические эпизоды просто удаляются, и только случайные, рудиментарного характера строки подсказывают, что в первоисточнике некогда существовал какой-то фантастический эпизод. Так, например, у Конашкова отсутствует такой, повторяемый едва ли не во всех записях былин эпизод—рев звериный и свист змеиный, издаваемый пуговицами Дюка. Однако след этого эпизода сохранился в описании самих пуговиц:

16. 174 Одевал-то платьице цветное
Молодой боярин Дюко да Степанович.
Как по пуговкам да как люты звери.
А по петелькам да как чисто змеи.

Исключение из сюжета какого-нибудь фантастического эпизода иногда проходило без вреда для общего качества варианта. Примером может служить только что

упоминаемая былина «Дюк», элементы фантастики в которой сказитель устранил, не ломая при этом ни сюжета, ни композиции.

Но художественная выразительность былин «Добрыня и Маринка», после переработки Конашковыми, снизилась, если сравнить ее с вариантами большинства других сказителей Прионежья, Кенозера и Моши (ср. мотивы колдовства, обращения в животное и др.).

То же самое можно сказать про былин «Наезд литовцев», так сильно пронизанную у других сказителей сказочными элементами.

Из яркого сюжета, насыщенного фантастикой (прилет птицы, рассказывающей о несчастье, превращение князя в волка и в горноста, ясновидение двух-трехмесячного младенца: князь, в образе ворона, сзывает на помощь свое войско), выпали все сказочные эпизоды, так хорошо поданные в 198 строках Антоновым, соседом нашего сказителя.

У Конашкова остался только общий остов, и былина превратилась в простой пересказ.

Конашковский вариант «Наезда литовцев» очень показательен для уяснения, во что может превратиться сюжет, насыщенный древней поэзией, после переработки его в реалистическом плане.

Все указанные виды работы сказителя над текстом особенно полно отражены в былине о Ставре. Она содержит целый ряд новых сцен и лишена общеизвестных другим сказителям деталей.

Вариант начинается уникальной в Прионежье сценой приготовления князя Владимира к приему гостей. Дается с предельной насыщенностью былинным реквизитом картина: князь стольнокиевский, похаживая по белокаменным палатам и поглаживая желтые кудерышки, выговаривает:

«Уж, вы слуги мои да слуги верные,
Слуги — дунки красны девушки;
Как у меня-то в палаты белокаменной,
На столы тые да на дубовые
Стелите вы да скатерочки шелковые,
А кругом ставьте да стулечки кленовые,
А готовьте-ко яства вы сахарные,
А становите вы питва медвяные,
Как приедут-то ко мне да дороги гости.
Сильные могучие богатыри
И купцы да людийки да все богатые.»

Следующая сцена — даваемое женой наставление Ставру, на каком месте ему садиться и не хвастаться на пиру молодой женой. При сопоставлении с записями Рыбникова и Гильфердинга, эта сцена для Прионежья окажется также уникальной.

Сравнивая конашковскую редакцию со всеми вариантами Рыбникова и Гильфердинга, убеждаешься, что только с 46 строки конашковская былина начинается обычным зачином всех прионежских вариантов о гостях на княжеском пиру, где они «наедались и напивались.» Это подтверждается и тем, что строки 46—47:

И у князя-то да у Владимира
Велся-продолжался гнибенецкий пир.

являются обычным началом ряда его былин: «Ссора Итыи с Владимиром», «Сухман», «Наезд литовцев.»

Учитывая, что прионежским записям неизвестны сцены приготовления князя к встрече гостей и наказ жены, какое место на пиру занимать мужу, законно приписать все 45 строк начала только конашковскому варианту.

В сцене похвалы Ставра на пиру, первые 20 строк стереотипны, они встречаются очень часто в вариантах Прионежья. В формулировку похвалы Ставра своей женой вставлены оригинальные строки. Во всех без исключения вариантах Прионежья дается одна и та же формула похвалы Ставра женой.

Формула конашковского варианта двойственна: своим концом она примыкает к прионежским вариантам:

85 А вас, князей-бояр всех стольно-киевских,
Могла бы она во полон забрать,
Во полон забрать, с ума-разума повывести...

Зато начало формулировки нигде больше не встречается.

83 Могла бы она ваш город Киев-град
Могла бы она сожечь и спалить да головней скатить.

Исследователя репертуара Конашкова удивит в этой былине многословие, чуждое для прочих былин Конашкова, — 26 строк уделяется описанию снаряжения коня и вооружения жены Ставра. Такая необычная для сказителя детализация роднит его с пудожанином Сорокиным, из того же района с Колодозерским стариком и, отчасти,

с кижанкой Суриковой. В вариантах остальных сказителей Прионежья эти описания снаряжения почти не зафиксированы.

Своеобразным у Конашкова является следующий мотив — жена Ставра, как посол земли Греческой, отправляет письмо к князю Владимиру. Эта деталь неизвестна ни для одного из вариантов записи Рыбникова или Гильфердинга. При этом в письме повторяются дословно пять стихов угрозы спалить Киев — уже сказанные Ставром князю Владимиру.

Очень большое сокращение дано в описании испытаний. Конашковы оставили лишь одно испытание постелью, хотя даже самые близкие к их тексту варианты пудожан не ограничиваются этим (у Сорокина: борьба, стрельба из лука, постель, баня; у Колодозерского старика: баня, постель, борьба и стрельба из лука).

Предлог вызова из тюрьмы Ставра в варианте Конашкова традиционен: посол просит князя Владимира выпустить из тюрьмы всех «гусельщиков», то же находим у кижан Чукова, Макаровой и Пастуховой, повенчания Калинина и пудожан Сорокина и Колодозерского старика.¹

Конец былины очень скомкан и, вне сомнения, является принадлежностью конашковского варианта. Обычные двусмысленные намеки жены в шатре — заменены признанием Настасьи на самом пиру, что Ставр ее муж.

Таким образом, путем создания новых эпизодов и выбрасыванием некоторых традиционных в конашковском варианте значительно перестроена фабула былины. В нем внимание аудитории обращено совсем на иные моменты, чем во всех прочих вариантах Прионежья. Если на интригу — удастся ли князю узнать, что жених на самом деле женщина — у Сорокина из 350 строк 115 уделено этим испытаниям, а у Колодозерского старика из 225 строк выделено 100, то у Конашкова из 325 строк этому моменту отдано только 40. Конашковский вариант почти целиком лишен этих приключенческих мотивов, превращаясь в дидактическую повесть о героине, спасшей мужа от несчастья.

¹ Остальные сказители делают Ставра поединщиком в борьбе с его женой, кижанка Сурикова одна дает иную функцию Ставру — мастерство играть в «шашки, в шахматы заморские».

VIII

Все приведенные примеры констатируют факт большой творческой переработки, которой подвергались почти все номера конашковского репертуара.

Этот факт подтверждается еще тем, что в конашковском репертуаре сделана попытка объединить отдельные разрозненные сюжеты об Илье Муромце в некую эпопею.

Сводная былина об Илье начинается эпизодом похода Калина на Киев (17 строк) и заканчивается захватом в плен Соловья-разбойника и его привозом в Киев. Судя по начальным строкам былины об Идолище (см. второй вариант), последняя прежде следовала непосредственно за этой сводной былинной:

- 2-а. 1 Как Ильюшенька привез к князю Владимиру.
А ведь Соловьешка Рохматова,
То Ильюшеньку приняли с почестью
и т.д.

А за былинной об Идолище следовал сюжет нашествия царя Калина:

3. 1 После Идолища шло у Владимира князи
Благое время десять лет,
Как Ильюшенька охранял у князя Владимира
и т.д.

Те былины, которые Федор Андреевич пел в последние годы как три самостоятельные номера, прежде соединялись в одно целое повествование, в котором былины размещались в следующем порядке.

Илья Муромец и Соловей-разбойник (395 строк).

1. Калин собирает поход на Киев (17 строк).
2. Исцеление Ильи (75 строк).
3. Покупка коня (27 строк).
4. Бой Ильи с татарами (32 строки).
5. Бой с татарами, освобождение калининцев и смо-родягинцев (45 строк).

6. Соловей-разбойник и его пленение (195 строк).
Илья Муромец и Идолище — вариант записи под диктовку (92 строки).

7. Передача Ильи силы «старичком староматерным» (53 строки).

8. Расправа Ильи с Идолищем (39 строк).
Илья Муромец и Калин-царь (232 строки).

9. Заточение Ильи в погреб (39 строк).

10. Нашествие Калина и разгром Ильи при помощи Самсона и 12 богатырей (190 строк).

Сопоставление этого свода с самым большим из опубликованных сводных былин об Илье (репертуар Щеголенка, Гильфердинг, № 120) оттеняет композиционное мастерство конашковского варианта.

Любопытно, что один только сюжет — ссора Ильи с Владимиром (83 строки) — оказался изелированным от сюжетов об Илье, которые знает Ф. А. Конашков. Он отличается от других конашковских вариантов об Илье особой чеканностью формы. Можно думать, что он был усвоен уже после создания кем-то из Конашковых эпосов об Илье Муромце и потому не попал в нее. Творцу подобной эпосеи не доставило бы труда вставить его, например, между эпизодами убийства Идолища и заточением Ильи в погреб, так как былина о ссоре и эпизод заточения очень близки друг к другу по своей общей направленности. Однако включения сюжета в сводную былинку не последовало. Возможно, что эпосею об Илье составил дед Ф. А. Конашкова, а былина «Ссора Ильи с князем Владимиром» усвоена была его сыном Василием. Федор Андреевич, заучив наизусть тексты, разбил эпосею на три номера, целиком сохраняя при этом строку прежней увязки с предыдущим сюжетом.

IX

Говоря об особенностях репертуара Конашкова, следует отметить неравноценность художественного качества вариантов, в него входящих. Наряду с замечательной былинной «Ссора Ильи с князем Владимиром», стройной композицией былин «Вольга и Микула», своеобразными переработками сюжетов былин «Василий Игнатьев и Батыга», «Илья и Соловей-разбойник» встречаем слабые фрагменты о Даниле Белом. «Вольга и Индийское царство», распад конца былин «Наезд литовцев», упадок сюжета о Сухмане и т. д.

Стиль былин отличается исключительной простотой и отсутствием украшающих элементов. На 3.300 строк бы-

линного текста удалось подобрать лишь 8 сравнений, в то время как прионежские былины других сказителей иной раз перегружены эпитетами, метафорами и другим былинным реквизитом.

Приведем в качестве примера все конашковские описания битв с врагами Родины:

1. 150 Куды махнет Илья — да падет улица,
Перемахнет Илья — да падут да переулки.
А которые на убе-то, вслед не гонятся
Туй-то рать-то силу да великую
Как Ильюшенька да повыщелкал.

(Илья Муромец и Соловей-разбойник)

3. 130 Как начал Ильюшенька силушку
Бить своим копьем богатырским,
Куда махнет — падут улицы,
а перемахнет — переулочком¹.

(Илья и Калин-царь)

¹ Для сопоставления приведем описание Трофима Рябинина схватки с войском царя Калина.

182 Посмотрел Ермак на силушку великую: Его сердце богатырско не ужаснулось. Он зовет себе бога на помочь, Выехал-то он в силушку великую Стал он эту силушку копьем топтать, Конем топтать, копьем колоть. Бьет он эту силушку, как траву косит, И бился целые суточки, Не едаючись и не пиваючись.	И добру кошу отдуху не даваючись; А в нем силушка велика не уменьшилась. А в нем сердце богатырско не ужаснулось, В двадцать четыре часика положенных Побил он эту силушку великую. Этой силы стало в поле мало ставиться (Рябников, т. I, № 7)
---	---

Через 11 лет тот же Рябинин под А. Ф. Гильфердингу эту схватку по-иному:

359 И подъехал он ко вой- скам ко татарским, Не ласк сокол да напускает на гусей на лебедей Да [на] малых перелет- ных на серых утисек.	Напускает-то богатырь святотурский, А на тую ли на силу на татарскую Он спустил коня да богатырского.
--	--

3. 181 Как хватил Илья татарина за ноги,
А что рядом было, то всех повыщелкал.
(там же)

3. 218 Двенадцать сильных могучих богатырей
Как ехали на рать-силу великую,
Как со всех-то разъехались во разны сторонущи,
Начали они силушку да бить-ломить,
А Ильюша бьет татар да по середочни,
И прибили всех татар да неверных,
Не оставили татарина и на семена.
(там же)

8. 32 Сорвал деревцо да он со корешком
И начал он силу эту бить-ломить,
А который-то стоял, тот лежа лежит,
(Сухман)

Приведенные выписки сцен боя с татарами (иных описаний боя с ними в конашковских текстах нет) указывают на стремление к предельной сжатости описания. Но иногда и в таком кратком описании автор дает отдельные выразительные детали. Так, например, стих 182 в былине о Дунае очень оживляет описание боевого столкновения Дуная с будущей женой.

13. 179 Тут же они поразъехались
По чисту полю на три поприща,
Как вместе они как ведь столкнулись,
182 Копьями долгомерными они целкнулись.
Как сбила Наталья Дуная со бела коня,
Тут же ведь они да поехали.

Несомненной удачей будут скупые, но выразительные строчки об Идолище.

2. 81 Как Ильюшенька к Идолицу подвигается,
А Идолище от Ильюшеньки да обрягается.
А треснул Илья шапочкой Идолицу поганое
Да хватил Идолицу Илья за ноги,
А потащил головой стукать-то по крыльцам веде.
Вытащил да на широкий двор.

Да поехал ли по той по	Стал он бить ту силушку
силушке татарской,	великую.
Стал он силушку конем	А он силу бьет, будто
топтать,	траву косит
Стал конем топтать,	(т. II, № 75)
копьем топтать,	

Приказал зажигать груды-ту великую.
Тут Идолище поганое да сожгали,
И пепел-то спустили да по ветру-тот,
Тут Идолицу да и слава пала.¹

И в то же время как невыразительно, например, описание будущей жены князя Владимира. Владимир просит:

13. 17 Как не слыхали ли да не видали ли
.....

- 20 Души красной-то вы девушки,
Чтобы была она ростом одноковенная,
Толщиной-то была обложенная,
Чтобы была белена да румяная.

Стоит сопоставить это описание с соответствующим описанием у Трофима Рябинина, чтобы почувствовать неудачу текста Конашкова, по сравнению с обычным былинным описанием девичьей красоты.²

Вместе с тем встречается целый ряд строк одновременно и лаконичных и выразительных.

3. 51 Калин-царь да со татарами
Навели силы, так и сметы нет.
7. 118 А ведь сватают Овдотью Микуличну.
Как не волей идет, а силой берут!
8. 101 По приезду молодцов нать честковать
А по заслугам молодцов нать жаловать.

¹ В варианте записи М. А. Ивановой (1937) введена новая деталь:

2-а. 80 А Идолище косится да от Ильюшеньки,
подалее убирается.

² Трофим Рябинин дает следующее, выдержанное в былинном стиле, требование князя к будущей невесте:

15 Очушки у ней бы ясных соколов,
Бровушки у ней бы черных соболей,
А походочкой она бы лани белой,
Белую лани напольскую,
Напольской лани златорогня.

(Гильфердинг, т. II, № 81, строки 15—19; у Рябинина только единственный вариант, т. I, № 9, стр. 12—16).

14. 121 И резали волосушки весть шелковые,
И стал-то холост молодец, стал не женат.

22. 85 По палате царь да запохаживал,
Как немилы на Митрей да завылывал.

К числу таких же удач можно привести кое-какие замены «постоянных эпитетов», повидимому, созданные автором конашковских вариантов:

«Змеище сердитое» (5, 125) вместо обычного «змеище лютая» (там же, 72, 121) и т. п.

А. Ф. Гильфердинг восторгался твердостью предания в былинах Прионежья, сохранивших колорит Киевской Руси («гнедой тур», «ковыль-трава» и др.). Он отмечает также, что вместе с этим северные обработки впитали местные особенности. Конашковские редакции в этом отношении представляют исключение. У Конашкова очень редко встречаются такие термины, как «стол дубовый», «сошка кленовая» (наименование деревьев, не растущих в Прионежье) и т. п. отзвуки южного происхождения былин. Но и отражение Севера и его быта в былинах Конашкова крайне незначительно — на 3.300 строк удалось выявить всего лишь несколько случаев. Пейзаж вообще совершенно отсутствует в конашковских вариантах.

Идейное содержание репертуара Ф. А. Конашкова

I

Репертуар Ф. А. Конашкова сохранил наиболее ценное из идейного содержания русских былин. В русском эпосе особенно выделяется своими патристическими мотивами цикл об Илье Муромце. Былина Конашкова о «Соловье-разбойнике» воплощает их в следующей форме:

1. 133 Отвечал татарин со татарами:

«Я иду ко городу ко Киеву,
А хочу я город во полон забрать.
Вы куда идете, добрый молодец?»
Отвечал татарину Ильюшенька:

138 «Как я, весть, еду ко городу ко Киеву,

А ко князю я еду ко Владимиру,
А стоять за веру за крещеную,
А берегчи я церкви соборные
Да за дом пресвятые богородицы.»

Идейная установка ясна — богатырь должен быть защитником своей страны. Об этом говорится и в заключительных словах былины о «царе Калине»:

3-а. 110 Говорил-то тут весть Калин-царь:

«Зажму и детям да внучатам —

А не то, что на Русеюшку-то ездити.

А чтобы думой более да не думати!»

В былинах «Вольга и Микула» четко проведена мысль о превосходстве пахаря над кочевой дружиной. Конашков дает, как мы видели, превосходный вариант былины, идейный смысл которой — оттенить ничтожество дружины, бродячего воителя. Былина заканчивается прославлением мирных тружеников-земледельцев в лице пахаря Микулы.

Из элементов дидактики надо отметить мотив, пронизывающий значительную часть новелл, — роль матери. Герой нарушил запрет матери и потому попадает в беду, из которой его выручает мать, — мотив мирового распространения. У Конашкова эту идею мы обнаружили в «Добрыне и Змее» и в «Добрыне и Маринке», роль матери отмечается в былинах «Добрыня и Алеша», «Дюк». В былинах о «Ставре» эту роль выполняет жена.

Во многих былинах заключены и иные дидактические мотивы. Соблазнитель женщин Чурила погибает; тот же заносчивый Чурила дважды посрамляется в состязаниях с Дюком; хвастливый Ставр карается заточением; коварная жена, изменившая мужу, погибает; берегущая честь хозяина служанка делается его женой; преданную жену Добрыни Алеше не удается обмануть и т. д.

II

В былинах Конашкова, кроме общего отражения эпохи борьбы с татарами в героическом стиле, довольно хорошо также сохранились некоторые отдельные отголоски исторически верных фактов: так, например, законно допустить, что эпизод похвальбы Ставра богатыршей-женой является отголоском возрастания могущества отдельных феодалов.

14. 83 Могла бы она ваш город Киев-град,

Могла бы она сожгати и спалити да головней скатити!

А вас, князей-боир всех стольнокиевских,

Могла бы она во полон забрати,

Во полон забрати, с ума-разума повывести.

Эпоху ослабления мощи Киева ярко показывает былина о Дюке. Правда, описание нового центра власти и культуры дано сквозь примитивное представление крестьянина («У моей родной матушки печка яловчата, помялце шелковое, мочит в воду медовую» и т. д.). Но основной идейный стержень — мотив превосходства боярина из Галича перед киевским горожанином Чурилой и указание, что князь черниговский держит сторону галицкого боярина — все это отражает политическую ситуацию второй половины XII века. Сам факт отъезда галичанина к себе на родину после победы над киевским щеголем указывает на процесс децентрализации, в результате чего слабела прежняя тяга к Киеву. Похвальба Дюка благоустройством Галича, удивившее киевских послов богатство Дюковой матушки — все это исторически обоснованные указания на период Ольговичей, владевших Черниговщиной, в которой не последнее место, в числе других территорий, занимал Галицкий удел.

Любопытный след права знатного дружинника отпочковываться от одного князя к другому можно подметить в былине о Дунае, ездившем сватом киевского князя к некоему (чаще всего, к литовскому) царю, при дворе которого он прежде жил:

13. 74 Как тихий Дунай да сын Иванович
Как жил у царя Романа Митриевича,
А жил Дунай и времени он девять лет,
Как катал-то он да красных девушек,
Знал Дунай заходы к нему и выходы.

Более позднее время показывает героическая былина о Сухмане. В эпоху, когда существовало право отъезда знатного дружинника от одного князя к другому, не было необходимости незаслуженно обиженному лишать себя жизни, как это делает в былине Сухман. Очевидно, он уж не мог, как Дунай, отъехать ко двору другого царя.

Ответ Сухмана на запоздалое изъятие княжеских милостей дан в следующей форме:

8. 100 Отвечал Сухман сын Рехментьевич:
«По приезду молодцов нать жаловать,
А по заслугам молодцов нать чествовать,
А по приезду ты да не пожаловал,
А по заслугам не почествовал,
А только надо мной да надмеялся ведь!»

И как единственный выход оскорбленному самолюбию былина находит выход в самоубийстве героя. Это до известной степени может указать на время уже прочного закрепления знати ко двору государя, что случилось лишь после распада княжеств и централизации вокруг Москвы в XV—XVI вв.

Все эти места, взятые из вариантов Конашкова, показательны тем, что они, пройдя через тридцать—сорок поколений, по-своему отражают действительную историческую ситуацию, иной раз чуть ли не тысячелетней давности.

В этом отношении репертуар Конашкова стоит на одном из первых мест в Прионежье. Это преимущество его былии объясняется не тем, что они исходят от каких-то иных источников — их родство с вариантами того или иного сказителя Прионежья не вызывает сомнения. Конашковские варианты достигли его благодаря отметанию позднейших по времени добавлений, а также исторически верной интерпретации психологии основных действующих лиц.

III

Классовые взаимоотношения в былинах Конашкова показаны скупой, но все же варианты этого сказителя довольно значительно насыщены социальными моментами.

Репертуар Ф. А. Конашкова по числу сюжетов, где показываются взаимоотношения классов, стоит на первом месте среди сказителей Прионежья эпохи Рыбникова и Гильфердинга. Ссора Ильи с князем Владимиром¹, эпизод заточения Ильи в погребе в былине о Калине-царе, Василий Игнатий и Батыга, Сухман, Дюк, Иван Грозный и сын — такого подбора былии не знает ни один из сказителей, записанных этими собирателями.

Столкновение богатыря с князем Владимиром дано в двух сюжетах с Ильей Муромцем, и каждый раз ко-

¹ Эта былина самим Конашковым называется «Про Илью и голи кабацкие», хотя этого сюжета Конашков не знает.

Ввиду родственных в обеих былинах сюжетов о пиршестве Ильи с беднотой, возможно допустить, что Конашков перенес название на сюжет о ссоре с Владимиром, забыв подлинное название этой былины. Аналогичные случаи известны и у других сказителей.

нашковские номера дают очень ценные варианты. Если Т. Г. Рябинин и пудожанин Фёдоров не объясняют причины, по которым князь засадил Илью в погребе, а кенозерец Рядков объясняет это событие искажением «чумаками-целовальниками» слов Ильи о расправе с царем Калином, то Конашков дает наиболее правдоподобную мотивировку:

3-а. 1 Как у князя-то у Владимира
А ведь жил-то Ильюшенька да ровно десять лет,
Как стали к князю-то Владимиру
А стали ведь людишки подхаживать.
Стали князю Владимиру да наговаривать:
«Как Илья Муромец да сын Иванович,
Как он с сильными могучими богатырями
Хочут брать себе да княжество.»
Тут же Владимир-князь да послушал ведь,
Приказал засадить да Ильюшеньку,
Повели Илью во погреба глубокые
(Как Ильюшенька не отбивается),
Посадили Илью в погреба глубокие.

В конашковском варианте другой былины (ссора Ильи с Владимиром) можно обнаружить элементы социальной направленности. Если у Рябинина и у пудожанина Прохорова Илья стреляет «по божьим церквям... по чудным крестам... по тым маковкам золоченым»¹, то Конашков обостряет этот конфликт:

4. 27 А спускал он стрелочныи каменные
В тугой лук рыцаренько
А спускал он князю-то Владимиру
По теремам ему-то златоверхним.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхних
Были маковки шелковые подвешены,
.....

27 Да как золоченые маковки-то шелковые
Скатились они да на сыру землю.

Соответственно этому, вместо краткого указания: «видит князь, что беда пришла» (Прохоров) или «стал Владимиру думу думати—надобно с Ильей да поми-

ряться» (Рябинин),¹ Конашков дает выразительную и значительно более заостренную картину:

4. 51 Тут Владимир-князь скручинился,
Тут Владимир-князь да спечалился:
«Разобьет Илья по городу по Киеву
Все он терема разобьет златоверхие,
Вышиблет все маковки золоченые,
Золоченые маковки да шелковые!»

Однако конец былины у Конашкова несомненно слабее рябининского:²

4. 81 Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимиру,
Дорогие гости Ильюшеньки недовольные-то
ведь остались.

Былина о представителе «голи кабацкой» Василии Игнатьеве, спасшем город Киев от Батыги, передается Конашковым крайне коротко (примерно, 60 строк). Кроме замечательного образца юмора—насмешки над побежденными врагами, вариант не дает каких-либо черт, характеризующих самого героя, про которого только сказано, что он «горький пьяница». Лишена выразительности точно также и былина о Сухмане.

Зато былина о Дюке, одна из лучших по сохранности в конашковском репертуаре, дает ряд исторически верных моментов, о которых говорилось в предыдущем разделе. По совокупности классовых характеристик она дает больше материала, чем односюжетные варианты Прионежья. Например, похвальба боярина Дюка своим богатством вызывает раздражение богача

¹ Гильфердинг, т. I, № 47, строка 45, и т. II, № 76, строки 41—42.

² У Тр. Гр. Рябинина:

111 Тут Владимир-князь да столыне-княжеской
Со Опраксией да королевичной
Подшли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручки за белые,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старья казак ты Илья Муромец!
Твое местечко было да ведь пониже всех
Теперь местечко за столиком повыше всех!»
(Гильфердинг, т. II, № 76).

¹ Гильфердинг, т. I, № 47, строки 22—24, там же, т. II, № 76, строка 16—17.

Чурилы, сына гостя Пленко (т.е. одного из крупнейших купцов Киева):

16. 116 Как ни голь ли к нам кабацка да приехала,
Не подпорина ли к нам господская?

В споре Дюка с Чурилой за последнего ручаются все купцы, а за боярина Дюка, приехавшего из Галича, — один только князь черниговский. После победы в состязании конями в конашковском варианте Дюк милует побежденного только после просьбы князя Черниговского.

После победы боярина Дюка в состязании нарядами, в варианте Конашкова показано отношение родовой знати к богачу Чуриле:

16. 181 Говорил-то князь да черниговский:
«Как для девок-то, для бабам ведь:
Лучше щегольство Чурило,но,
Как по нашей-то братии да по господской
Лучше щегольство Дюка Степановича.»

После победы Дюка в состязании конями в конашковском варианте дана следующая обрисовка взаимоотношений:

16. 216 Разложили Чурилу отсечь да буйну голову.
Девки, бабы все да Дюку молятся:
«А оставь-ко Чурилу, Дюк, во живности.»
Никого-то Дюк да не слушает,
Стал просить Дюка князь да черниговский
«А оставь-ко, боярин Дюк, Чурилу ты во живности,
Пусть гуляет Чурила между девками, между бабами,
А между нас-то боле не касается,
Не касается в нашу братию господскую.»
А послушал князя Дюк Степанович.

У Конашкова даются формы взаимоотношений социальных групп того времени, и в этом несомненная ценность его варианта.

В этой же былине традиционный мотив, что у Алеши Поповича глаза «заглядущие» на чужое богатство и потому его нельзя псылать описывать имене Дюка, Конашков заменяет мотивом женолюбия:

16. 230 А Владимир-князь да стольнокиевский,
Не посылай-ка Олешу ты Поповича:
Олеша роду-то с поповского,

У Олешеньки глава да заглаженные.
Разглядится на моих на коровниц ведь,
На коровниц ведь да на портомойниц-то,
Не дожидаться нам да назад будет.

Любопытный штрих, характеризующий отрицательное отношение народных сказителей к зажиточной прослойке населения, находим в конашковском варианте песни об Иване Грозном и сыне, где выясняется происхождение палача, решившего поднять руку на героя песни, защитника народа:

22. 96 Так один палач нашелся да наславился —
Во том ли ряду во гостинном,
Во тых лавочках да во торговых,
Молодой Малютка да Скурлатович.

Есть все же ряд сюжетов, варианты которых у других сказителей выразительнее, чем у Конашкова.

В некоторых вариантах былины «Добрыня и Алеша», по сравнению с конашковским, более ярко даны социальные взаимоотношения, например, в сцене, когда Добрыня решает, за кого выходить его жене, если она будет вдовой. Наиболее интересный вариант на эту тему найдем у Сорокина (там указывается, чтоб она пошла только за русского богатыря), у Конашкова же это место подано значительно слабее. В былинке «Садко» состязание богатством Садко с новгородскими купцами, убийство разбойниками купца, оказавшегося мужем сестры, дано значительно слабее, чем в лучших односюжетных вариантах других сказителей.

Сказителю хочется образно показать своей аудитории князей, бояр, купцов и богатырей. Этого он пытается достигнуть, применяя эпитет «золоченый» ко всему, что только сделано из дерева или металла: мачты золоченые, стремя золоченое, поручни золоченые, сбруя золоченая, крыши теремов золоченые. Все, что было из полотна, кожи, шерсти и т. д., чаще всего в интерпретации крестьянского сказителя оказывается шелковым: башмачки, канаты, украшающие терема маковки, одеяла, паруса, петельки, которыми прикреплены двери к косякам, поводья, подпруги, даже помело, которым «пашется» печь, прыгужечки, рубашки, скатерти, тети-ва лука, чулочки. Это превращение конопли (еще более ранней крапивы), льна, кожи и лыка в шелк — резуль-

тат наивной поэтизации людьми, живущими в условиях замкнутого патриархального хозяйства и никогда не бывавшими в больших городах.

Роскошь боярской жизни рисуется в следующих словах боярина Дюка, присутствующего на пиру у князя Владимира:

16. 80 У них все-то ведь не по-нашему:
Как калачики-ты да крупивчаты
Сверху пахнут-то на помельце-то на осное,
Снизу пахнут-то на глину на болотную.
Как у нас-то во городе во Галиче
У моей-то ведь у родной матушки
У честной вдовы Омельфы Тимофеевны.
Как пекёт она колачики да крупивчаты,
У ей печка-то ведь яловчата,
Как помельце-то у ей-то есть шелковое.
Мочет в воду-то она да в медовую,
Как пекет калачики да крупивчаты

Другой пример: по приказу Ивана Грозного палач повел царевича на казнь. Мать осужденного спешит за помощью к своему брату.

22. 108 Родна матушка его да государыни,
А ведь Марья-то да Романовна,
Как бежала на босу ногу без чоботов,
А без чоботов бежала она черных,
А без тых она чулочиков шелковых
К своему-то ко братцу ко родимому

- 139 Тут Микита да Романович
Как бежал он на босу ногу да без чоботов,
Без чоботов бежал Микита да черных,
Без чулочиков он без шелковых,
А сядился Микита на добра коня
Не на уздана а сядился не на седлана
Только брал с собой одну да вострую саблю.

Если откинуть в первой строке слово «государыня», то перед нами просто сцена паники деревенских людей, несмотря на «шелковые чулочки» и «вострую саблю».

Былинное наследие Федора Андреевича Конашкова не утратило своего значения для наших дней. Замечательный по своему подбору сюжетов репертуар Ф. А. Ко-

нашкова передает мысли и чаяния многих десятков поколений нашего великого народа.

Тысячи сказителей выполнили свой долг, передавая из столетия в столетие потомству заветы своих предков: любить и защищать Родину, бороться и уничтожать врагов, быть верными семье, выручать друга из беды, быть смелыми, честными, бескорыстными. Эти заветы священны и для советского патриота. Как древняя аудитория, мы ощущаем симпатии к мощному образу пахаря и к непобедимым богатырям, защитникам Родины и своего народа.

Когда-то русские люди, образы которых запечатлены в былинах, отстаивали свою независимость и спасли Европу от полчищ кочевников. И теперь, когда мы боремся за свободу всего человечества, эти заветы наших предков не только созвучны, они живут в нас, — ведь в духе этих вечно живых истин воспитывает миллионы советских людей великая партия Ленина—Сталина.

А. М. Тихомиров

I.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

(«Про Илью Муромца и Соловья-разбойника»)

А не волна ли в мори сволноваласе,
Не волна-то в мори сволноваласе,
Сволновалсе-то да Калин-царь,
Сволновалсе-то Калин-царь со тотарами.
5 Как велика слава идет да на Киев-град,
Как побольше слава идет на князя на Владимира,
Как Калин-царь выговариват:
«Ай же ты, тотарин со тотарами.
Сколько ты имеешь силы-армии?
10 Как имею я силы сорок тысящей
(Как говорит-то сам да Калин-царь),
У меня силушки-то ведь понабрано.
У меня силушки позаправлено,
Так веть моей-то силы смету нет,
15 Как отправим-то мы большую силу.»
Отправляял он силы в сорок тысящей,
Штобы забрать в полон славный город Киев-град.
Как в тую порушку, в тую времяцько,
Как по городу да по Мурому
20 И идут два старьця, два старьих,
А две каликушки иде, да две прохожие.
Заходили-то в небольшую хижину,
Где живет по имени Ильюшенька.
Тридцать лет сидня сидит,

25 Не владел Илья не ножками а й не
руцьками.
А в глазах у Ильи не было зреньица.
Как сидят каликушки аль прохожие,
Говорят-то вить старицы старьи:
«Илья Муромец а сын ли Ивановиць,
30 А не сойдется ли а милостинка нам падать,
А ведь хлибушка-то, дару божего?»
А отвецял-то вить как Ильюшенька:
«Ай же вы слышу два старца, два старьих,
Две каликушки, а две прихожин,
35 Как не владею я а не руцьками,
А не руцьками, а й не ножками,
Во глазах у меня а нету зренья,
Я бы рад вам подать-то милостиньку,
Да сижу я тридцать лет сиднем.»
40 Говорили-то старци-то старьи:
«А сходи-то, Ильюшенька, потихошенько,
А дай-ко нам хлибца, дара божего.»
Как сходил Илья потихошеньку,
Плавал он на коленочках,
45 А принес им хлебец поблизёшенько.
Поклонилсе Илья понизёшеньку,
Как старьцы хлибца покушали:
«Ай же, Ильюшенька, у тя хлебец сытний,
А принесет-ко, Илья, нам бразу пива
50 Как сходил-то Илья потихошеньку,
Церпанул он бразу полнёшенько,
А принес-то, поклонилсе понизёшенько,
Старци попили, остатоцьки Ильюшенке-то
подали:
«Как допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки.»
55 Допивал-то Илья да остатоцьки,
А спросили у Ильи-то старци старьи,
А старци старьи, а каликушки прохожие:
«Што же ты, Илья, в себе цювствуешь?»
Отвецял Илья: «Я нынь совсим здоров!»
60 —«А сходи-тко, Илья, да принеси-ко нам
Еще бразу-то пива пьяного!»
Как сходил-то Илья, принес пива пьяного,
Поклонилсе старцам понизёшенько,
Старцы да ему подали:

65 «А допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки!»
 Допивал Ильюшенька остатоцьки.
 И спросили у Ильи да старцы старыи:
 «Што же ты, Илья, да в себе цювствуешь?»
 — «Цювствую в себе я силу-то великую».

70 — «А какую ты, Илья, да силу цювствуешь?»
 — «А такую силу в себе цювствую:
 Если был бы во земли столб,
 Во земли столб, да во столбу кольцо,
 Штабы можно было руцьками да захватиться,
 75 Повернул бы я землю-мать вокруг!»
 Как говорят старцы да промеж себя:
 «Што такую если силу да Илье оставити.
 То не будет Ильи да земля-мать носить,
 Да не зможе Ильи да доброй конь возить,
 80 Надо-тко у Ильи нам силы поубавити.»
 «А сходи-ко ты, да Ильюшенька,
 Принеси-ко нам и бразу пива пьяного!»
 Как пошел Ильюша веселёшенько,
 Церпанул-то бразу пива он полнёшенько.

85 Приходил Илья к старцам поблизёшенько,
 Поклонилсе Ильюша понизенько.
 Старцы попили да Ильюшеньки вить подали:
 «Допей-ко, Ильюшенька, достатоцьки.»
 Допивал Ильюшенька остатоцьки,

90 Тут спросили у Ильи да старцы старыи:
 «Што же нынь, Илья, да в себе цювствуешь?»
 — «Половину у меня да силы убыло!»
 — «Господь тебе этой силушкой благословит,
 Будет тебе смерть на бою не писана!»

95 Как тут же два старца, два старых,
 А вынимали кипицю с златом-серебром,
 А насыпали оны денег сколько было надобно,
 А сказали старцы-ты Ильюшеньке:
 «Как завтрашним дёнецьком,
 100 Иди-ко, Ильюшенька, на рыночок.
 Приведет-то дедушка жеребчика,
 На шолковом да на поводи,
 Што он спросит, то и дай ему,
 Как корми-ка, Ильюшенька, жеребчика,
 105 А корми-ко пшеном да белоярою,
 А корми-ко, Ильюшенька, да до тых пор.
 Как будет жеребчик-то копытом бить,

А копытом будет бить да землю-мать бунцить,
 А выводи-ко на кажный-то дёнецьек,
 110 Поутру выводи покатаются.
 А будет на нем шерстоцька сменятися.
 Тут, Ильюшенька, седлай его,
 А седлай да и засёдлайвай,
 Поежжай-ко во город Киев-град.»

115 Тут шел-то Ильюшенька,
 А шел Ильюшенька-то на рыночок.
 И везет-то сивушку старице да сивогравиушку.
 «А, дедушко, не продажной ли у тя
 жеребчик?»

Говорил-то ему дедушка:
 120 «Бери-ко этого жеребчика,
 А я прошу я да петьсот рублей.»
 Тут Илья-то дал да петьсот рублей.
 А тут Ильюшенька служил во городи во
 Киеви,
 А служил он раннюю обедню воскресенскую.

125 А он к поздней обедни хотел поспеть в Киев-
 град.

Доеждал Илья до села до Калинина,
 У села-то вить у Калинина,
 Как стоит-то татарин со татарами,
 На него ли идет-то тотарин со татарами.

130 Как спросил-то Ильюшенька:
 «А куда ты, тотарин, пробираеессе?»
 До чего же ты, тотарин, домогаеессе?»
 Отвещал тотарин со татарами:
 — «Я иду ко городу ко Киеву,
 135 А хоцу я город во полон забрать.
 Вы куда идете, добрый молодец?»
 Отвещал тотарину Ильюшенька:
 «Как я веть еду ко городу ко Киеву,
 А ко князю я еду ко Владимиру,
 140 А стоять за веру за крещеную,
 А берегци я церковки соборныи
 Да за дом пресвятые богородицы.»
 Говорил тотарин со татарами:
 «Как ты один едешь, доброй молодец?
 145 Я иду, у мня войска сорок тысяцей!»
 Тут Ильюшенька с татарами раздорил
 вить.

И у Ильюшеньки оборона была богатырская —
 Копье-то было да долгомерное,
 И направилсе Илья на силу татарскую:
 150 Куды махнет Илья — да падет улица,
 Перемахне Илья — да падут да переулицы.
 А которы на убег-то вслед не гонетце.
 Туй-то рать-то силу да великую,
 Как Ильюшенька да повыщелкал,
 155 Приеждял Илья в село да во Калинино.
 Не нашел Илья в селе-то никого-то вить:
 Все калининцы да смородягинцы
 Собрались все да во божьей церкви,
 Во божьей церкви, да стоят-то каютце.
 160 Стоят каютце да причащаютце —
 Воевать с татарами оны справляютце.
 Проговорил-то Ильюшенька:
 «Вы калининцы да смородягинцы,
 Што вы кааетесь да прицашаетесь,
 165 Да далеко ли то вы да отправляетесь?»
 Отвещали калининцы да смородягинцы:
 «А й удаленькая да ты удаленька,
 Ой как едет к нам тотарин со татарами, —
 Со татарами воевать мы собираемсе!
 170 А как силы стоит как чёрного да ворона,
 То мы каемсе да прицашаемсе!»
 Говорил-то тут да Ильюшенька:
 — «Вы, калининцы да смородягинцы.
 Вы сходите-ко, вы да поглядите-ко,
 175 Ище што-то там да сила вделает?
 Ена што да там работает?
 Как пождем мы тогда артелюцкой.»
 А не смеют-то итти да во чисто поле,
 Оны выстали да в колоколенки,
 180 Увидали силушка лежит побитая.
 Тут скорилисе да все смолилися:
 «Как удаленька да запаленька, добрый
 молодець, добрый молодець,
 185 Добрый молодець, а й удаленька да
 запаленька,
 Ты живи у нас да будем тя слушати,
 Што прикажешь нам да будем делати.
 Как зовут тебя да по имяцки,
 Звеличают тебя да по отцесву?»

Отвещал-то веть да Ильюшенька:
 «Я есть из города да из Муромца.
 190 Благочесных-то да родителей,
 У меня татенька Иван да Тимофеевиц,
 У меня маменька Просенья да Яколевна.
 Как зовут меня да Ильюшенькой,
 Кто пожалует, я сын Ивановиц.
 195 Вы, калининцы да смородягинцы,
 Расскажите-ко мне, да расскажите-ко,
 А куда есте дороженька во Киев-град?»
 Говорили калининцы да смородягинцы,
 Рассказали про путь-дороженьку:
 200 «Как окольная дорожка полтора ста верст,
 А прямоеждя старинна дорожка замуравлена:
 Поселился Соловей да Рахматов веть.
 Как сидит Соловей да на семи дубах.
 Свищет Соловей по-соловьиному,
 205 Как шипит Соловей по-змеиному
 Кричит Соловей да по-звериному.
 Как нельзя ехать по тоей добру молодцу,
 Убиват ево Соловей свистом соловьиным.
 И сыновья-то вить да поженены.
 210 А дощери замуж да поведаны.
 Как у Соловьяшка стоит палата
 белокаменная.
 Как кругом-то веть обстановлена
 Штыками ена вострима,
 А на каждом штыке да насажена вить
 215 Головушка-то цюловицья-то,
 Головушки целовецки богатырски вить.
 А нельзя-то ехать-то Ильюшеньке.»
 «Ай калининцы да смородягинцы,
 (Говорит-то Ильюшенька да сын Муромец),
 220 А поеду я дорожкой прямоеждю.»
 А веть ехал-то да Ильюшенька,
 По дороженьки да подписывал:
 «Первая поездка по дорожки Ильи Муромца.»
 Доеждял Ильюша до Соловья до Рахматова.
 225 Как услышал Соловей топот лошадиную,
 И засвистал Соловей по-соловьиному,
 Зашипел Соловей по-змеиному,
 Закричал Соловей по-звериному.
 Под Ильюшей добрый конь на коленка пал,

230 Ильюша бил его прутом железным,
 Бил коню-то да приговаривал:
 «Ох ты, ненасытна брюшина, пеловой мешок.
 Нигде ты на войнах да небывальщина,
 По свисту ты — неслыхальщина,
 235 И по крику — зверина неслыхальщина!»
 А нарвал Ильюшенька листочки да маковны,
 Как у себя да у добра коня
 Илья уши-то да затупывал.
 Тут Ильюшенька натягивал тетивку да
 шолковую,
 240 Во тугом луку да потугёшенько,
 Направлял-то стрелоцку каленую да
 прямошенько,
 Как спустил Соловьёшку во правый глаз.
 Вылетала стрела да во лево ушко,
 Свернулся Соловей да со свою гнезда
 245 И пал Соловей да на сыру землю.
 Как забил Соловья Илья во тóроки,
 Привязал Соловьёшку ко стремены,
 Как повез-то Ильюшенька Соловья
 Рахматова,
 А повез Соловьёшку во Киев-град.
 250 Как сравнился-то с домом с Соловьёным,
 Как увидели детушки да Соловьёвы:
 «Ай же, наша родна матушка,
 Как еде наш-то ведь батюшко,
 Как везе какого-то да мужицёночка,
 255 Мужицёночка у стремени везе.»
 Поглядела-то матушка да и говорит:
 «Ай вы, мои да млады детушки,
 Как какой-то сиде мужицёночка,
 А нашего-то батюшко у стремени везе.»
 260 Говорят-то детушки да Соловьёвы:
 «Помани-ко ты, да наша матушка.
 Не отдаст нам да батюшку?»
 Как сравнился тут прям окошоцек,
 А говорит, крычит да тут Соловьёшко:
 265 «Как зятевя мои да доцери,
 Как просите-ко да вы Ильюшеньку,
 Што заехал бы во гостебище,
 Откупляйте-ко своего да батюшку,
 Вы давайте ему денег двадцать тысящей.

270 Не возмет, если двадцать тысящей,
 Вы давайте сорок тысящей,
 Вы зовите-ко в гости Ильюшенька
 Хлеба-соли вы да покушати.»
 Тут Ильюшенька да поехал вить.
 275 А была дочь у Соловья богатырка.
 А сидела она над вóротами,
 А держала-то в руках да подворотенку.
 Весом подворотня была сорок пуд.
 Как кидала Ильюши по плечкам по могущим,
 Как голзнула подворотня на сырú землю.
 280 А пнул-то он да под задницу.
 А улетела доцурка да неведомо куда.
 Говорил-то вить Ильюшенька:
 «Хорошо бы погостить, да нацали цестить.»
 И повез Соловьёшку Ильюшенька во Киев-град,
 285 Говорил-то сыновьям, дочерям Соловьёшко:
 «Вы давайте Ильюши пять боцек злата-сёребра,
 Откупляйте свою батюшку.»
 Говорили-то да млады детушки:
 «Как возьми, Ильюша, пять боцек злата-
 сёребра,
 290 А оставь-ко нам родного батюшко.»
 Говорил-то детушкам да Ильюшенька:
 «Вы, млады детушки да Соловьёвы,
 Вы катите боцки да во Киев-град,
 295 Я отдам-то вам там батюшку.»
 Как поехал-то да Ильюшенька,
 Да приехал Ильюшенька во Киев-град,
 Привязал добра коня да у города,
 Ко тому ли ко столбу ко тоцёному.
 300 Ко колецику да золоцёному.
 Да насыпал-то пшены да белоярою.
 Сам пошел Илья ко князю ко Владимиру,
 Приглашен-то был за столы да за дубовыи.
 Тут Владимир-князь да стал выпрашивать:
 305 «Как, заеждей удалой добрый молодец,
 Ты какой в земли да ты какой орды,
 Ты какого ты да роду-племени,
 Как зовут тебя да веть по имецки,
 Величают тебя да по отецесьву?»
 310 Отвещал-то да Илья да Муромец:
 «Я есь из города да есь из Мурома,

А я родителя да благаго,
 У меня тятенька Иван да Муромец,
 У мня маменька Апрашенья да Яколевна,
 315 А как зовут меня Ильюшенька,
 А кто пожалует — я сын Ивановиць.»
 Говорил-то да Владимир-князь:
 «Какими ты городами был?»
 Отвещал-то ведь князю Ильюшенька:
 320 «Я служил раннюю обеденку воскресенскую
 в Чернигови,
 Обещался я попась к позной к обеденке во
 Киев-град.»
 — «А ведь какой же дорожкой ехали?»
 — «А как ехал я дорожкой прямоеждою,
 А на дорожке прямоеждою,
 325 А там сидит Соловей да Рохматовиць,
 Соловей свищет по-соловьиному,
 Ён шипит Соловей да по-змеиному,
 Кричит Соловей да по-звериному.»
 — «Как какой же ё Соловей?»
 330 — «А привезен у мня да во Киев-град.»
 Все богатыри все взволновались,
 Все богатыри да разгляделись,
 «Ну, сходи-ко ты, Ильюшенька,
 А приведи-ко нам да на широкой двор!»
 335 Как пошел-то вить Ильюшенька,
 Взял коня-то вить богатырского,
 Как Соловьишко в тороках да у стремени,
 Тут Владимир-князь с княгиною со Опраксией.
 Все-то сильные вышли да богатыри
 340 На Соловьишко полюбоватисе.
 Говорил тут Соловьишко Владимир-князь:
 «Как засвисти-ко, Соловьишко,
 по-соловьиному,
 Зашипи-ко, Соловей, да по-змеиному,
 Закрыци-ко, Соловей, да по-звериному!»
 345 Говорит-то Владимиру Соловьишка:
 «Как сегодня, да Владимир-князь,
 Не у тебя б ел да кушал вить,
 Не тебя я буду слушати.
 Ел я, кушал сегодня у Ильюшеньки.
 350 То Ильюшеньку я буду слушати.»
 А говорил-то вить Ильюшенька:

«Как Владимир-князь да стольнокиевской,
 Как уста у Соловьишка позапечатались,
 От удару-то да от великого,
 355 Так налей-ко ты Соловьишку
 Цяру ему налей да зелена вина,
 Ты другой раз лей да пива пьяного,
 Третьего налей да меду стоялого.»
 Приказал подать Владимир-князь,
 360 Выпивал-то вить Соловьишко,
 Не дождался спросу-то Ильюшка,
 А засвистал Соловей по-соловьиному,
 Зашипел Соловей да по-змеиному,
 Закричал Соловей да по-звериному.
 365 В теремах маковки кои оборвались,
 На дворе-то вси да развалялись,
 Все заплавали да раскаракулями,
 Тут же да Ильюшенька хватил Апраксию
 Романовну,
 Поташил-то в палату белокаменну,
 370 А Владимир-князь далеко кричит:
 «А уйми-тко, да Ильюшенька, Соловьишку,
 Мы наслушались, налюбовались,
 До бесцувствия на белом двори да
 наплавались.»
 А говорил-то Владимир-князь:
 375 «Што ты знал, то и делай да с Соловьишком.»
 Как выходил-то Ильюшенька,
 Еще катят-то Соловьевы да детушки,
 А говорил-то тут Ильюшенька:
 «Уж вы, детушки да Соловьевые,
 380 Как не надо мне да злата-серебра,
 А злато-серебро да есть граблено,
 Вы катите-ко возвратно злато-серебро.
 А спущу-то я вам да батюшку!»
 Укатали боцьки с златом-серебром,
 385 Ко своей-то да родной матушки.
 А говорил-то вить Ильюшенька:
 «Как бежи-ко ты да во весь-то дух,
 Как спущу-то я стрелоцьку каленую:
 Если паде стрелка во сыру землю,
 390 Да мимо тебя, да Соловьишко,
 То уйдешь-то, Соловьишко, ко детушкам.»
 Побежал Соловьишко скорёшенько,

Как наехало Идолище неверное,
 А сидит у князя у Владимира,
 Сидит в палатах да белокаменных.
 Тут скруцинулся да Владимир-князь.
 30 Не допустит слуг-то княжецких,
 А чтобы он, сам князь Владимир, стоял
 Да со княгиней с Опраксией,
 Да подавал бы да напитки да медвяные.
 Сколышился Ильюша скоро ехать,
 35 Говорил старицек да староматерый:
 «А подай-ко, Ильюша, мне шапоньку.»
 Ей как ножкой хотел да закорючити-
 А шапонька да не шатаетце.
 А скоцил-то Ильюша со добра коня
 40 А хватил шапоньку да он веть за поля--
 А шапонька да не шатаетце.
 А што веть у Ильюши да силы было-то
 Как схватил шапку со всей поры,
 По грудям во сыру землю зашел,
 45 Говорил-то старицек да староматерой:
 «Хорошо, Ильюша, силы цюствуешь?»
 Как спустился, Ильюшенька, с добра коня.
 А скинь-ко свои платья богатырские,
 А одень-ко мои платья калицни,
 50 Да возьми-ко шапоньку мою да на
 головушку.
 (И дал ему клюху да оператися),
 И иди-ко ты каликой да прохожею.»
 И пошел Ильюшенька да во Киев-град,
 Приходил каликой к князю ко Владимиру.
 55 Отворял-то да двери дубовые,
 А остановился-то у дверей-то веть:
 Как сидит Идолище неверное да поганое
 А командует над князем со княгиней.
 Говорила калика переходя:
 60 «Ай же ты, Идолище неверное,
 Не найдется ли милостинки подать.
 Для Илье да Илье Муромца?»
 Как Идолище сподобья да выглядывал,
 Говорил Идолище неверное:
 65 «Эко славный богатырь у вас Ильюшенька,
 Много ли ваш богатырь хлеба ес?»
 Отвещал-то тут Ильюшенька:

«Как и ест-то он да три фунтика,
 Да и то-то сыт бывает.»
 70 А говорит-то Идолище:
 «А по сколько-то ваш Ильюша пива пьет?»
 — «Наш Ильюша выпьет три цяроцьки,
 Ен и сутки сыт бывает.»
 — «А некакой-то Илья да богатырь есь,
 75 А я с трех пещей да хлеба съем,
 А я с трех боцек да пива пью.»
 Говорит-то Идолищу Ильюшенька:
 «Вить раньше много корова ела, она лопнула,
 Ена ела-пила да и лопнула,
 80 Так же лопнешь ты, Идолище поганое.»
 Как Ильюшенька к Идолищу подвигается,
 А Идолище от Ильюшеньки да обрягается.
 А треснул Илья шапоцькой Идолищу поганое,
 Да хватил Идолищу Илья за ноги,
 А потащил головой стукать-то по крыльцам
 веть,
 Вытащил да на широкий двор,
 Приказал зажигать груды-ту великую,
 Тут Идолище поганое да сожгали,
 А пепел-то спустили да по ветру тот,
 90 Тут Идолищу да и слава пала.

Как Ильюшенька привез к князю Владимиру
А ведь Соловьюшка Рохматова,
То Ильюшеньку приняли с почестью.
А Владимир-князь стольнокиевский
Дал Ильюшеньке прогуляться,
Как по разным ездить по городам,
А по дальним ездить по сторонам.
Вот Ильюшенька ездил, гулял целых два месяца,
Едет Ильюшенька во славный во Киев-град,
Как на дорожке Ильюша пораздумался:
«Как разгорелось мое сердце богатырское,
Не с кем мне силушки попробовать.»
Поспадат Ильюше навстречу старичок староматерный.
Ильюша стариčku поклонился понизѣшенько,
А старичок Ильюше поклонился до сырой земли,
Как шапочку с головки старичок выронил,
Ильюшенька и поехал вѣдь.
Старичск говорит староматерый:
«Подай мне, Ильюшенька, шапочку,
Наклониться тяжело, вѣдь, мне.»

Некоторые изменения хода развития сюжета, повидимому, произошли из-за непривычного положения «сказывать, а не петь».

А шапочка не шатается,
Потом он хотел двумя ручками оторвать поля
у шапочки,

30 А шапочка не шатается,
Сам зашел по грудям в сырú землю,
И говорит старичок староматерый:
«Ай же ты, Ильюшенька, большу ли ты сырú
в себе чувствуешь?»

(Тут Ильяшенька и поехал ведь),
И спросил Ильяшенька:
«Дедушка, давно ли ты из города из Киева?
Всё ли во городе во Киеве по-старому,
по-прежнему?»

Как отвечал старичок староматерый:
«И как я сегодня из города из Киева,
А во городе во Киеве всё не по-старому,
 всё не попржежнему,
Как у князя, у Владимира, за столами сидит
 Идолище поганое,

40 Третьи уж сутки,
И не допускает никаких слуг,
Чтоб подносили ему питва медвяные, яства
сахарные

Сам Владимир-князь и Опраксия Романовна,
Так скручинился князь и опечалился.»

45 Говорит дедушка:
«Ильюшенька, скинь свои платья богатырские.
И спусти добра коня,
А надень мои платья каличные.»
И дал ему шапочку пуховую.

50 Взял Ильюшенька батожок,
Старичок сказал:
«Этой только шапочкой ты убьешь Едóлице
поганое.»

И пришел Ильюшенька к князю Владимиру,
Пришел в палаты белокаменные,
Отворил двери и стал у двери,

И смотрит Ильюша на Идолище,
Как Идолище за столом у князя командует,
А князь с княгиней ходят невеселые.
И стоит Ильюшенька и смотрит на Идолище,
60 И говорит:
«Идолище, не сойдется ли хлеба ради Ильи
Муромца?»

Идолище сказал:

«Какой у вас в славе богатырь Илья?

Я бы сразу ему голову свернул.»

65 А Илья говорит:

«Такой Илья, как и я.»

— «Помногу ли ваш Илья в сутки хлеба ест?»

— «Наш Ильюшенька ест три фунтика

И сыт бывает на суточки.»

70 — «А помногу ён пива в сутки пьет?»

— «А Ильюшенька по ковшичку только в
сутки пива пьет и сыт живет.»

— «Некое-какой ваш богатырь!

А я по бочки в сутки пива пью,

75 С двух печей я хлеб съем!»

Ильюша говорит:

«Много корова ела, да лопнула.

Так и ты лопнешь.»

Идолище на Ильюшу завылывал,

А Ильюшенька к Идолищу поближе

двигается,

80 А Идолище косится да от Ильюшеньки
подальше убирается,

Ильюшенька подскочил к Идолищу да
хлопнул по косице шапочкой,

Котора шапочка у дедушки дана была,

Идолище вдоль лавки растянулся ведь,

85 И хватил Ильюша Идолища за ноги

И потащил по крыльцам ведь,

Одна голова у Идолища пощёлкивает.

Вытащил Ильюша Идолище круг города

И приказал зажечь груду дров,

90 И кинул Идолища в огонь

*(Идолище сожгали и пепел пустили по
воздуху, чтобы и духу-то не было Идолища).*

Тым былина наша и покончилась. Вот оно
как было!

3

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ¹

После Идолища шло у Владимира-князя
Благое время десять лет,

Как Ильюшенька охранял у князя Владимира
Город Киев десять лет,

5 И сильными, могучими богатыри

Ездили по городу по Киеву

И проживали у города у Киева.

Прошло всего времени за десять лет —

Тут нашлись людишки да лихие-то,

10 Стали к князю да похаживать,

Стали князю Владимиру да выговаривать:

«Как хочет-то Ильюшенька отобрать от тебя
твое княжество.

Со сильными, могучим богатырьми.»

Тут князь да позадумался,

15 Позадумался да пораздумался:

«Что такой богатырь Ильюшенька,

Да с сильными, могучими богатырьми,

Да отнимут от меня княжество,

И будет управлять с сильными, могучими
богатырьми.»

20 И приказал Владимир-князь

Посадить Ильюшеньку в погреб во глубокий.

Как Ильюшенька да благой ведь был,

¹ Запись без соблюдения некоторых фонетических особенностей речи.

Он мог бы со всеми има управиться,
 Да шел, ведь, он своею волею, не упираетце,
 25 А иде он да низко покланяице.
 Как у князя-то Владимира была ведь
 племянница,
 Красной девушке да лет четырнадцать,
 Как просила она да своих родных:
 «Прокопайте вы ведь дорожку подземельную,
 30 Как к тем погребам ко глубоким,
 Где посажен у дядюшки Ильюшенька,
 Буду я носить Ильюшеньке
 Как на всякий-то на денечик
 Хлеба, дара божьего.
 35 Как читала я, красна девушка,
 В книгах-то евангельских,
 Что Илье на бою, да смерть не писана.»
 И носила она, красна девушка,
 Во всякой денечек.
 40 Прошло времячко-то три году,
 Как тут наехал-то да Калин-царь,
 Наехал Калин-царь да со тотарами,
 Нагнал силы как чёрного ворона,
 Ко городу ко Киеву.
 45 Как проведаль-то да Калин-царь,
 Что Ильюши живого нет,
 Тут как пишет да Калин-царь:
 «Уж князь Владимир стольнокиевской,
 Приехали к тебе гостюшки немилые,
 50 Да немилы к тебе гости нелюбимы.
 Калин-царь да со тотарами,
 Навели силы, так и сметы нет.
 Отворяй-ко ты ворота да широкие,
 Как запускай-ко твоих да дорогих гостей.
 55 Как катай-ко бочки по чисту полю,
 Как ты с винами да с пивами.»
 Как подавал Калин-царь писёмышко тотарину.
 Приходил тотарин ко князю ко Владимиру
 Да в палату белокаменну,
 60 На стол кидал писёмышко,
 Сам садился на лавочку.
 Как Владимир-князь читал письмо,
 распечатывал.
 Тут сам Владимир порасплакался:

«Как некем мне да заменитьсье,
 65 Как во городе, да во стольном граде Киеве
 Нету сильных, могучих богатырей, —
 Все богатыри да по разездам ведь.
 Как Ильюшеньки, того и живого нет!»
 Как увидала-то его да племянница
 70 Да говорит она ему князю Владимиру:
 «Как мой да родной дядюшка,
 Как мы сходим-ко да попросим-ко
 В погреба ты во глубокие,
 Как Ильюшеньку да попросим-ко?»
 75 А Владимир-князь да расплакался:
 «У Ильюшеньки до сих пор и костей-то нет!»
 А говорила-то племянница:
 «Как я читала-то книги-ты евангельски —
 На бою Илье смерть не писана.»
 80 Приказал да Владимир-князь:
 «Возьмите как лопаточки, разroyте-ка,
 Я посмотрю своего да племянника.»
 Как отворяли двери-то дубовые,
 Как сидит у стола-то Ильюшенька,
 85 А горит-то на столе свеча-то сальная,
 А сидит, читает Ильюшенька да евангелие.
 Тут Владимир-князь у Ильюшеньки прощается:
 «Я чужого-то ума да послушал, ведь,
 А надо вперед-то своим умом жить!
 90 А прости-ко меня да такой беды.»
 Тут Ильюшенька да не сердится,
 Да говорит-то Ильюшенька князю Владимиру:
 «Что ты Калину отписывал?»
 — «Ничего я не знал да отписать ему.»
 95 Брал Ильюша бумагу и чернила ведь,
 Начал Ильюшенька отписывать:
 «Ай да ты, Калин-царь,
 Дай-ка ты нам строку да на три году,
 А не дашь ты нам строку на три году,
 100 Дай ты строку на три месяца,
 А не дашь ты нам строку на три месяца.
 Дай же строку на три дня,
 А не дашь нам строку на три дня,
 Дай-ка строку на три часа —
 105 Наварить-то нам зелена вина,
 Накурить-то нам пива пьяного,

Раскотать-то бочки по всему граду,
 По всему граду да по чисту полю,
 Угостить твоя вся сила-армия.»
 Тут подал Владимиру Ильюшенька писёмышко:
 «Ты отправь да царю-Калину.»
 Как выходил из погребов да тут Ильюшенька.
 Выходил Ильюшенька да во чисто поле,
 Крикнул Илья по-богатырскому,
 Богатырским да своим голосом,
 Вызывать своего Сивушку-Сивогривушку,
 Своего коня богатырского.
 Как добрый конь бежит, так земля-мать
 дрожит,
 Как садился Ильюша на добра коня,
 Со всей приправой богатырской.
 Как ехал Ильюшенька на рать-силу великую.
 Как видит Ильюшенька-то ведь,
 Как у царя-то да у Калина ведь,
 Силушки-то нагнано да великая,
 Стоит как чёрного да ворона,
 Серу волку не обрыскати,
 Черну ворону силы не ограйти:
 «А нать мне молодцу, Ильюшеньке,
 По силы да проехати.»
 Как начал Ильюшенька силушку
 Бить своим копьём богатырским,
 Куда махнет — падут улицей,
 А перемахнет — переулочком.
 Как у них, у тотар у неверных,
 Выкопано три подкопа богатырских.
 Как в первый подкоп добрый конь вскочил,
 Ильюшеньку повынес ведь,
 И в другой вскочил,
 Ильюшеньку повынес ведь,
 А с третьего подкопа добрый конь
 Да сам повыскочил,
 А Ильюшенька с добра коня да выпал ведь.
 Тут обстали кругом тотара неверные,
 И приходил тут сам да Калин-царь.
 И говорит-то Калин-царь:
 «А поминали мы Ильюшеньку,
 Что Ильюшеньки живого нет,
 А Ильюшенька во старой степени да поезживает.

А перейди-ко, Ильюшенька, к нам-то ведь.
 Ты, Ильюшенька, стой да за нас-то ведь,
 Будем мы кормить да содержать тебя
 До твоей смерти-то.»
 Отвечал-то да Ильюшенька:
 «Ай же ты, собака Калин-царь,
 Говоришь ты речи неразумные,
 Если бы у меня была бы да сила моя
 За твои слова да за неразумные
 Отрубил бы я твою буйну голову!»
 Говорит да Калин-царь:
 «Нынь, Ильюшенька, у тебя да не своя
 воля».

И связали у Ильюшеньки ручки белые,
 Сковали у Ильюши ножки резвые,
 И приказал Калин-царь отвести Ильюшеньку
 На казнь на смертную,
 Отрубить Ильи буйну голову.
 И повели татаре неверные,
 Повели по городу по Киеву,
 Мимо церковки да соборный.
 Как Ильюшенька да смолился ведь:
 «Ух вы, киевски да угодники,
 Дома пресвятой богородицы,
 Вы роскуйте у Ильи ножки резвые,
 Да ручки белые, да ножки резвые
 Если буде у меня да своя воля,
 Не дайте-ка Калину надсмехатисе,
 Надсмехатисе да надругатисе.»
 Тут ведь киевские угодники
 Росковали ножки резвые,
 Ножки резвые, ручки белые,
 Стала у Ильюшеньки своя воля,
 Как хватил Илья тотарина-то за ноги,
 А что рядом было, то всех повыщелкал.
 Выходил Ильюша во чисто поле,
 Крикнул голосом своим да богатырским,
 Вызывал Илья своего добра коня,
 Добрый конь бежит, земля-мать дрожит,
 Со всей он приправой богатырскою.
 Как садился Ильюша на горы на высокие,
 Глядел Ильюша на все четыре на
 сторонушки.

- 199 Как усмотрел в сторонушку на севере,
Стоит шатер белополотняный,
У шатра стоят кони богатырские,
Тут живут русские сильные могучие
богатыри.
Как Ильюшенька тетевку-ту шелковую
натягивал
- 195 И полагают в тугой лук стрелочку калёную,
И стрелочке Ильюшенька наказывает:
«Ты лети, лети каленá стрела,
Ты пади, стрела, не на́ небо,
Ты пади, стрела, да не на́ землю,
200 Ты лети, стрела, во чистò поле,
Во чистò поле, во белòй шатер,
Ты пади, стрела, во белòй шатер,
Пролами-ко латы да кольчужные
У Самсона, у кресного.»
- 205 Тут спускал Илья стрелочку каленую,
Как летела стрела да каленая,
Пала не на небо и не на землю,
Как летела стрела да во чистò поле,
Во чистò поле да во белòй шатер,
210 Проломила латы-те кольчужные
У Самсона де у крестного Ильюшеньки,
Как попало Самсону да во медный крест.
Как говорил Самсон, крестный-то:
«Как вставайте-ко вы, сильные могучие
богатыри,
- 215 Да не добро, видно, крестнику
Ильюшеньке.»
Тут вставали двенадцать добрых молодцев
Да сажались-то они да на добрых коней.
Двенадцать сильных могучих богатырей.
Как ехали на рать-силу великую,
220 Как со всех-то разъехались во разны
сторонюшки,
Начали они силушку да бить-ломить,
А Ильюша бьет тотар да посередочки,
И прибили всех тотар да неверных,
Не оставили тотарина и на семена.
225 Да говорит тут Калин-царь:
«Как закажу я детям, внучатам,
Детям. внучатам да правнучатам

А и думу об этом не думати,
А не то, что ездить на Киев-град »
230 Тут как ехали добры молодцы ко князю ко
Владимиру,
Встречал да с великой принял радостью
Да таких-то дорогих гостей.
Да тем былина и покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как у князя-то у Владимира
 А ведь жил-то Ильюшенька да ровно десять лет.
 Как стали к князю-то Владимиру
 А стали веть людишки подхаживать,
 5 Стали князю Владимиру да наговаривать:
 «Как Илья Муромец да сын Ивановиць,
 Как ён с сильныма могущыма богатырьми.
 Хотут брать себе да княжество.»
 Тут же Владимир-князь да послушал веть,
 10 Приказал посадить да Ильюшеньку.
 Повели Илью во погреба глубокии,
 (Как Ильюшенька не отбиваетце),
 Посадили Илью в погреба глубокии.
 Как у князя-то да у Владимира
 15 Была красная девушка племянница,
 Отродя ей было лет четырнадцать.
 Как она ли девушка по Ильюшки сжаловаласе,
 Как она велела выкопать дорожку
 подземельную
 Как во тын погреба да во глубокии,
 20 Где посаженной-то Ильюшенька,
 Как на всякой-то она да долгой дёнецек,
 Как Ильюшеньки носила яства да сахарнии,
 Напитоцьки-то разные медвяныи.
 Как прошла про Илью-то слава да широкая,
 25 Как прошло веть того времени да три году-
 Как узнал-то вить да и Калин-царь

Што вить Ильюшеньки живого нет,
 Как направился Калин-царь с войском со
 великим.

Как нагнал он ко городу силы да ко Киеву.
 30 Тут же писал письмо да скорописчато:
 «Уж ты, князь Владимир стольнекиевской,
 Отворяй-ко ворота да широкии,
 Уж ты улицы да распахивай,
 35 Дубовы скамьи да вынашивай,
 Питва разными выкладывай,
 Как стречай-ко нас, да дорогих гостей!»
 Посылал Калин-царь тотарина с писёмышком.
 Приходил тотарин к князю ко Владимиру.
 Как кидал тотарин на стол писёмышко,
 40 Сам садился тотарин да на лавоцьку.
 Как Владимир-князь читал письмо да
 порасплакался:

«Как у меня нет в городе во Киеви,
 У меня нету сильных могущих богатырей,
 И нету у мя да как Ильюшеньки!»
 45 Говорила его да вить племянница:
 «Как мой-то вить да родной дядюшка,
 Я читала книги-то евангельскии,
 Как на бою Ильи смерть-то веть не писана!»
 — «Ой ты веть, цядо мне милое,
 50 Как до сих-то пор Ильюшаных костей-то нет!»
 — «А как сходим-ко да мы во погреба,
 Как посмотрим-то тое местецко.»
 Как разрывали они погреба-то глубокии,
 Отворяли двери-то дубовыи,
 55 На столе горит да свеча сальная,
 А сидит Ильюшенька, читает да евангелъе.
 Тут стоит Владимир-князь у Ильюши,
 порасплакался:
 «Как прости меня, Ильюшенька, в такой беды!»
 Показал письмо Ильюше царя Калина.
 60 Говорил Ильюшенька князю-то Владимиру:
 «А на место што же ты отписывал?»
 — «Как ницего я Калину да не писал.»
 Как нацал Илья писать да царю Калину:
 «Ай же ты, собака Калин-царь,
 65 Дай-ко нам ты строку да три году,
 Как не дашь нам строку три году,

Дай хоть строку нам да на три месяца,
 Как не дашь нам строку на три месяца,
 Дай хоть строку ты нам на три дня.
 70 А не дашь нам строку на три дня,
 Дай хоть строку ты нам на три часа.
 Наварим мы веть да зелена вина,
 Как накурим мы да пива пьяного,
 Угостим тогда всю мы силу, всю армию!
 75 Сам сядил Илья да на добра коня,
 Как поехал Илья на горы на высокии,
 Как глядел Илья на рать-силу на великую,
 Как сколько у царя-то вить у Калина
 Силы набрано, силушки-то нагнано —
 80 Серу волку силы не обрыскати,
 Черну ворону силы не огряти.
 Как глядел-то Ильюшенька на сеvir веть,
 Как стоит шотёр бело-полотняной,
 У шатра стоят кони богатырскии,
 85 Там-то спят сильнии могуции богатыри.
 Как натягивал да Ильюшенька
 Как тетивку-то да ен шелковую,
 Во тугом луку да потугёшенько,
 Направлял Илья стрелоцьку каленую,
 90 На полете Илья стрелоцьки наказывал:
 «Ты пади, стрела, не на небо, не на землю,
 Ты пади стрела да во белой шатер,
 Ты пади Самсону-то да крёсному,
 Ты пади ему да во белу грудь.
 95 Што он спит да не прохватитце,
 Как не знает он, над кресником не ведает.»
 Как пала стрела калёная да пала во белой
 шатер,
 Самсону крёсному попала во медной крес,
 Как ставал, скотил да сам сонной крёсной
 вить;
 100 «Как вы сильнии могуции богатыри, ставайте!»
 Как двенадцать их было богатырей —
 А тринадцатой да Самсон крёсный.
 Как тут сядились скоренько на добрых коней,
 Поднималисе на горы на высокии,
 105 Где стоит-то сила царя Калина.
 Как Ильюшенька бьет да со сторонушки,
 Как кругом-то силу-то со всех сторон окружили,

Нацали силу бить у царя Калина,
 Не оставили тотарам силы на сёмена.
 110 Говорил-то тут вить Калин-царь:
 «Закажу я дитям да внуцатам—
 А не то што на Русеюшку-то ездити,
 А штобы думой более да не думати!»
 Тут поехали сильни могуции богатыри
 115 Как ко князю-то в город, ко Владимиру.
 Принимал Владимир-князь до со всей
 радости.
 Всех молодцев-то он пожаловал,
 А на том-ты былина и покончилась.

ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

(«Про Илью и голи кабацкие»)

А как во стольном во городе во Киеве,
А ведь у князя да у Владимира,
А велся-продолжался княжецкий пер,¹
А с сильными могучими богатырьма,
5 А Ильюшеньки на пер да не позвали,
Открывал Ильюша свой почесной пер,
Позабрал местецко што не лучшее,
Что не лучшее место, самолучшее,
Среди города да среди Киева,
10 На удобной да ён на площади,
Да у князя-то да у Владимира,
У теремов-то он да златоверхних.
Крикнул Ильюша голосом своим он
богатырским:
«Уж вы, голи, голи кабацкие,
15 Городские голи вы, посацкие,
Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!»
Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пер,
Среди города да среди Киева,
20 На удобной-то да на площади,
Как у князя-то да у Владимира,

¹ Пир.

Как у теремов да златоверхних,
Тут же Ильюшенька как натягивал
Как тетивку он шолкову,
25 Как натягивал тетивку потугёшенько,
Направлял он стрелоцьки калёный
прямёшенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки калены
В тугой лук рьянёшенько,
А спускал он князю-то Владимиру
30 По теремам ему-то златоверхним.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхних
Были маковки шелковыи подвешены.
35 Спускал Ильюша стрелоцьки да калёны,
А ён по маковкам спускал да по шолковым.
Да как золоченыи маковки-то шолковыи
Скатилисе оне да на сырү землю,
Как веть мелкий-то воробушки.
40 Дороги гости да Ильюшины
Соберали оны маковки шелковые,
Носили в лавоцьки оны торговьи,
Оттуль таскали напитокцьки спиртовьи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
45 А поют ёны песенки да разные,
Псют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да утиха нет.
Как у князя-то да у Владимира,
Пер с богатырьма да прекращаетце,
50 А у Ильюши вперед да продолжаетце.
Тут Владимир-князь скручинилсе,
Тут Владимир-князь да спечалилсе:
«Разобьет Илья по городу по Киеву.
Все он терема разобьет златоверхних,
55 Вышиблет все маковки золоченыи,
Золоченыи маковки да шелковые!»
Стал просить Владимир-князь
Сильных могущих богатырей:
«Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
60 Штобы не спускал Илья стрелоцек
калёных,
Не щипал бы Илья мавоков шелковых.»
А как богатыри от князя отказалисе:

«Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
Спустит Илья в нас стрелоцьки калёныи.»
65 Стал Владимир-князь пресить-то

Добрынюшку,
Как Добрыня был-то посильнее всех.
Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
А идет Добрынюшка да думает:
«Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
70 То спустит Илья в меня стрелоцьку калёную.»
Вот зашел Добрынюшка сзади веть,
А пал Добрыня Ильюши на плечи на

мстущини:
«Здравствуй же, мой да крестовый брат,
Владимир-князь миня да за тобой послал.»
75 Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то вить Ильюшенька:
«Ай же ты, да мой крестовый брат,
Знал же ты да откуль зайти:
Если зашел-то бы спереду —
80 То спустил бы в тебя стрелоцьку калёную!»
Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко

Владимиру.
Дороги гости Ильюшеньки недовольны-то
ведь остались.
Так былина и скончилась.

5.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЯ

(«Былина про Добрыню и Змея»)

Как просил Добрынюшка
У своей матушки разрешеньца
Сокупаться-то да во Пучай-реки.
Говорила Добрыни родна матушка:
«Там, Добрынюшка, змеище-то трехглавое,
5 Как захватыват да добрых молодцов,
Добрых молодцов да красных девушек.»
А и не дала Добрынюшке разрешеньце
А итти-то купатьце во Пучай-реки.
Говорит Добрыня родной матушки:
10 «Как есь у меня охвотушка великая!»
Как сошел Добрыня ко Пучай-реки,
Скидывал Добрыня рубашку ту шолковую,
Полагал Добрыня рубашку на желтой песок,
15 Окупался Добрыня со головушкой.
А нацал Добрыня по струецькам поныривать,
В струйку нырнет Добрыня, в другу вынырнет.
Как нырнул Добрынюшка в третью да во
струецьку,
Захватил Добрыню змеище-то трехглавое
20 Своими-то хоботами да змеиными,
А потащила змея Добрыню во Пучай-реку.
Потащил Добрыня змеищу на желтый песок.
Нацали со змеищем да сражати.
Как забрался Добрыня на змеище да на белу
грудь,

25 Как хотел Добрыня змеище-то смерть придать,
 Тут же змеище Добрынюшке смолиласе:
 «Как оставь меня, Добрынюшка, во живности.
 Я не буду, змея, летать да по Росеюшки,
 Я не буду хватать да добрых молодцов,
 30 Добрых молодцов да красных девушек,
 Никакой не буду жрать да я скотинины,
 Да оставь меня во живности,
 Полею я, змея, да во свои края,
 На свои я на горы на змеиные,
 Во свои я во норы во змеиные.»
 35 И как спустил-то Добрынюшка люту змею
 Полетела змея да трехглавая
 Среди города да среди Киева,
 Какхватила головушку да што не лучшую,
 Как не лучшую головку, самолучшую —
 40 Как у князя-тохватила у Владимира
 Как любимую да племянницу,
 Как гуляла она да красна девушка,
 Она с верными да со служанками.
 Утатила на горы на змеиные,
 45 Как во тыи она во норы во змеиные.
 Тут Владимир-князь да окручинилсе,
 Тут Владимир да опецялилсе,
 Потерял свою любимую племянницу.
 Ён собрал как сильных могущих богатырей,
 50 Наливал он цяру неумеренну:
 Цяра мерой-то была не мерена,
 Весом-то цяра-то не вешена,
 Мерой-то цяра в полтора ведра,
 Весом цяра тяне в полтора пуда.
 55 Говорил Владимир-князь да таковы слова:
 «Уж вы, сильные да могущи вы богатыри,
 Кто из вас выпьет цяру зелена вина,
 Тот и может съездить на горы на змеиные
 И во тыи норы во змеиные,
 60 Как повывести мою любимую племянницу
 От змеище-то трехглавые,
 А не ранену девушку, не кровавлену.»
 Как тут вси богатыри призатихнули,
 65 Старший тулитце на¹ среднего,

¹ Вместо «за».

А средний тулитце да на меньшего,
 Как от меньшего и ответу нет.
 Как изволил стать на резвы ноги
 Как тот ли князь Коромышинский:
 70 «Как Владимир-князь стольне-киевский,
 Как был-то я у Пучай-реки,
 Видел я, как сражалсе Добрыня со лютой
 змеей,
 Как сидел Добрыня у змеища на белой груди.
 Хотел Добрыня змеище той смерть придать,
 75 Тут же змеище Добрыни заклиналосе:
 «Как оставь меня, Добрынюшка, во живности!»
 Если съеде Добрыня, то сама одас.»
 Стал Владимир-князь просить Добрынюшку:
 «Уж ты съезди туда, Добрынюшка,
 80 Как повывези мою любимую племянницу
 Как от той ли от змеищи от трехглавой,
 А не ранену девушку да не кровавлену.»
 Выпивал Добрыня цяру ту пива пьяного,
 Ехал Добрынюшка к родной матушки,
 85 А к цесной вдовы Офимьи Тимофеевны.
 Как спросил-то ён да разрешеньца
 Съездить да во горы во змеиные,
 Да во тые во норы во змеиные,
 Как повывести Владимира любимую
 племянницу,
 90 Как от той ли от змеищи от трехглавую.
 Говорила Добрыне родна матушка:
 «Дам, Добрынюшка, тебе разрешенье
 Съездить на горы на змеиные,
 Как повывести Владимира любимую
 племянницу,
 95 Дам, Добрынюшка, от себя тебе подароcek,
 Дам платоcek, Добрынюшка, тебе шелковой,
 Как будешь, Добрынюшка, со змеищей
 сражаться,
 Как будешь, Добрыня, с силы выбиватисе,
 Ты возьми платок — оботри поток,
 100 Будет, Добрынюшка, сила-то по-старому!
 Как другой, Добрынюшка, я дам
 подароcek:
 Как батюшка на войнах да поездивал,
 Дам Добрынюшки я плетоцьки шелковую,

Как станет добрый конь возить не
 по-старому,
 105 Станет доброй конь возить да не попржнему,
 Ты возьми, Добрыня, плетоцку шелковую,
 Ты хлещи коня да по крутым ребрам,
 По крутым ребрам, по резвым ногам.
 Будет добрый конь возить Добрынюшку
 по-старому.»
 110 Ехал Добрыня на горы на змеинны,
 Ён во тьи во норы во змеинны,
 Как змеище на горах не случилось,
 Улетела змея да во други края.
 Как пошел Добрыня по норам по змеинным,
 115 А нашел Добрыня в норы любимую
 племянницу.
 Как повынес Добрыня с норы да красну
 девушку,
 Посадил Добрыня девицу на добра коня,
 Как повез ён девицу-то во Киев-град.
 На дорожки Добрыня пораздумался:
 120 «Как нагонит-то змеищо-то трехглавое,
 Будем мы сражаться со лютой змеей,
 А вить раним мы да красную девушку.»
 Посадил Добрыня девицу-то под сырой дуб,
 Сам вернулся Добрыня на горы на змеинны.
 125 Как летит-то змеищо да сердитое,
 Прямо летит змеищо да на Добрынюшку.
 Нацяли с змеищем-то оне сражатиси,
 Стал Добрыня с силы выбиватиси,
 Помнил матушкин своей да подароцек,
 130 Помнил платоцик Добрынюшка шелковый,
 Взял Добрынюшка да взял платок,
 Взял платок да оботер поток,
 Стала у Добрыни сила-то по-старому,
 Нацяли с змеищем-то сражатиси.
 135 Стал Добрыню доброй конь возить да не
 по-старому,
 Вспомнил Добрыня батюшков подароцек,
 Помнил плетоцку Добрынюшка шелковую,
 Ён хлыстал коня да по крутым бедрам,
 По крутым бедрам да по резвым ногам —
 140 Стал Добрыню конь возить по-старому.
 Нацяли ены с змеищей-то сражатиси,

Стал-то змеищу перескливать,
 Сбил-то змею да на сыру змлю,
 Разрубил Добрыня змеище плетью на мелки
 цясти.

145 Пошел Добрыня по норам по змеинным,
 Пригубил-то ведь всех змеёнышев.
 Как не оставил Добрыня змеинища на сёмена,
 Как поехал Добрынюшка во Киев-град,
 Взял он племянницу да с-под сыра дуба,
 150 Посадил он племянницу да на добра коня.
 Привез он ко князю ко Владимиру,
 Как не ранену девушку да не кровавлену.
 Как стрещал Владимир-князь с великой
 радостью
 Што привез Добрыня любимую племянницу.
 155 Надарил Владимир-князь-то Добрынюшку,
 Да на том былинка и покончилась!

6.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

(«Про холостого Добрыню»)

Как поутрушку да ранёшенько
 А мылся Добрынюшка белёшенько,
 Обтерался Добрыня посухёшеньку,
 Тонким льняным полотёнышком,
 5 Одевался Добрыня пэцистёшенько.
 Говорила Добрыне родна матушка:
 «Далеко ли, Добрынюшка, справляеся?»
 А куда же ты, Добрыня, снаряжаеся?»
 Отвещал-то Добрынюшка:
 10 «Как пойду-то я, да родна матушка,
 А я в город прогулятисе.»
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Как не зайди-ка ты, да Добрынюшка,
 Не зайди в улицы Игнатьевски,
 15 В переулоцьки а во Марьевски,
 Как ко той ли Маринки ко догадливой.
 Ты как холост молодец есь нежененой.»
 А ведь шел-то Добрыня в город прогулятисе.
 А веть прошел Добрыня по городу,
 20 А как сам-то стоит, думу думает:
 «Как нать мне сходить в улицы да Игнатьевски,
 В переулоцьки в Марьевски,
 Как поглядеть на Маринку на догадливую.»
 Как сравнился Добрыня с Маринкиным
 25 У Маринки на окошки нарисовано,

Как голуб да сидит с голубихою,
 Ай да тут ли да как Добрынюшка
 Натягал-то он тетивку-то он шолковую,
 Направлял Добрыня стрелоцьку калёную,
 30 А спустил он стрелоцьку калёную
 А он в голуба да с голубихою,
 А стоит Добрынюшка да думает:
 «Если мне-ко-ва да не сходить в терем,
 Пропаде моя стрелоцька калёная.»
 35 Как пошел Добрыня к Маринки в высок терем,
 Заходил Добрыня к Маринки в высок терем,
 Как она ли Маринка догадлива
 Как за завесы да обряжаласи,
 Пошел Добрынюшка искать да по терему,
 40 Своей Добрыня стрелоцьки калёной,
 Как нашел Добрыня стрелоцьку калёную.
 Ен убил-то вить да не голуба,
 А не голуба убил да с голубихою,
 А убил-то он тотарина любимця веть,
 45 А как сама-то веть Маринка догадлива,
 А с тотарином на окошке забавляласи.
 Выходил, пошел Добрыня с стрелоцькой
 калёною,

Как выходила Маринка догадлива,
 Брала ножицек а она булатного,
 50 Резала слецоцьки-то Добрынины,
 Как резала следецьки, приговаривала:
 «Режу я слецоцьки-то Добрынины,
 Так бы резало сердцецько-то Добрынино,
 По мне, Маринки по догадливой,
 55 Как не мог бы да Добрынюшка
 Без меня, Маринки догадливой,
 Как не жить, не быть, да не ись, не пить,
 А не сном Добрыня насыпатисе,
 Не гульбой бы Добрыня нагулятисе,
 60 Как тоскнул бы он да и гинул бы,
 Как на круг бы Добрыня целы сутоцьки.»
 У Добрыни на дорожки сердце срезало,
 Как едва Добрыня ноцёньку скоротал вить,
 Как поутрушку-то ранёшеньку,
 65 Добрынюшка справляетце да скорёшенько.
 Говорит Добрыне родна матушка:
 «Далеко ли, Добрынюшка, справляеся?»

— «Я пойду-то ведь, да родна матушка,
 Ко Маринки пойду да ко догадливой.»
 70 — «А пропадешь же ты, да Добрынюшка.
 У Маринки-то да у догадливой
 Хуже кислой-то ты да плотицины!»
 Шел-то вить да Добрынюшка
 Как во высок терем к Маринки ко догадливой.
 75 Как она Маринка догадлива.
 Как поддегивала стулицьки кленовыи,
 Как садиласи она вядышжом,
 И тогда говорила Маринка догадлива:
 «Ай сядем-ка, Добрыня, посовеуем.»
 80 Как говорил-то ведь да Добрынюшка:
 «Как за всё люблю, Маринка ты догадлива,
 У тя нету ведь да напитоcek медвяных.»
 Как скосила она да красна девушка:
 «Как на всё-то я была, Маринка,
 догадлива.
 85 А как тут ли то я не догадаласи?»
 Как наташила она питвов-то разных,
 Как разных-то питвов да медвяных,
 А веть сидят-то с Добрыней Маринка
 прохлаждаютца.
 А говорила Маринка догадлива:
 90 «Не вугодно ли, Добрыня, позабавитце?»
 — «Как не худо вить, Маринка догадлива.»
 Как сошли оны к кровати ко тесовую.
 Говорит Маринка догадлива:
 «Как ложись-ко, Добрынюшка, ко стеноцьки.»
 95 Говорит-то веть да Добрынюшка:
 «Да вы ложитесь, Маринка, ко стеноцьки,
 Как у тя, Маринка, кроватицька
 изукрашена,
 Как у тя перинка да належена.»
 Разгорелоси сердечико Добрынино,
 100 Как хватил Добрыня Маринку по середоцьки,
 Кладывал Маринку на кроватьку ко
 стеноцьки.
 Как была кроватька на пружиньях веть,
 Улетела Маринка в погреба да во глубокии.
 Как пошел Добрынюшка искать ключей по
 теремам
 105 А от тых погребов да глубокиих,

А нашел ключев целу вязаноцьку.
 Отмыкал Добрыня двери-то дубовыи
 Как на петелках да на шелковых,
 Выпускал-то молодцов толпу из погребов,
 110 Все идут молодчики, выходят все
 красавчики,
 А на том былина да и поконцилась.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

- Как во стольном городе во Киеве,
 Как у князя у Владимира,
 Были собраны могущи богатыри.
 Призывал он сильных могущих
 5 А могущих да ён богатырей.
 Наливал он цюру питов разных,
 Цюра мерой была да не мерена,
 Цюра весом была да не вешена,
 Мерой цюра полтора ведра,
 10 А весом она тянет полтора пуда.
 Говорил Владимир-князь да таковы слова:
 «Уж вы, сильнии могущи богатыри,
 Кто из вас може выпить цюру зелена вина —
 Тот может ехать во чисто поле,
 15 Во чисто поле да на заставы,
 Времени да на шесть годов,
 Не пропускать да не прохожего,
 Не прохожего да не проезжего,
 Без доклада-то да вить без пошлины,
 20 Во славный город да во Киев-град.»
 Все богатыри да позатихнули,
 Все могущи да позамолкнули,
 Старшей тулитце да на¹ среднего,
 Средней тулитце да на меньшего,
 25 Как от меньшего того ответу нет.

¹ Вме сто «за»

- Как изволил стать на резвы ноги
 Среди стола а протива князя
 Добрынюшка, сын Микитиць есть,
 Говорил да Добрыня таковы слова:
 30 «Как, Владимир-князь да стольнокиевский,
 Выпью я эту цюру питов разных,
 А поеду я во чисто поле и на заставы,
 Как времени-то на шесть годов,
 И не пропускать ни прохожего,
 35 А не прохожего да не проезжего,
 Как без дани-то да без пошлины.»
 Выпивал Добрыня цюру питов разных,
 А поехал Добрыня к родной матушки,
 Ко цесной вдовы Офиньи Тимофеевной.
 40 Как просил-то Добрынюшко разрешеньице,
 Как ехать-то во чисто поле,
 Во чисто поле да на заставы,
 А на времени-то на шесть годов,
 А не пропускать ни прохожего,
 45 А не прохожего да не проезжего,
 Без доклада-то да без пошлины.
 Говорила Добрыни родна матушка:
 «Ай ты, цядо мое, а цядо милое,
 Как дитя мое да любимое,
 50 Луцьше бы, цяделко, было не рожено,
 Как издить тебе по разным по городам,
 А по дальным тебе по сторонам,
 А бить, Добрынюшка, головки неповинны,
 Как сиротать, Добрыня, молодых жен,
 55 Молодых жен, да сиротать малых
 детушек!»
 Говорил-то вить да Добрынюшка:
 «А хоть дашь ты мни да разрешеньица,
 И не дашь ты мне дозволеньица, а ехать
 надобно!»
 Как седлал-то Добрыня да добра коня,
 60 И сажился Добрыня на добра коня,
 Выеждал-то Добрыня во широки ворота.
 В воротах стоит своя молода жена,
 А Авдотья-то веть Микулицна.
 Говорит Авдотья таковы слова:
 65 «На улёте-то есь ты, ясен сокол,
 На уезде Добрыня, добрый молодец.

А на кого же ты меня оставляешь
здесь?»

Говорил-то веть да Добрынюшка:
«Ай же, Авдотья да Микулицьна,
70 Если я не приеду через шесть годов,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди.
А ище-де, Авдотьюшка, да послушай-ко:
А не ходи-тко ты за князя, за боярина,
А не ходи-ко ты за ту господску-то холопину,
75 А не ходи еще за Олешу за Поповица,
И есте мы с им братья подкрестовни!»
Как поехал-то Добрыня во цистом поле, а на
заставу,

Как поднялась пыль да кюрева.
День-то за день—как дожди дождят,
80 А неделька по недельки—как руцья бежат.
Год за год—как трава росла.
Прошло времечки-то ведь шесть годов,
А не видать Добрыни из циста поля.
Как приехал Олешенька да Поповиц веть.
85 А приехал-то он не ко Добрыниной ко матушки,
А к Добрыниной молодой жоне,
А к Авдотьи да Микулицьной.
Говорит-то Олешенька Добрыниной матушки,¹
«Как я вчера я приехал со циста поля,
90 Видел я Добрынюшку-то убитого.
Ножкамы лежит Добрыня ко дороженьки,
А буйной-то головушкой во ракитов куст.
Скрозь Добрынюшку, скрозь Микитица,
Проросло деревцо да калиново,
95 Как на этом на деревци на калиновом
Свито у соловьюшка да гнёздышко,
А сидит соловей да высвистывает,
А сидит соловей да выговаривает:
«Как нет ли прохожего, а нет ли проезжего,
100 Свезти вестоцки да нерадосны,
Ко Добрыниной ко матушки,
Ко Добрыниной молодой жены,
А Авдотья да Микулицьной.»
Как Авдотья-то да Микулицьна,
105 А поди-ка, Авдотья, за меня замуж!»

¹ Оговорка сказителя: надо «Авдотьи да Микулицьной».

Отвещала тут Авдотья Микулицьна:

«Как исполнила я мужнину заповедь—
А как жила вдовой я веть шес годов,
А еще я спомню свою заповедь,—
110 Проживу я еще вдовой шес годов.
Не приедет Добрыня, да и тогда бери!»
Как день-то за год—как трава росла,
Прошло времени еще шес годов—
Не видать Добрынюшки из циста поля.
115 Как наехал-то Олешенька Поповиц веть,
А привез он князя да Владимира,
Со своей ли женой, а со Опраксией
Романовной,

А веть сватают Авдотью Микулицьну,
Как не волей идет, а силой берут!
120 Повезли Авдотью Микулицьну
За Олешеньку да за Поповица.
Как Добрынина да родна матушка,
Как сидела она под окошечком,
Она плакала, прицитала прицеть:
125 «Через двенадцать лет я расставаласи,
Со Добрынюшкой-то я да Микитицем,
Как я нынеце да порассталаси
Со невестушкой своей любимоей!»
Как видит во слезах—во цистом поли,
130 Как бежит конь богатырский да поскакивает,
Еде молодец прямо к палаты белокаменной.
Ко Добрыниной да ко матушки.
Приходил молодец да к Добрыниной ко матушки,
Во палату-то да белокаменну.
135 «А здравствуй-ко, Добрынина матушка,
Видел я сегодня Добрыню во цистом поли,
А завтра обещался Добрынюшка домой
прибыть.»

Говорила Добрынина матушка:
«Ой, какая-то невежа ко мни наехала,
140 Надо мною, старушенкой, надсмегаешься,
Если был бы Добрынюшка у мня да во
живности,
Если Никитец был бы поблизости,
А не дошло бы надо мной надсмехатися.
Как нету мня Добрынюшки во живности—
145 Дак ссегодняшним-то дёнецьком

А Владимир-князь да стольнокиевский
 А Добрыню-то молодую жену
 Как за Олешу-то да за Поповица
 А увез-то вить да во супружество.»
 Тут говорил-то веть да Добрынюшка:
 «Ай же, моя да родна матушка,
 Видно, худ-то я тебе показался-то,
 Как во долгих я во поездоцках.
 Примечай-ко ты своего да Добрынюшку.
 Как по старым по приметоцкам.»
 Говорила Добрыня матушка:
 «Как у моего у Добрынюшки,
 Как у молодого у лошади была лягнуто,
 Дак головка у него переложинкой.»
 Как клала руцки еты белы
 А на буйную на головушку,
 Целовала в уста во сахарни.
 Скидывал Добрыня платица дорожное,
 Одевал Добрыня платье скороморовцто,
 Брал Добрынюшка а гусельшка яровцаты,
 А пошел-то Добрыня к Олешу на поцесный пир.

У Олешу-то да у Поповица
 Как дверники были поставлены,
 Да воротники были поставлены.
 Да Добрыня дверникам давал по
 полтинничкам,
 А воротникам давал Добрыня по рублёвику,
 Как маленьких робят Добрыня уговаривал:
 «Не кричите-ко, робятки, помолчите-тко—
 Завтра я для вас-то, веть, пер заведу,
 Пир¹ заведу—всех я пивом напою,
 Всех я пивом напою, по калацику даю!»
 Приходил Добрыня к Олешу на поцесный пер,
 Говорил-то да Добрынюшка:
 «Ай же, Владимир-князь стольнокиевский,
 Нет ли мне-ко, лёжкой скоморошиньки,
 Нет ли мистецька да немношецко,
 Как сыграть мни в гусельшка яровцаты.
 Распотешитесь князя со княгиней
 новобрачным?»

¹ Отчетливо произнесено «пир».

Отвещал-то вить да Владимир-князь:
 «Ой ты, лёкая скоморошинька,
 По записям у нас места все позаняты.
 Тебе-то, легкой скоморошиньки,
 Местецько теби на пецьки на кирпичевой.»
 Как Добрынюшка а на ножку лёгк,
 Да на пецьку скажд:
 «А мне повыше всех да теплее всех,
 Мне теплес всех да виднее всех!»
 А заиграл Добрынюшка в гусельшка, в
 гусельшка яровцаты.
 Ён припевоцек завел-то от Киева,
 А довел он, ведет и до Чернигова.
 Все мы на перу пораздумались,
 Все-то гостюшки на перу позатихнули.
 Говорил-то вить да и Владимир-князь:
 «Ай же, лёкая скоморошинька,
 Как спустись-ко с пецьки кирпичовой,
 И выпей-ко цяру зелена вина от княгини
 новобрачных.»
 А наливал-то цяру-то Владимир-князь,
 Брал Добрыня он левой рукой,
 А вылил цяру-то на испашецьку,
 Наливал-то цяру Олеша Поповица,
 Брал Добрыня цяру левой рукой,
 Вылил цяру Добрыня на испашецьку.
 Наливала цяру княгиня новобрачная,
 Как Овдотья-то да Микулицна,
 Брал Добрыня цяру да правой рукой,
 Выпивал Добрыня цяру на единый [в]здох,
 Кладывал Добрыня в цяру свой златен
 перстень,
 Говорил-то Добрыня¹ княгине новобрачной:
 «А згляни-ка до дна-то, увидишь добра!»
 Как зглянула до дна-то, увидела добра—
 Свой имянной перстень да обручальный.
 Говорит вить тут Овдотья Микулицна:
 «Ай же, Владимир-князь стольнокиевский,
 Как не тот мой муж, который возли меня
 сидит,

¹ Конашков при исполнении ошибочно вместо слова «Добрыня» спел «Владимир».

⁸ Сказитель Конашков

- 220 А тот мой муж, который противо стоит!
 Как я не волей шла, вить силом взяли!»
 Говорил-то веть тут Добрынюшка:
 «Не дивую я как женщины,
 А у женщины волос долг есь, ум короток
 веть.
- 225 Как дивуюсь я князю Владимиру,
 За которого стоял да двенадцать лет,
 Во чистом поле да на заставе,
 Тот берет от жива мужа жону во супружество!
 А еще дивуюсь я Алёшеньке Поповичу,
- 230 Еще дивуюсь я брату покрестовому.»
 Как хватил Добрыня Олёшу за жолты кудри,
 Бросил Добрыня Олёшку через дубовый стол
 О кирпичов пол, у Олёшеньки у Поповица
 Как рубашка а ведь лопнула,
- 235 Как и кожа-то на спины треснула,
 Плавал Олёша по полу раскоракулей.
 Говорил-то вить да Олёшенька:
 «Только-то Олеша и женат бывал,
 Только Олексеюшко и жону видал!
- 240 А всякой на святые Руси да женитце.
 Да ни каждому женидба удаваетце!»
 Брал Добрыня свою молодую жону,
 Как Овдотью да Микулицьну,
 А повел-то вить к своей родной матушки,
- 245 И вить тым былина и покончилась.

8.

СУХМАН РЕХМАНТЬЕВИЧ

- Как во стольном во городи во Киеви,
 Да у князя да у Владимира
 Бѣлсы, продолжалсы княженецкий пир.
 Говорил-то ведь да Владимир-князь:
 5 «Ай же, Сухман сын да Рехмантьевич,
 Как съезди-ко а на матушку на Непру-реку,
 И набей да гусей-лебедей, серых малых
 утушек.»
- А и ехал-то Сухман да сын Рехмантьевич
 А ведь ехал на матушку на Непру-реку.
- 10 Там не плавало и не гуся да не лебеди,
 И текёт Непра не по-старому,
 И текёт Непра не попрежнему—
 Вода с песком да смутилася.
- Спросил Сухман сын Рехмантьевич:
 15 «Что же ты текёшь, Непра, не по-старому?
 Что же ты текёшь да не попрежнему?
 Вода с песком смутилася?»
- Отвечала Непра по-человечьему:
 «Как-то ведь вода на мне смутилася,
 20 А ведь с силушки я повыбилась—
 Ведь-то день мостят тотары мосты калены,
 А я ведь ночью вырою,
 То я с силушки да повыбилась.
- Ах ты, Сухман да сын Рехмантьевич,
 25 Как за матушкой мной да за Непрой-рекой
 Стоит дубиначка-вязиначка,

И сорви деревцо со корешком,
Там ты силушку всю повыщелкаешь.»
Как ехал Сохман сын Рехмантьевич
30 К дубиночке да к вязиночке,
За вершинку брал, да с комля сок бежал,
Сорвал деревцо да ён со корешком
И начал ён силу эту бить-ломить.
А который-то стоял, тот леже лежит.
35 Как тотары-ты да неверные
Спускали стрелочки в Сохмана да калёные,
Как Сохман стрелочки калёные выдергивал,
Маковыми листьями раны-ты затупывал.
Как возвратился Сохман да сын Рехмантьевич,
40 Он приехал ко князю ко Владимиру,
А без гуся-то он без лебеди,
А без серой-то малой утушки.
Говорил-то Сохман сын Рехмантьевич:
«Как приехал я на матушку Непру-реку,
45 А текёт Непра не по-старому,
А текёт Непра да не попрежнему,
А вода-то в ей смутилася.
Я спросил-то ведь у Непры-реки:
«Как ты, матушка да Непра-река,
50 Что же ты текёшь не по-старому,
Что же ты текёшь не попрежнему,
А вода-то ведь с песком смутилася?»
Отвечала Непра по-человечьему:
«Как тотарин-то со тотарами,
55 День мостят мосты ты калёныи,
А ночью я мосты повырою,
То-то я с силы повыбилась,
А идет тотарин со тотарами,
Пробирается ко городу ко Киеву,
60 А ко князю-то ко Владимиру.
Ай, Сохман-то ведь сын Рехмантьевич,
За мной, за Непрой-рекой
И как стоит дубиночка-вязиночка,
А ведь это ты повыдерни,
65 А ведь ту ты силу повыщелкай.»
Брал я дубиночку-вязиночку,
Я ю за вершину брал, с комля сок бежал.
А сорвал я-то со корешком,
То ведь силу-то всю повыщелкал,

70 А стрелочки из ран вытаскивал,
Маковыми листьями затупывал.»
Говорит Владимир-князь:
«Пустым ты, ведь, хвастаешь.»
И приказал посадить Сохмана в темницу ведь,
75 И говорит Владимир-князь:
«А ведь съезди-тко, да Добрынюшка,
А погляди-ко бахвальство Сохманово!»
Ехал-то Добрынюшка ко Непре-реке
А ведь видит сила тотарицкая,
80 А ведь сила-то вся побитая,
А лежит деревцо-то кровавое,
А хотел деревцо Добрыня на показ привезь,
Которым деревцом сила бита ведь,
Да не мог Добрыня деревца от земли поднять.
85 Приеждия Добрыня к князю Владимиру,
И спрашивал Владимир-князь:
«Посмотрел, Добрыня, бахвальство
Сохманово?»
Отвечал Добрынюшка:
«Да не пустым Сохман хвастал ведь,
90 Я видел, рать-сила побита ведь,
У других и головок нет,
Которым деревцом сила бита ведь,
Хотел-то деревцо на показ привезть,
Я не мог я деревца от земли поднять.»
95 Тут жаловался Владимир-князь,
Велел Сохмана с темницы выпустить.
И говорил да Владимир-князь:
«За такую за заслугу-то
Чим ты, молодца, буде почествовать?»
100 Отвечал Сохман сын Рехмантьевич:
«По приезду молодцов нать жаловать,
А по заслугам молодцов нать чествовать,
А по приезду ты да не пожаловал,
А по заслугам не почествовал,
105 А только надо мной да надсмеялся ведь!»
Оттыкал Сохман свои раны богатырские,
Отдергивал листочки от ран маковы,
И тут Сохману и славу поют.
(Он скончался).

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

(«Былина про туров-золоторогов»)

С-под того ли под креста Леванидова
Выходило, выбегало цетыре тура,
Как цетыре тура, золоты у них рога,
А навстрету выходила турица-матушка родна:
5 «Здравствуйте, туры, родны детушки мои,
Где вы, туры, были, што вы видели?»
— «Как бежали мы, туры, мимо славной
Киев-град,
Видели мы во Киеве-то чудным чудно,
10 А видели мы во Киеве ай дивным дивно,
Как на той ли на стены а на городовую
А сидела душа красная девушка,
Как читала ена книги всё евангельски,
А не столько читала, а больше плакала.»
Говорила турица, родна матушка:
15 «Уж вы, глупые туры, родны детушки мои,
А не душецька там сидела, не девушка,
А сама читала стена городовая.
Ена ведает над Киевом да невзгодушку.»
Как наехал Батыга да Батыговиц
20 Со своими ён со сыном со Батыговицем,
Со тым зятем со Тараканчиковым,
Как со тым ли дьячком со выдумщицком.
У Батыги-то силы сорок тысячей,
Как у сына-то силы сорок тысяцей,
Да у зятя-то силы да сорок тысяцей,

75 У дьячка веть-то у выдумщика
 Как силы-то сорок тысящей,
 Хотят они князя Владимира во полон забрать,
 А не с ким-то Батыгушки потягатисе:
 Все-то сильные, а все могущи
 30 Всеи богатыри и да поразъездались,
 Святогор-то богатырь живе на святых горах,
 А Самсон да Илья живут у синего моря,¹
 Как один-то да Васильюшко а горька пьяница
 Ходит-то он по городу да по Киеву,
 35 Как сбирает-то Василей напитоцьки спиртовьи.
 Приходил-то Василей к Батыга на кораблики:
 «Здравствуй, Батыга да Батыговиць,
 Проздравляю тя, Батыга, с приездом
 из-за синя моря,
 Как налей-ко мне, Батыга, цяру зелена вина,
 40 Ты другу налей а пива пьяного.
 А ты третью налей меду стоялого.»
 Наливал-то Батыга зелена вина,
 Как другу налил а пива пьяного,
 А ведь третью налил а меду стоялого,
 45 Выпивал-то да Васильюшка,
 Выходил Васильюшка на башенку,
 Натягал тятивку ту шолковую,
 Во тугом луку потугошенько,
 Направлял стрелоцьку калёную прямёшенько,
 50 Спустил Василей стрелоцьку ту калёную
 Как Батыге прямо по шатрам,
 Убил-то Василий у Батыгушки две головки.
 Две головки убил, што не лучших,
 Как не лучших две головки, самолучшие,
 55 Убил сына у Батыги да Батыговица,
 Убил зятя у Батыги Тараканщикова.
 Говорил тут Батыга Батыговиць:
 «Эки русский есь богатыри а все ены омманщики!
 Поднимайте-ко паруса полотняныи,
 60 Возвращайтесь через сине море,
 Становитесь-ко к своей пристани,
 К своей пристани государственной.»
 Поднимали паруса, полотняныи,
 Перебегали-то через сине море,

¹ Ср. с текстом Антонова (Пудонжье), Гильфердинг, № 66.

- 63 Становилисе ко пристани да государскою,
 Как поехали гости со подарками,
 Как стрещают со приездом и дорогих гостей —
 Обещались привезть по шубке соболиной,
 По одеялышку шелка цистого.
- 70 Да есть из Киева ведь подароцьки-то веть
 заморскии:
 Как дарил-то подароцьки Батыга своей жены,
 А дарил он сына Батыговиця,
 Как дочери подароцек — зятя Тараканцикова.
 И пошли да оне да невеселые,
 75 А округинились и специялися.
 А и тым былиноцька поконцилась.

*(Про Батыгу это я слышал в церкви, поп читал
 годов пятьдесят назад, а сейцяс для детей пою
 эту былину).*

10.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

(«Про короля литовского»)

- Как у короля у литовского
 Вёлся-продолжался королевский шир.
 Вот приехало два братца, два родимых,
 Два племянничка да два любимых
 5 У того короля да литовского.
 Как сидят на пиру у родного да дядюшки.
 Не едят, сидят, да не кушают,
 Белой лебеди они не рушают.
 Увидал-то вить да родной дядюшка,
 10 Што сидят на пиру два братца два родимых.
 Два племянничка да два любимых,
 И у родного они у дядюшки
 Не едят, не пьют, ены не кушают,
 Белой лебеди ены да не рушают.
 15 Говорил да родной дядюшка:
 «Видно, яства вам да не по разуму,
 А напитокки медвяныи у дядюшки не по
 любви?»
- Отвечали два братца, два родимых:
 «Ох ты, родной наш дядюшка,
 20 Всё-то нам твое да по разуму.
 Мы в одну думушку позадумались.
 Мы узнали-то, мы разведали,
 А как есть на святой на Русеюшки
 И во городе, да во красном,
 25 Как во том во селу-то да во богатом,

У царя-то Романа Митриевича
 Добры молодцы да веть не женены,
 Красны девушки замуж не выданы,
 Добры кони во стойлах застояли,
 30 Цветны платья в магазинах залежались.
 И бессметочна да золота казна
 Тая в баночках да позаплеснела.
 Дай нам, дядюшка, да благословления,
 Хотем, дядюшка, да поехать,
 35 Молодцов на девушках повыженити,
 Красных девушек замуж повыдати,
 На добрых конях цветно платье повывезти,
 А бессметочну золоту казну
 На светую Русеюшку да повывезти.
 40 Уж ты нам ты, родной дядюшка,
 Дай-ко нам да силы-армии.»
 Говорил тут родной дядюшка:
 «А не дам я вам да силы-армии,
 А не дам я вам да розрешеньице,
 45 Как веть родному да дядюшки
 Как на святой-то веть на Русеюшки,
 На Русеюшки не удавалось.»

(Ну, а потом верно уж согласился).

«Уж ты силушка, да армия,
 А берите ножики булатны,
 50 А режьте жеребья да вы кожаны,
 А спускайте на ту реку на Смородину,
 А которых молодцев жеребья,
 А которых сила по воды пойде,
 По воды пойде да вдоль по быстрой,
 55 Той нам силы с собой да не надобно,
 А которых молодцов жеребья падут,
 Падут они да ко дну каменну
 Да ко дну камнем да падут-то веть,
 Той нам силы с собой не надобно,
 60 Та же сила есть да всё изменники,
 А которых жеребья стрету воды пойдут,
 Тая сила нам да с собой надобна!»
 Набралось-то ведь силы сорок тысячей,
 Как отправились два брата да
 65 Два племянника да два любимых

Того короля да литовского,
 А Казань-город да ены огнем жгли,
 А Рязань-город тот во полон брали,
 А приехали ко городу ко Красному,
 70 Ко тому царю Роману Митревичу,
 Устоялись молодцы да во чистом поли,
 Обноцевались да во белом шатре.¹
 Как писали-то письмо да скорописчато:
 «Уж ты, царь Роман Митревич,
 75 Как приехало к тебе два брата два
 родимых,
 Два племянничка приехало любимых
 А того ль короля да ведь литовского,
 Как молодцы у ты ведь не женены,
 Красны девушки замуж да не выданы,
 80 Добры кони у ты в стойлах застоялисе,
 Цветны платица в магазинах залежалисе,
 Как бессметочна золота казна в банках
 позаплеснела,
 Хотем мы молодцов на девушках повыженить,
 Красных девушек замуж повыдати,
 85 На добрых конях цветно платице повывезти,
 А бессметочну да золоту казну
 На святую на Русеюшку повывести.»
 Вот и царь Роман да Митриевичи,
 Как читал он письмо да скорописчато,
 90 Ён веть рвал да свою сизу бороду:
 «Ох ты, старось, старось-обледеела,
 Если был бы я во старой во степени-то,
 Поглядел бы я во чистом поли,
 Во чистом поли, да кто оратует?»
 95 Как ён брал-то за саблю вострую,
 А пошел во чистое поле,
 Кто во чистом поли оратует,
 Проходил-то веть да к белому шатру.
 А в шат[ы]ре снят веть не прохватятце,
 100 Вить в оружиях замоцьки-ты повывертел,
 Во вострых штыках носоцьки-ты повыволомал,
 А в вострых саблях вострицу-то попленил,
 У добрых коней горлышка повышаркал,
 Уж как братья со сну прохватились,

¹ При пении в 1939 г. этот стих Конашников пропустил.

105 Уж как братья со сну пробудились,
А схватились оны да за оружище,
А в оружищах да замочков нет,
А в вострых штыках да носоцыков нет,
А в вострых саблях да вострица нет,
110 А хватились они да за добрых коней,
Как хотели-то да приуехать,
Добры кони-то лежат да головок нет.
У одного-то видь да глаза выкопаны,
У другого ноги-ты повывломаны,
115 Уходил¹ безногого да безглазого,
«Вы ступайте куда, куда знаете.»¹
А вить силушка была да вить невинная,
Той и не шевелил.
Как пришли-то к дядюшки,
Два братца два родимых,
120 Два племянницька да два любимых,
А говорил-то им да родной дядюшка:
«Как мне когда на святой на Русеюшки,
На Русеюшки да мне не удавалосье.»
Да на том былина и покончилась.

¹ Ср. у Сорокина (Гильфердинг, № 71):

А й как изымали двух королевских племянников.
А й большому брату конали ведь со лба да очи
ясныи,

А й мёньшому отрубили ноги резвыи,
А й садили безногого на безглазого,
А й отлуцали ведь в землю да во литовскую.

11.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

(«Вольга Цветославъевич»)

А жил Цветослав девяносто лет,
Тут Цветослав и преставилсе.
Осталось от Цветослава цядо милос,
Цядо милое, а дитя любимое,
Как Ольга да и Цветославъевичъ.
Как рос Ольга, да и полнел Ольга
А до большого до возраста.
И захотелось Ольги познать все премудрости —
В синем море нырять щукою,
А в лесу да бегати волком серым.
Как собрал Ольга дружиношку хоробрую,
А поехал Ольга с дружиной во чисто поле,
Версту едут—нет никого,
Десять зерст едут—нет никого.
Слышат в чистом поле покрикивает,
Паше полянку оротай оротаюшко,
У оротаюшки кобылка да соловая,
А ведь сошка-то да кленовая,
Как пригужецьки-ты шелкѡвыи.
Оратаюшка да на кобылку,
На кобылку да покрикивае,
Камешки-то на омешках лишь пощёлкивают.
А стоит Ольга с дружиной, любитсея.
Говорит-то Ольга да Цветославъевич:
«Ай же, оратай оратаюшко,
Выпряги-тко кобылку да соловую,

Тыкни-ка сошку да кленовую,
Отстегни-тко пригужечки да шелковые,
А пойдем-ка ты с моей дружиношкой во
чисто поле.

- 30 Меня тридцать молодцев как один.»
Как послушал оратай оратаюшко:
Выпрягал-то кобылку да соловую,
Тыкнул-то сошку ту кленовую,
Отстоял он пригужечки ты шелковые,
35 А поехал-то с Ольгой во чисто поле.
Недалецько от полянки поотъехали,
Говорит-то оратай оратаюшко:
«Ай же, Вольга Цветославьевич,
Как оставили мы сошку на полянки,
40 Как бы сошку из земли выдернуть,
Как бы с омешков земельку повытряхнуть.
Как бы сошку кинуть во ракитов кус[т]
Как не ради-то проезжего, прохожего,
А ради мужичков-то деревенских?»
45 Как послал-то Ольга с дружиной десять
человек:

- Кругом-то сошки похаживают,
Кругом-то ены сошку повёртывают,
А не могут-то ведь сошки с земли выдернуть.
С омешков земельки не могут повытряхнуть.
50 А не могли оны сошки кинуть во ракитов
кус[т].

- Приезжают к Ольге-то Цветославьевичу:
«Ай же, Ольга да Цветославьевич,
Не могли мы сошки с земли выдернуть,
С омешков-то земельки да повытряхнуть,
55 Не могли мы сошку кинуть во ракитов кус[т]!»
Посылает Ольга Цветославьевич дружины
двадцать человек,

- Кругом-то сошки похаживают,
Как кругом сошку повёртывают,
Не могут сошки с земли выдернуть,
60 Не могут с омешков-то земельки повытряхнуть.
Не могли оны сошку кинуть во ракитов
кус[т].

Приезжали к Ольги Цветославьевичу:
«Ай же, Ольга Цветославьевич,
Не могли мы сошки с земли выдернуть,

- 65 Не могли мы с омешков земельки
повытряхнуть.»
Поехал сам Ольга со всей да со дружиною:
Кругом-то сошки похаживают,
Не могли оны сошку с земли выдернуть,
70 С омешков-то земельки повытряхнуть,
Не могли ены сошки кинуть во ракитов
кус[т].

- Тут же приехал оратай оратаюшко,
Брал ён сошку одной рукой,
Как с земельки сошку повыдернул,
С омешков земельку повытряхнул,
75 Кинул ён сошку во ракитов кус[т].
Говорил Ольга Цветославьевич:
«Ты скажись-ко нам, оратай оратаюшко,
Как зовут-то тебя да по имяцьки,
Звелицают тебя по отечесьву?»
80 Говорил-то оратай оратаюшко,
«Я полянку спашу, я вить хлибця напашу.
А да пива наварю да вить гостей соберу,
Да я гостей соберу да всех пивом напою,
Назовут-то меня мужика деревеньского —
85 «Ай же ты, Микула Селянинсвиць!»
А на том-то былинка и покончилась.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ И ИНДИЙСКОЕ ЦАРСТВО

(«Былина про Салтана царя турецкого»)

- Как царь Салтан да турецкие,
 Со своей царицей со турецкою,
 Как сидя оны да советуют:
 «Ай же ты, царица турецкая,
 5 Как поеду я во славный город Киев-град,
 Возьму я войска-силушки по надобью.
 Привезу тебе я из города,
 Я из города как из Киева,
 Привезу тебе я два подароцька:
 10 Привезу тебе шубку соболиную,
 Как с тых ли соболей да заморских,
 Привезу тебе одеялышко с цистых шолков.
 А возьму я силу сорок тысяч.»
 Говорила царица турецкая:
 15 «Ай же, Салтан, да царь турецкий,
 Не держи-ко худо да худо на разуми,
 Как во городи да во Киеви,
 Есте сильныи могуции да богатыри.»
 В ту порушку в тое времяцько
 20 Как стоял Ольга да Цветославьевичь,
 А у дверей стоял да он выслушивал.
 Отворял Ольга двери-то дубовы,
 Они на петелках да на шолковых,
 Как изволил Ольга взять царя турецкого,
 25 Как за руцки да за белыи,

А за тьи за плечьки за могуции.

Говорил Ольга Цветославьевич:

«Как у нас на святой Руси установлено,

Как не бить царя, не казнить царевицев.»

30 Как изволил Ольга бросить о кирпичов пол,

Тут царю Салтану да турецкому,

Тут ли ему-то славу поют!

Выходил Ольга от Салтана из терема,

Как от Салтана-то да от турецкого,

35 Кругом-то своего терема,

Крепость крепкая-то укрепована,

Подворотенка-то кости рыбной,

А ведь всякими вырезами красивыма...

40 А на том-то былина и закончилась.

ДУНАЙ

(«Женитьба князя Владимира»)

Как во стольном во городе во Киеви,
 А у князя да у Владимира,
 Как был он холстой молодец да неженатой,
 Собирали-то он да почестен пер.
 5 Вёлсе-продолжалсе княженецкий пер.
 Были приглашены дороги гости,
 Как сильныи могущии богатыри,
 Как все-то людюшки да и богатая.
 Как Владимир-князь гостей выпрашивал.
 10 (Ен холст молодец, не женат),
 Как спросил он купчей людей богатых;
 «Ай же вы, купцы люди богатые,
 Ездите по разным по городам,
 Как ездите по дальным вы по сторонам,
 15 Разные товары закупаете,
 А вы с прибылью товары продаваете,
 Как не слыхали ли да не видали ли,
 У какого ни царя либо да у царицы,
 Как у короля да у королевича,
 20 Души красной-то вы девушки,
 Штобы была ена ростом одноковенная,
 Толщиной-то была обложенная.
 Штобы была белена да румянена,
 Мне-ка, князю-то Владимиру,
 25 Взять да во супружество?»
 Как вси купцы, людюшки они богатые,

Оны все-то да отказалиси:
 «Не приходилои такой да нам-то видети!»
 Как нацал Владимир и да выпрашивать:
 30 «Уж вы, сильныи могущии да вы богатыри,
 Ездите по разным по сторонам,
 Вы по сторонам да вы по городам.
 Не видали ли да не слыхали ли
 У какого царя ли, у царицы,
 35 У короля-то вить да у королевича,
 Мне-ка душицы да красной девицы,
 Мне-ко взять-то вить да во супружество?
 Штобы была ростом-то одноковенная,
 Толщиной-то была обложенная.»
 40 Как богатыри да отказалисе,
 Как изволил стать да на резвыи ноги,
 Среди стола да противу князя,
 Говорил да Добрыня да таковыи слова:
 «Как Владимир-князь да стольнокиевский,
 45 Как три года назад ехал я по городу,
 Как во городе да во красном,
 Как в том во селу-то да во богатом,
 У царя-то Романа Митриевича,
 Как дви дощери да дви красныи,
 50 Стояли на болхони на возвышенном,
 Как носит ены цветошкы в руках да лазуревы,
 Старшая-то веть сестра а Настасья и
 Романовна,
 Как веть младша Апраксия Романовна
 Загложенная а ена красавица,
 55 От лица-то как от солнышка,
 Волосынька золотого, другая серебряна,
 Ростом-то она одноковенная,
 Толщиной-то ена обложенная.»
 Тут со слов-то князь со Добрыниных,
 60 Как вить влюбился да Владимир-князь,
 Говорил-то вить да Владимир-князь:
 «Как Добрынюшка, а да съезди-тко,
 А Добрыня, съезди-тко да посватай-ко
 Ко тому царю, а Роману Митреевицу,
 65 А посватай-ко Апраксии да Романовной,
 Как бери-тко ты да злата-серебра,
 А бери-тко сколько тебе да надобно,
 И берите-ко да силы-армии что надобно.»

Отвещал-то вить да Добрынюшка:
70 «Как не надо мне да злата-серебра,
А не надо-то силы-армии,
Дай-ко мни-ко-ва только хорошего товарища,
Уж ты дай-ко тихого Дунаюшку:
Как тихий Дунай да сын Ивановичь
75 Как жил у царя Романа Митриевиц,
А жил Дунай и времени он девять лет,
Как катал-то он да красных девушек,
Знал Дунай заходы к нему и выходы.»
Тут говорил-то веть Владимир-князь:
80 «Как съезди-ко, да Дунай сын Иванович,
Как посватай-ко у царя Романа

Митриевиц

А как меньшу доць Апраксию Романовну.»
Говорил-то Дунай да Добрынюшке:
«Дай-ко нам два конька нееждных,
85 Два седёлышка да два недержаных
С подпругами да с шолковыма,
С стременами-то золоценыма,
Две уздецьки дай да нам недержаных.»
Тут удалын а добры молодцы
90 Как и брали коней богатырских,
Подзауздывали а засёдлывали,
Кладывали они войлуцьки-ты на войлуцьки.
А вить потницьки да на потницьки,
На верёх-то седёлышко-то черкальское,
95 Ведь с подпругами-то да шолковыма,
С стременами-то золоценыма,
Как сажались молодцы да на добрых коней,
Брали обороны-то да богатырские —
Брали копыа ты долгомерныи.
100 Как поехали да добры молодцы,
Поднялась пыль да кўревка
Как от тых ли копыт да лошадиных.
Приеждяли молодцы ко городу да ко красному,
Ко тому ко селу ко богатому,
105 Ко тому ли царю а Роману Митриевицю,
А приеждяли к палатам белокаменным.
Остоялиси да на белом двори,
Выходили они да со добрых коней,
Говорил тихий Дунай а сын Ивановичь:
110 «А стереги-ко, Добрынюшка, а добрых коней,

Я пойду к царю а Роману Митриевицю,
Как докладу-то да пойду делати
А о добром дели да о сватосьви,
Ко царю ли Роману да Митриевицю.»
115 Приходил-то вить тихий Дунай,
Тихий Дунай а сын Ивановичь,
Говорил-то Дунаю царь Роман Митриевиц:
«Поминали мы Дунаюшку, што живого нет.
А как Дунаюшка а сам веть приехал, вить?»

120 Отвещал Дунай а сын Ивановичь:
«А ведь царь Роман-то Митриевиц,
Я приехал к тебе а из города да из Киева,
Как от князя я приехал от Владимира,
Как приехал я к тебе да посватати,
125 Как посватать твоей я меньшей доцери
И за князя-то за Владимира,
На Апраксии вить Романовной.»
Как говорил-то вить а Роман Митрисвиц:
«Уж ты, тихий Дунай был Ивановичь,
130 Отрубил ты мни словом буйну голову,
А засадил ты у меня старшу дочь да во

девочесьви,

Отрублю я тебе да буйну голову!»
Тут веть тихий Дунай а сын Ивановичь,
По палате-то он запохаживал,
135 А немило на царя завыглядывал,
Как теснул кулаком он кулаком

богатырским.

А теснул кулаком по дубову столу,
Розлетелся дубовый стол на маленьки на
церешки.

Тот же царь Роман Митриевиц вить
140 От Дунаюшка подале убираетце,
Куней шубонькой да укрываетце.
Говорил-то царь Роман Митриевиц веть:
«Уж ты, тихий Дунай сын Ивановичь,
А оставь-ко меня да во живности,
145 А дочерей-то моих да хоть обых возьми!»
А знал Дунаюшко, где живе Апраксия,
Как в возвышенном она во тереми,
Как залежецьки Дунаюшка отдергивал,
А замоцки да те ль выщёлкивал,
150 Приходил Дунай во высок терем:

«Здравствуй, Апраксия Романовна!»

Говорила Апраксия Романовна:

«Поминали мы Дунаюшка а живого нет,
А Дунаюшка а к нам веть приехал вить.»

155 Говорил Дунай да сын Ивановичь:

«А приехал я, Апраксия Романовна,
Я из Киева как от князя-то от Владимира.
А тебя посватать да красну девушку,
Как желашь итти да во супружество?»

160 Отвещала Апраксия да Романовна:

«Я три годику господу богу молиласи,
Как бы мне попась за князя за Владимира,
А попасть да во супружество!»
А тут Дунаюшка а спускался с терема.

165 Одевали Апраксию да как красну девушку.

Как сажил-то Дунай Апраксию Романовну

А к Добрынюшки на добра коня,

Сам поехал след охранителем.

Выезжали они во цистó поле,

170 Как туця-то след да летит тёмная,

Так с угора след еде Настасья

Романовна:

«Уж ты, тихий Дунай да сын Ивановичь,

А засадил меня да во девоцесьво,

Сделаем-ка мы с тобой договор такой:

175 Если ты меня собьешь со добра коня,

То руби мни от стыду буйну голову,

Если я тебя собою да со добра коня—

То бери меня за себя во супружество!»

Тут же ены поразъехались

180 По цисту полю на три поприща,

Как вместо оны как веть стóлкнулись,

Копьями долгомерными оны щёлнулись,

Как сбила Настасья Дуная со бела коня.

Тут же вить оны да поехали,

185 А поехали—не одну Апраксию везут,

А везет Дунай Настасью да Романовну.

Как во городи да во Киеви,

Да ко князю ко Владимиру,

Дожидают-то дорогих гостей,

Со великой стрещают их со великой

поцесью.

190 Тут же повенчали князя Владимира

Как с Апраксией со Романовной,

Как тихий Дунай сын Ивановичь

Повенчался с Настасьей да Романовной,

Тут же дали пер на весь-то мир,

195 А на том былинка и покончиласи.

СТАВР ГОДИНОВИЧ¹

{«Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Микулицну»}

Как во стольном во городе во Киеве,
 У князя у Владимира,
 Велся, продолжалсе княжецкий пир.
 Как Владимир-князь да стольнокиевский.
 5 По палаты белокаменной ён похаживал,
 Как желтые свои кудерышки наглаживал.
 Разны речи Владимир выговаривал:
 «Уж вы, слуги мои, да слуги вернии,
 Слуги — души красный девушки,
 10 Как у меня-то в палаты белокаменной,
 На столы тые да на дубовые,
 Стелите вы да скатерочки шелковые,
 А кругом ставьте да стулечки кленовые,
 И готовьте-ко яства вы сахарныи,
 15 А становите вы да питва медвяныи.
 Как приедут-то ко мне да дороги гости,
 Сильныи могучии богатыри,
 И купцы да людишки да всё богатые
 Как на ту-то на славу на великую,
 20 Как на ту похвальбу на знаменитую.»
 Отправляется да ехать снаряжается
 Юн Ставер-то сын да Годинович.

¹ Фонетические особенности речи в данной записи отмечены недостаточно тщательно.

Говорила Ставру да молода жена,
 Молода жена да любима семья,
 25 А Настасья да Микулицна, Василиса
 Васильевна:
 «Как справляешься, Ставер, да снаряжаешься.
 Ты ко князю да ко Владимиру,
 На такой-то ведь на знаменитый пер,
 Да послушай-ко свей жены да наказаньица:
 30 Как у князя да у Владимира,
 Как на таком на перу на знаменитом,
 Не садись-ко да на перу да на место
 большое,
 Не садись-ко на перу да в место меньшее.
 А садись-ка на перу в местечко среднее,
 35 Всякой тым местам да позавидует.
 Да еще же ты, Ставер, да послушай-ко,
 На таком перу знаменитом
 Да не хвастай мной, молодой женой!»
 А как ехал Ставер сын Годинович,
 40 Ехал ко князю ко Владимиру
 На такой-то ведь на знаменитой пер
 И слушал жениного наказания,
 Не садился на пиру в место большое,
 Не садился на перу в место меньшее,
 45 А как садился на перу в местечко среднее.
 И у князя-то да у Владимира
 Вёлсе-продолжалсе княженецкий пир.
 Все гости на перу стали сытёшеньки,
 Стали все да веселёшеньки,
 50 Наедались да напивались,
 Яствами сахарными да питвами медвяными.
 И все стали гости сытёшеньки и веселёшеньки.
 И все гостюшки всё да порасхвастались:
 Как богатыри тые хвастают своєю силой
 богатырскою.
 55 Да ухваточкой они да молодецкою.
 А богатыи тые хвастают:
 «Как у нас много злата-серебра
 А бессметочной да золотой казны.»
 А как разумные тии хвастают
 60 Своим отцом да старой матушкой,
 Как сидит Ставёр да сын Годинович } *дзв. р.*
 Ничем ён хвастать да не хвалится,

Да ничем Ставѣр не возвышается.
 Как увидал эгта да Владимир-князь,
 65 Подходил Владимир-князь поблизенько
 И спросил Ставра поскорѣшенько:
 «Как заезжай да добрый молодец,
 Что ж ты сидишь у меня на перу,
 Да ничем не хвастаешь, не хвалишься,
 70 Ничем не возвышаешься?
 Верно, яства мои тебе не по разуму,
 Али напитокки медвяныи не полюби?»
 Отвечал Ставер да сын Гоудинович:
 «Владимир-князь стольнокиевский,
 75 Всѣ-то мне твоѣ да по разуму,
 Только печем мне-то ведь хвастати.
 Мне-ко только хвастать, не хвастать да
 молодой женой,
 Молодой женой да любимой семьей,
 Как Настасьей своей да Микуличной:
 80 Как моя-то молода жена,
 Молода жена, любима семья,
 Как Настасья-та да Микулична,
 Могла бы ена ваш город Киев-град
 Могла бы ена сожгати и спалити да голов-
 ней скатити!
 85 А вас, князей-бояр всех стольнокиевских,
 Могла бы ена во полон забрать,
 Во полон забрать, с ума-разума
 повести!»
 И эти слова князю не слюбились,
 А Владимиру речи Ставра не поглянулись.
 90 Приказал Владимир посадить Ставра
 Во крепости так да во крепкие,
 Как во тьи погреба ё во глубокие.
 Не через долго-то да пору времечки,
 Сошла весточка да нерадостна,
 95 Известие сошло да невеселое
 Ко Ставровой молодой жене Настасье
 Микуличной:
 Что во городе во Киеве у князя да у
 Владимира
 Посажен Ставѣр во крепости во крепкии.
 100 Тут говорила Настасья-то сама себе:
 «Как я баяла Ставру, говорила дураку,

Что не хвастай мной, молодой женой,
 А нынь как мне будет Ставра выкупить,
 105 Как мне будет молодца да нынь повыручить?
 А мне ли женскими где да догадками,
 Али мужескими ухватками?
 Уж вы, слуги мои, да слуги верные,
 110 Слуги души красные девушки,
 Как берите-ко вы ножницы тьи вострыи,
 А ведь режьте мои волосушки шелкѣвые,
 А делайте из женщины да вы-то мужчину,
 Как поеду я во славный город, во
 Киев-град,
 А поеду я ко князю ко Владимиру
 115 Выручать своего мужа да законного,
 Ведь у города да во Киеве,
 Как у князя-то да у Владимира
 Посажен Ставѣр во крепости во крепкии!»
 Тут ведь души да красны девушки,
 120 Брали ножницы да вострыи
 И резали волосушки ведь шелкѣвыи,
 И стал-то холост молодец, стал не женат.
 Скидывала платьица она да женскии,
 Одевала платья да мужскии,
 125 На грудь клádывала латы кольчужныи,
 Она латы клádала богатырскии,
 Одевалсе молодец да окольчужился,
 А ведь шел молодец во стойлу лошадиную,
 Брал ён коня себе да богатырского,
 130 Он зауздывал и ён заседывал,
 Кладал войлучьки да ведь на войлучьки,
 Кладал потничьки да ён на потничьки,
 Наверх клádал седѣлышко черкальское
 И подпругамы да шелковымы,
 135 Стременами золоченыма.
 Как садился молодец на добра коня,
 Брал оборону с собой богатырскую,
 Богатырскую оборону да молодецкую,
 Богатырскую оборону молодецкую,
 Брал он палицу булатную девяносто пуд.
 140 Выеждял молодец да во чисто поле,
 Во чистом поле ён силу свою пробуё,
 Как свою он поездку молодецкую да
 богатырскую.

115 Рое палицу булатню он под облако,
 На лету он имал белыма грудьми,
 Не допуская палицы да до сырой земли.
 Приехал молодец да ко городу,
 Да ко городу да ко Киеву,
 Приехал ко князю ко Владимиру,
 Устоялся молодец да во чистом поле,
 150 Обночевался молодец да во белом шатре,
 Как писал ён письмо да скоропивчато:
 «Уж ты, князь Владимир стольнокиевский,
 Как приехал к тебе посол да земли греческой,
 А приехал за данью да за пошлиной,
 155 Как у тя дани тые да не выданы,
 У тя пошлины да не уплачены
 А как времени у тебя за двенадцать лет,
 Как отдай-ко мне златом-серебром,
 Если жаль отдать те дани-пошлины,
 190 Дани-пошлины отдать за двенадцать лет,
 То давай мне в чисто поле поединщика,
 Ты давай мне в чисто поле супротивника,
 А ведь станем с ним да силу пробовать,
 Станем мы плечо с ним да богатырское,
 165 А если не дашь мне в чисто поле поединщика,
 Как не дашь мне в чисто поле супротивника,
 Тебе жаль отдать дани-пошлины,
 Дани-пошлины отдать да за двенадцать лет.
 То твой да славный город Киев-град
 170 Я сожгу, спалю да головней скачу,
 А вас, князей да всех бояр да
 стольнокиевских,
 Ко себе-то ведь во полон возьму,
 Во полон возьму, с ума-разума да повыведу.
 А если жаль отстать от города от Киева,
 175 То я есть холост молодец да есть не женат,
 А у князя-то у Владимира е¹ любимая да
 племянница.
 Красна девушка есть да на выдаваньи,
 Вы выдайте-ко ю да за меня замуж.»
 Тут Владимир-князь стольнокиевский
 180 Как читал письмо да скоропивчато,
 Собирал князей-бояр он из Киева,

¹ е—есть.

Пригласил он на думу из Чернигова.
 Начали они да думу думати,
 Начали они совет-то да советовать,
 185 Много нать отдать дани-пошлины,
 Дани-пошлины отдать да за двенадцать лет.
 Много нать отдать да злата-серебра,
 Не находится у них и поединщика
 В чисто поле послать да супротивника,
 190 Некого послать силы пробовать,
 Да плеча-то ведь да богатырского.
 Они все да согласились:
 «Отдадимте-ко Владимира племянницу,
 Красна девушка у нас да на выдаваньи.»
 195 Пригласили они молодца подъехати
 Как ко тым они палатам княженецким.
 Начали они встречу дорога гостя,
 Стали улички распахивать,
 Дубовы столы вынашивать,
 200 Питва разные медвяные выкладывать,
 Как встречали такого дорога гостя.
 Гость молодец да не дорожкой,
 Не дорожкой еде, не в ворота ведь,
 Прямо еде через стены-то да городовой.
 Приезжал-то молодец к палатам
 княженецким,
 205 Приходил-то ён в палаты княженецкие,
 Крест-то ён клadal по-писаному,
 Поклон-то ведь вел да по-учёному,
 На все четыре да на сторонюшки,
 Князю Владимиру да в особину:
 210 «Здравствуй-ко, Владимира племянница.
 Катерина-то ведь селятница!
 Красна девушка ты есть на выдаваньи.
 Холостой я молодец да есть да неженат,
 Желашь ли итти да во супружество?»
 215 Отвечала Владимира племянница:
 «Как отдаст меня да родный дядюшка,
 Есть его воля да есть воля дядюшки.»
 Говорила дядюшке да ведь племянница:
 «Как мой да родный дядюшка,
 220 Не отдай меня да как за женщину,
 Как у ней грудь-то да ведь толстенькая,
 А походочка да частенькая,

А речь-то говорит она с прозвиздом¹,
 Должна-то быть да ена женщина!
 225 Как уйми-ка молодца да к ночи-то,
 Как ноче молодец в наших палатах
 белокаменных,
 Он проспит на наших на перинах на пуховых:
 Если буде ложина под плечами, —
 То тогда ена есть мужчина,
 А если буде ямина-та под задницей,
 230 То тогда ена есть да женщина!»
 Говорит тут да Владимир-князь:
 «Как заежей да добрый молодец,
 Ты посол той да земли гречецкой,
 Как ночуй-то у нас в палатах белокаменных,
 235 Да не нать тебе ходить по городу по Киеву,
 Искать покоя на ночьку-то на тёмную.»
 Отвечал посол да земли гречецкой:
 «Как Владимир-князь стольнокиевский,
 240 Отношу тебе много благодарности
 Как на твоём-то на приглашаньице.»
 А ведь спал-то молодец ночьку темную
 Ён на ихних-то палатах белокаменных,
 на перинах на пуховых,
 245 Ён поутрушку да ранёшенько
 Повяртывал перину-то другим коньком.
 Приходил Владимир-князь да молодца будить,
 Молодца будить да на перину глядеть,
 Да ведь стала-то ложина под плечами,
 250 Говорил-то ведь да Владимир-князь:
 «Как довольню нам молодца томить,
 Молодца томить, да надо пер заводить!..»
 Сбирал князей, бояр да ён из Киева,
 Пригласил на пер из Чернигова,
 255 Тут посёлся-начался княженецкий пер,
 Князю надо со княгинею ехать во божью церкву,
 Принимать да по злату венчу,
 К тую порушку да в тую времячко
 Поступить да во законный брак.»
 260 В тую времячко, да в тую порушку,
 Князь новобрачный окручинился, спечалился,
 Как повесил ён буйну головушку

¹ Так.

А пониже своих да ён могучих плеч.
 Увидел-то да Владимир-князь:
 265 Заежей да добрый молодец,
 Ведь посол ли ён да земли греческой
 А сидит да невеселенька.
 Подходил Владимир-князь поблизёшенько,
 Ён спросил да поскорёшенько:
 270 «Как посол ли ты е да земли греческой,
 Да князь ты наш новобрачный,
 Да чего ты скручинился, спечалился?
 Видно, ества ли наша да не по разуму,
 Али напитки медвяные не полюби,
 275 Молода княгинюшка да не нравится?»
 Отвечал посол да земли греческой:
 «Мне-ка ества, питья тые по разуму,
 Молода ваша княгинюшка мне полюби,
 Как одно-то мне да не по разуму,
 280 Того я скручинился, спечалился.
 Что у князя-то да у Владимира
 Как на таком на перу на знаменитом
 Как нету гусельщичька да нет хорошего,
 Некому сыграть да во гусёлышка,
 285 Как некому спеть да припевочка.
 Как я слыхал ведь да добрый молодец,
 Как у города да во Киеве,
 Как у князя-то да у Владимира
 Есть гусельщики да е хорошие,
 290 Посажены во крепости во крепкие,
 Ены знают сыграть да во гусёлышка
 И знают оны спеть да припевочки —
 Заведут они припевочки от Киева,
 Доведут довод да до Чернигова.
 295 Любо бы было да всем послушати,
 Как я желал бы да добрый молодец,
 Всех из крепостей да выпустить,
 А ведь вместе нам всем перовать да
 веселитися,
 Того я и скручинился, спечалился.»
 300 Тут Владимир-князь да пораздумался:
 «Если всех с крепостей да выпустить —
 То собрать мне больше ни единого,
 А если мне-ко-ва да не выпустить —
 То ведь буде мне да разгневить посла.»

Приказал-то всех да выпустить.
Начали перовать да веселитесе.
Говорила тут Настасья Микулишна:
«Как удалые да добры молодцы,
Нет ли между вама Ставра сына Годиновича?
Подойди-ко, Ставер, да поблизёшенько,
Выпей-ко ты чару питов разных,
От князя да от княгини новобрацных,
Как уста-ты у тя в крепостях
позапечалились.»
Как подходил-то Ставёр да ко столу.
«Как ты знаешь, Ставёр, да догадаешься ли
(Говорила ему Настасья, Ставру-то),
Не твоя ли то да молода жена
Сидит князем-то да новобрацным?»
Вышивал Ставёр пару питов разных,
От князя, княгини новобрацных,
Выходила Настасья с да стола княженецкого,
Ена брала Ставра-то ведь за руки,
Целовала во уста да во сахарныи,
Повела Ставра да в свою родину.
Князя Владимира, со князьями, со боярами
Пировать тут ведь да и оставяи.
А ведь тым былина и поконцилась.

15
МИХАЙЛО ПОТЫК

(«Былина про Василия Буслаевича»)

Как во городе, да во Киеве,
 Как Владимир-князь стольник-киевский.
 Вызывал-то да Васильюшка:
 «Как Васильюшко да сын Буслаевич
 Съезди на тихии на заводы,
 Для перу мне-ко набей гусей-лебедей
 Да серых малых да утушек.»
 Как ехал-то да Васильюшко
 А как ехал он на тихие, да ён на заводях.
 Там не плавало ни гуся да ни лебеди.
 А ведь серой да малой утушки.
 А ведь ехал-то Васильюшко,
 Ехал Васильюшко-то да на озерышко,
 На озерышко плават лебедушка.
 Перышко-то золотое, другое серебряное,
 А ведь шейка жумчужком да обсажена.
 Тут Васильюшко сын Буслаевич
 Натягал тетивку-то шелковую потугёшенько,
 Направлял ён стрелочку каленую прямёшенько.
 Как хотел он спустить ту в лебедь белую.
 Ведь лебедушка ближе приплыла,
 Как лебедушка Васильюшке вскорилася,
 Как вскорилася да взмолилася:
 «А Васильюшка да Буслаевич,
 Как не спускай-ка ты стрелочку калёную.
 Не кровавь-ка меня да красной девушки,

Я не лебедь да есте белая,
 Я ведь Марья да лебедь белая,
 Всероссийская да я красавица.
 30 Как Васильюшко да ведь Буслаевич,
 Холост молодец, да есте не женат,
 Я ведь девушка есь на выдаваньи,
 Как возьми-то ты, Васильюшка, меня,
 Как меня-то ведь да за себя замуж,
 35 Только сделаем мы с тобой записи,
 А который если наперед помрет,
 То другому итти да во сыру землю,
 Во сыру землю да со мертвым телом.
 Тут ведь сделали да ны записи.
 40 Как поехал-то ведь да Васильюшко
 А поехал он да ко князю ко Владимиру,
 А поехал как без гуся он, без лебеди,
 Да без серой малой утушки,
 Только везет-то Васильюшко молоду жену,
 45 А ведь Марью-ту лебедь белую.
 Говорил князю он Владимиру:
 «Как приехал я на тихии-то ведь на заводах,
 Там не плавало ни гуся да ни лебеди,
 А ведь серой да малой утушки.
 50 А начал ехать я да га озёрышко,
 Только плавала лебедушка,
 И привез себе молоду жену,
 Всерасейскую да красавицу.
 Съезду я ко синю морю,
 55 Набью гусей, лебедей, птиц заморских.»
 Оставлял Васильюшко да молоду жону,
 Съехал Василий ко синю морю,
 Набил гусей, лебедей, птиц заморских.
 Как привез-то он ко князю Владимиру,
 60 А поехал он по городу да по Киеву,
 Ко своей молодой жены,
 А ко Марье да лебедь белая.
 Строят плотники хитромудрые да работники,
 Как строят палату да белодубову.
 65 И спросил их да Васильюшко:
 «Ай вы, плотники хитромудрые да работники,
 Кому вы строите полату белодубову?»
 Отвечали плотники, хитромудрые работники:
 «Померла твоя да молода жана,

70 А ведь Марья да лебедь белая.»
 Да говорил-то Васильюшко:
 «Вы такую строите полату белодубову,
 Чтобы можно-то да было нам двум легчи
 Да взять принасу с собой на три году.»
 75 Да сошел Васильюшко, шел в кузницу,
 Заказал сковать двое клещи да ён железные.
 Как унимали всем городом да всем Киевом:
 «Не ходи-ка, Васильюшко, со мертвым телом.
 Со мертвым телом да во сыру землю.»
 80 Как унимал-то ведь Владимир-князь.
 Никого Васильюшка да не слушает,
 Исполнит только Василий свои записи.
 Да зарывали Васильюшку во сыру землю,
 В могилу глубокую, со мертвым телом.
 85 Среди ночи приплыла змеища трехглавая,
 А берется за Марью лебедь белую,
 Захватил Василий змею клещами посеребочки,
 И змеища-то Васильюшко взмолилася:
 «Как спусти меня, Васильюшко Буслаевич,
 90 Принесу я воды оживлённой,
 Оживлю я Марью лебедь белую.»
 Говорил да Васильюшко змеище-то:
 «Не верю я тебе, змеище трехглавая,
 А давай мне в залог да змеиныша.»
 95 А как дал в залог да змеиныша,
 Принесла змеища воды да оживлённое.
 Марью взбрызнули, да Марья вздрогнула,
 Другой раз с кувшина-то взбрызнули —
 Сидя села, сама говорит:
 «Ох, как я долго да веть прдспала.»
 100 Говорил-то ведь Васильюшка:
 «Кабы не я, так ты спала бы и до по веку
 От ныне до веку, да век по веку.»
 Да закричал Васильюшко голосом да
 богатырским,
 Услыхали во городе, во Киеве,
 105 Что стоснулся ведь да Васильюшка,
 Со мертвым телом да во сырой земли.
 Разрывали могилу глубокую —
 А не один Васильюшко из могилы идет.
 Васильюшка идет и след Марьюшку ведет.
 На том былина и окончилась.

Ен клал войлуцки а на потницьки,
А вверх кладывал а седельшко да церкальское,
А с подпругами-то а с шелковыми,
А с стремянами ли а золоцёными.

66 И пухова шапочка не запылитце.»
Вить у князя-то у Владимира
Было-то да вить да постановлено,

Как заеждих-то добрых молодцов
Приглашать-то вить князю во гостебице.
70 Приходил-то вить молодець-то вить боярин

Диск Степановиць,

Как садился ко князю во гостебицу,
А ел-то ён да колачики ты крупивцаты,
Верхну короцьку ён на стол кладет,
Как серёдоцьку ес,

75 А нижню короцьку под стол спускает.
Сам-то боярин выговаривает:

«Как велика слава да на Киев-град,
А поболе слава на князя на Владимира,
У них всё-то вить не по-нашему,

80 Как колачики-ты да крупивцаты,
Сверху пахнут-то на помяльце-то на сосновое,
Снизу пахнут-то на гилу¹ на болотнюю.

Как у нас-то а во города во Галици,
У моей-то вить у родной матушки,

85 У цесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
Как пекет она колачики да крупивцаты,
У ей пецька-то вить яловцята,
Как помяльце у ей-то есь шолкёвое,

Маце в воду-то она да в медовую,

90 Как пекет колачики да крупивцаты.
Дак колачики-то ешь, другого хочетце.

А по третьему а душа горит.»

А цярёцьку-то пьет да сверху на стол плескает,
А серёдоцьку пьет, снизу да на под стол

95 плескат.

А сам-то боярин выговаривает:

«Как велика слава-то на Киев-град,
А поболе слава на князя на Владимира,
У них всё-то ведь да не по-нашему.

Как напитоцьки-ты медвяными

100 Пахнут-то на деревцо дубовое.

Как у нас-то во городе во Галици,

У моей-то да родной матушки,

У цесной вдовы Омельфы Тимофеевны

Как напитоцьки у ей медовыми,

105 Как в боцьках-то во серебрянных,

Как висят-то на цепях на золотенных.

¹ Гилу—глину.

А во тых погребах да во глубоких,
С погребов-то прокопаны проводы-то,
А проводы-то да во чисто поле,

110 Как завивают буйны витероцики,
Так на цепях-то боцьки зашатаютце,
Запоют-то как гуси-лебёдушки.»

Говорил-то Чурилушка Пленковиць:

«Как ты, солнышко, Владимир-князь да
115 стольнокиевский,

Как ни голь ли к нам кабацка да приехала,
Не подпорина ли к нам госпоцкая?»

Говорил же тут да Владимир-князь:

«Молодой боярин Дюк Степановиць,
120 Как ударь-ко ты да о велик заклад
С нашим-то с Чурилой со Пленковицьем,

Как ударь-ко на цельный ты на годицек,

Штобы на каждой-то да долгой дёницек,

Были бы платиця-то сменные,

А ведь кони были бы да переменны.»

125 По боярину по Дюку да Степановицю,

Как никто по нем да не руцаетце,

А руцаетця один князь-то вить

церниговский:

«То перещеголяет молодой боярин Дюк
130 Степановиць.»

По Чурилы тоуда Пленковиця
Все купцы руцаютце вить из Киева,

Как из Киева да из Чернигова:

«Перещеголят Чурилушка да Пленковиць
Молодого боярина Дюка Степановица.»

135 Как писал-то боярин Дюк Степановиць,
Как писал-то он письмо да скоропивцато

Ко своей-то да ко родной матушки:

«Мы с Чурилой Пленко да приударили,

Как ударили на целой гулять годицек,

140 Как на всякий-то да на диницек,

Штобы были платиця-ты сменные,

Были бы кони-ты да переменны,

Присылай-ко, да родна матушка.»

Кладывал Дюк писёмышко

145 Под церкальское да под седёлышко,

Отправлял-то ён Бурушка да косматую.

Прискакал Бурушка да косматыи,

Как прискакал он ко Дюковой ко матушки,
 Ён заржал-то да у окошечка.
 50 Выходила Дюковая та матушка,
 Вынимала с Бурушка ена седёлышко,
 Под седёлышком видит е писёмышко.
 Как читала письмо да скоропивцято.
 Говорит Дюкова матушка:
 155 «Мое да чаденько порасхвасталось,
 Животишкамы вдовеными, сироткима.»
 Наваливала телеги тыи ординский
 Она цветными-то и платьицем,
 Как отправила Бурушку да косматого.
 160 Был вить Бурушка у них да косматый,
 Как поутрышку только выведет по росы
 покататисе.
 На нём шорстоцька да сменяеце.
 Нацяли гулять с Чурилой со Пленковицем
 Купци киевски да черниговски.
 165 Как становятся Чуриле да Пленковицю
 Они платьица да ведь цветныи,
 И коней-то вить ставят переменных,
 Как на последний да на дёнишек,
 Как гуляли-то да целый годицек.
 170 Одевал-то вить платья да цветныи
 Как Чурилушка да и Пленковиць,
 Как по пуговам да добры молодцы,
 Как по петелкам да красны девушки.
 Одевал-то платице цветное
 175 Молодой боярин Дюко да Степановиць,
 Как по пуговам да как люты звери,
 А по петелкам да как чисто змеи.
 Закричали девки, бабы-то:
 «Перешеголял Чурилушка да Пленковиць,
 180 Как и лучше щегольство Чурилино.»
 Говорил-то князь черниговский:
 «Как для девок-то для бабам ведь
 Лучше щегольство Чурилино,
 Как по нашей-то братии да по господской
 Лучше щегольство Дюка Степановиця.»
 185 Тут говорил боярин Дюк Степановиць:
 «Как Чурилушка да Пленковиц,
 Ударим-ко в заклад о своей буйной
 головушки,

Которого добрый конь перескочит через
 Непру-реку,
 Как которого не перескочит веть,
 190 Тому отрубим буйну голову.»
 Тут они и приударили.
 Шел боярин Дюк Степановиць
 К Бурушку косматому,
 И говорит боярин Дюк Степановиць:
 195 «Уж ты, Бурушка косматый,
 Слободи меня от смерти от напрасной,
 Перенеси меня через Непру-речку.»
 И приеждят боярин Дюк Степановиць на
 Непру-реку,
 И тут стоят купцы киевски да украиновски.
 200 И сидит на кони Чурилушка да Пленковиць.
 Вся-то публика стоит, глядит.
 Говорит боярин Дюк Степановиць:
 «Поездай вить, Чурилушка Пленковиць.»
 А говорит-то Чурилушка Пленковиць:
 205 «А твое ли бахвальство наперед зашло,
 Поездай-ко наперед, да Дюк Степановиць!»
 Как поехал боярин Дюк Степановиць,
 Как скоцил-то Бурушка да косматый,
 А не только он да перёскоцил,
 210 А еще он столько да ён вперед скоцил.
 А поехал Чурилушка да Пленковиць,
 В середине реки да с конем плавае,
 Как возврат поехал Дюк Степановиць,
 Захватил Чурилу да за волоса,
 215 Выплавил Чурилу на желтый песок.
 Разложили Чурилу отсець да буйну голову.
 Девки, бабы вси да Дюку молятця:
 «А оставь-ко Чурилу, Дюк, во живности!»
 Никого-то Дюк да не слушае.
 220 Стал просить Дюка князь да черниговский:
 «А оставь-ка, боярин Дюк, Чурилу ты во
 живности,
 Пусть гулят Чурила между девками, между
 бабами,
 А между нас-то боле не касается,
 Не касается в нашу братию господскую.»
 225 А послушал князя Дюк Степановиць.
 Говорил-то вить да Владимир-князь

«А кого послать описать и Дюково именье?»
 А пошлем-ко мы Олешеньку Поповица?
 А говорил вить боярин Дюк Степановиц:
 230 «А Владимир-князь да стольнокиевский,
 Не посылай-ка Олёши ты Поповица,
 Олеша роду-то с поповского,
 У Олешеньки глаза да заглаженные,
 Разглядится на моих да коровниц ведь,
 235 На коровниц ведь да на портомойниц-то,
 Не дожидаться нам да назад будет.
 Как пошли-ко Добрыню Микитинца,
 Да пошли Михайлу Потыка да Ивановица.
 Эти молодцы-то да с учёныи,
 240 Ены знают моей матушки да цесть отдать.»
 Навалили телегу-то ёрдинскую,
 А бумаг-то они да со чернилами.
 Как поехали-то добры молодцы,
 Описывать Дюково именье,
 245 Как ко той ли ко городу ко Галици.
 Как доеждает-то до города до Галици,
 Был и дёнишек да был вить ясенной.
 Показался им да добрым молодцам,
 Што горит-горит да город Галиця,
 250 А как остоялисе да осмотрелисе,
 А не горит-то веть да город Галиця,
 А великое-то есте да сияньице:
 Как вить крыши-то да золощёныи.
 Приеждяли во город-то во Галицю,
 255 Как спросили про Дюкову матушку,
 Как сказали нету дома Дюковой матушки,
 Уйдена у Дюковой матушке к обеденке.
 Как пошли-то вить да добры молодцы,
 Как от палаты-от Дюковой да от матушки.
 260 Как до церковьки да до соборной,
 Замощены мостоцьки-то калёныи,
 Поставлены столбики-ты вить точёныи.
 Порученки кладены да золощёныи,
 Подложено суконце одинцёвое,
 265 Посыпано песочком да рудожелтым,
 Идут молодцы—сапожки не мараются,
 Кафтанчики да не валяются,
 Пухова шапочка не запыляется.
 Как попала толпа душ да красных девушек.

270 Как делали молодцы да с ними здравие:
 «Здравствуйте, души красны девушки!
 Не идет ли между вами Дюкова матушка?»
 Отвечали души красны девушки:
 «Да не идет между нами Дюкова матушка.
 275 Это—Дюковы да портомойницы!»
 Молодцы да вперед идут,
 Идет толпа молодых молодушек,
 Они низко им да поклонилися:
 «Как здравствуйте, молодые молодушки,
 280 Не идет ли между вами Дюкова матушка?»
 Отвечали молодые молодушки:
 «Не идет между нами Дюковая матушка.
 Это идем мы—Дюковы коровницы,
 Дюкова матушка да у обеденки.»
 285 Как опять тыи молодцы да и вперед идут.
 Как идет толпа старушек староматерых,
 Ены низко им да поклонилисе:
 «Здравствуйте, старушки староматеры,
 Не идет ли между вами Дюковая матушка?»
 290 Отвечали старушки староматеры:
 «Не идет между нами Дюковая матушка.
 Это Дюковыи да мы есь ключьницы,
 Как пойдет Дюковая матушка во божей
 церкви—
 Двое под руки поведут, третья вслед
 295 платица несет.»
 Как подошли-то да добры молодцы,
 Как ведут-то да Дюковую матушку,
 Они сделали с ей доброго здоровьице:
 «Уж как здравствует Дюково матушка.»
 Как говорила-то Дюковая матушка:
 300 «Видно, моё де цяделко порасхвасталосе.
 Животишкамы да веть вдовиным,
 Как вдовиным животишкама сиротцькими.»
 Как у Дюковой да веть у матушки,
 На ножках-ты башмацьки шолковыи,
 305 Как заплетены все камешки-ты
 драгоценныи,
 Драгоценны камушки-то самоцветныи,
 А башмацков великое сияние.
 Брала молодцов-то она за руки,
 Как вела она в палаты белокаменныи.

- 310 Как садила за столы за дубовыи,
Они ели колачики круивцяты,
А веть пили напитоцьки медвяныи,
Говорили сами они промеж собой:
«Не пустым-то видно в Києви Дюк хвастан
вить!»
- 315 Говорили Дюковой вить матушки:
«Как мы в гостишки к тиби приехали,
Описать посланы именьеце,
Как писали-то ени-та тут месяца,
Расписали телегу-то ординскую,
320 Как бумаги-то вить со чернилами,
Не могли описать Дюково-то вить именьеце.
Возвратилися ко князю ко Владимиру.
Как спросил-то князь да стольнекиевский:
«Описали ли всё Дюково именьеце?»
325 —«А продай-ко ты город Киев со Черниговым.
А купи-ка ты бумаги да со чернилами,
То хватит али нет описать Дюково именьеце,
Прикажи по Руси ей ободрать вси берёзыньки.
На береста-то где да всё повыпишем.»
330 И тым былинна да покончилась.

ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

(«Былина про Чурилу и Катерицу»)

- Как стоит у ворот да колотитце,
А колотитце стоит да даетце...
Хто же у ворот стоит да колотитце,
Хто же у ворот стоит да даетце?
5 Как Чурилушка стоит Пленковиць,
А ведь Пленковиць Щеголенковиць.
Выходила Катерина Николаевна
В тонкой льняной сорочки да без пояса.
А тонких шелковых цулоцках да без
10 чоботов.
Как головка у ей приубраная.
Отворяла воротця роскатистые,
Запускала Чурилушку сна Пленковиця,
Пленковиця Щеголенковиця,
15 У Чурилы с-под шапки глаз не видать,
У Чурилки с-под шапки плечь не видать.
Шапоцька ушаста, пушиста, надвесиста.
Говорила Катерина Миколаевна:
«Что же ты, Чурила, вчерась не бывал.
20 У мня есва сахарния не еденыи,
У мня питва медвяны не выпитыи.»
Ена верона коня во конюшеньку свела,
Она санки-самокатки на сараец клала,
Золоту сбрую сняла, тую на сполоцьку
30 клала.
Чурила за руки взяла, в свою спаленку свела

Как приехал Садко, купец богатый,
А ко тым ли ко купцам да новгородским,
Как вить купци-то вить да новгородским,
А с приездом-то да его встретили,
Хорошо-то вить да познакомились,
Угостили их с приездом с-за синя моря
Как Садко-то вить, купец да богатый,
Он угостил купцев богатых,
Тут же купцы-то новгородские,
А ведь говорили-то оны да промеж собой:
«Как у тебя, Садко, купца богатого,
У тя денежек да не буде веть.
А у нас-то товару не убуде веть.»
Тут купцы-то вить да новгородские,
Как поставили товары новгородские.

А у Садко, купца у богатого,
У его-то денежек-то как не ubyло,
Как отправился Садко, купецъ богатый,
А с товарами да новгородскими
А возвратно в свою Индею во богатую.
А как повыехал он посередь морей,
Как захватил-то на мори да их царь морьской,
Задержал товары да страх людской.
А веть вертятца да они на мори.
Говорил Садко, купецъ богатый:
«Колько, чай, я по морю ездывал,
А я царю морьскому дани не плачивал,
Видно, царь-то морьской да и страх людской
Просит-то вить дань,
Кинемте-ко мы боцьку с златом с сѣребром.»
Кинули боцьку с златом-сѣребром.
Не принимает веть злата-сѣребра,
От воды кверху боцьку да выкидыват.

А кораблики на одном месте всё вертетьце.
Никуда оны не двигаютце.

Говорил Садко, купец да богатый:

70 «Видно, просит головушку целовецеську.»

Одели матроса-то оны во платища,
Как спустили-то да оны на воду,
Как вода да веть матроса не приняла.

Говорит Садко, купец-то богатый:

75 «Видно, самого меня, Садка, царь морьской
требует.

Как опустите-ко лисницу золощёную.»

Как спустили-ко лисницу золощёную,

Брал Садко гусёлышка да яровцяты,

И спустился по золотой ён по леснице.

80 Увидали его царь морьской и царица.

Говорит-то вить царь морьской и царица
морьска:

«Вот ты, Садко, сам прибыл к нам.

Веть рассуди-тко нас веть с царем морьским.

У нас веть ссора с ним стало вить.

85 Говорит-то Садко, купец богатый:¹

«Как злато-серебро дороже на Руси ценитце.»

А говорит царица-то морьска:

«Как булат-железо дороже веть.»

И говорит Садко купец богатый:

90 «Што дорого золото-серебро,

Да не видать его другой-то целой годицею.

Как булат-то железо-ка на всякой-то денецек,

Взять-то в руки с булата-железа ножицею,

Как отрезать-то хлебце дару-то божьего,

95 И топорик-то с булат железа-то,

И эта на всякой-то день нам на денецек.»

Как скоцила царица морьская:

«Што моя-то правда вышла-то вить,

И с тобой-то царем морьским всё-то

100 ссорились.

Как веть играл-то Садко, купец богатый,

А играл Садко а в гусёлышка-ты яровцяты,

Будем танцовать-то мы и будем веселиться.»

Как играл Садко, купец богатый,

105 А не мало-то дён, двенадцать суточек,

То вить море-то вить сколыбалоси,

А колько людей натонуло тут,

А коль-то погинуло-то вить людешек!

110 Как играл-то Садко, купец богатый,

А двенадцать-то целых суточек,

Как явился-то Микулай-цодотворец,

Шепчет в уши-то Садку, купцу богатому:

«Как довольно играть, Садко, купец богатый,

А не можем-то мы больше слезованыици.»

115 А говорит Садко, купец богатый:

«Как же не играть, как заставляют веть?»

Говорил-то Микулай-цодотворец-то:

«Как по струночки с гусёлышек да выдер-
гивай.»

Как по струночки Садко выдергивал.

120 Говорит царь-то морьской:

«Што же плохо играешь, Садко, купец
богатый?»

Отвещал Садко: «Не во што стало мне-ко-ва
играть,

Привались-то у меня струночки.

А веть царь морьской да ты же веть страх
людской.

125 Как спусти меня съездить да во Киев-град

Ко Софии да премудрые,

Съездить мне-ко-ва туда за струнами.»

Как тут ли Садко да приснулось,

Объявился на бережку у Софии да примудрой,

130 И пришли-то корабли благополучно вить,

И тым быль-то вить покончилась.

(Эту на голос труднее брать).

¹ Оговорка сказителя. Должно быть: «Говорит-то царь морьской».

18-а
САДКО

Есть на святой земле, Садко, купец богатый.
Есть на небе звезды—

И у Садко, купца богатого, в тереме звезда,
На небе звездочка,

И у Садко, купца богатого, в тереме
звездочка,
Садко, купец богатый, двадцать девять

кораблей привел,
К купцам новгородским под товары
новгородские.

Тридцатый корабль с золотом-серебром,
И познакомился Садко, купец богатый.

С купцами новгородскими,
Купцы новгородские как с приездом
Приняли дорога гостя,

С приездом угостили ествами разными,
Разными питвами новгородскими.

А Садко, купец богатый, вдвое угостил
купцов новгородских,

Наугощались и порасхвастались.

Говорят купцы новгородские:

«Как у нас товару не убуде,
А у тебя, Садко, богатый гость, денег не будет»

А говорил Садко, купец богатый:

«Как у вас товару не будет,
А у меня денег не убудет».

Как на первый день купцы да новгородские

Выставили товары новгородские
По сторону да матушки да Волги-реки,
И по другую сторону Волги-реки.
Говорит Садко, гость богатый:

«Ай же вы, мои приказчики,
Берите-ко вы денежек по надобью,
Откупите все товары новгородские
И сгрузите на кораблики.

На второй день вдвое купцы новгородские
Вдвое товаров поставили.

И говорит Садко, купец богатый:
«Мои да приказчики,

Берите денежок по надобью,
Откупите все товары новгородские,
И сгрузите все товары на кораблики.»

И на третий денечек остатки все товары
На рынок поставили.

И говорит Садко, купец богатый:
«Мои приказчики,

Берите денежок по надобью
И откупите все товары новгородские
И сгрузите все товары новгородские на
кораблики»

И у купцов новгородских
Товару не стало,
А у Садко, купца богатого, денежок не
убыло.

И поехал Садко, купец богатый—
Двадцать девять кораблей с товаром-то,
А тридцатый с золотом-серебром,—
В Индею богатую.

До среди да морюшка доехали,
Царь морской, страх людской,
Поставил корабли на мори—

По морю и ходу нет.
На месте вертятся, а вперед не двигаются.
Вертятся на одном месте трое суток.
Говорит Садко, купец богатый:

«Колько ли я по морю ни ездил,
А царю морскому дани ни плачивал.
Верно, царь морской, страх людской,
просит дань,

Спустите бочку с золотом на воду».

65 Бочки золота царь морской, страх людской,
не принимает—
Всё на воды вертится.
И говорит Садко, купец богатый:
«Верно, царю морскому злата-серебра не
надобно,
Верно, просит головушку человечью.»
70 Одели матроса в щинель и опустили на воду,
И от воды матроса отдымывает,
И корабли не двигаются.
Говорит Садко, купец богатый:
«Видно, царь морской, страх людской,
75 Самого меня требует!»
Спустили золотую лестницу,
Взял Садко, купец богатый, гусёлышка
яровчаты
И спустился по лестнице
К царю морскому, страху людскому,
80 И явился Садко, купец богатый,
К царю морскому, страху людскому.
И говорит Садко царь морской, страх людской:
«Долго мы тебя ждем,
У нас идет здоря с царицей.»
85 Царь морской, страх людской, говорит,
Что на земле дороже ценится злато и серебро.
А царица морская говорит:
Что булат-железо дороже ценится.
Вот Садко, купец богатый, и судит:
90 «Злато-серебро и другой год не видать.
А булат-железо надо в каждый день:
Ножичек—над хлеба отрезать,
Топорок—дров нарубить.»
Тут царица вскочила плясать-танцевать:
95 «Моя верхова!»
А Садко заставляет в гусли играть.
Двенадцать суток играл,
А море волновалось так, что корабли топило.
Наделало много сирот.
100 Явился Миколай-чудотворец и шопчет в ухо:
«Перестань, Садко, купец богатый, играть.»
А говорит Садко, купец богатый:
«Что заставляют, нельзя отказаться.»
—«А по струнки рви в гуслях».

105 Говорит Миколай-чудотворец:
«Как дорвешь до одной, скажет царь морской,
страх людской,
Что ты плохо играешь.»
—«А не во что играть, струны вырвались,
А спусти меня во Киев-град за струнами.»
110 Царь морской сказал: «Поеждяй!»
И поехал Садко, купец богатый,
И приснулося Садко, купцу богатому.
Объявился у Софии премудрой на берегу,
И пришли корабли благополучно,
115 И тым былина и покончилась.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

(«Про Василия Будимировича»)

Как по матушки и по Волги-реки
 Идет тридцать три корабля,
 Тридцать три корабля, все раскрашены.
 Как один идет кораблик да получше всех,
 Он получше всех да побаше всех,
 По носу кораб как люты звери,
 По кормы кораб будто чисты змеи,
 На кораблики—мачты золочены,
 На кораблики—канатики шелковы,
 10 Паруса-то шиты браньи да полотняны.
 По боку кораблика нарисовано,
 Как сидят-то ведь да добры молодцы,
 На другом-то боку нарисовано,
 Как сидят-то души красны девушки:
 Как корабличек на водушки сколыбнетце,
 Молодцы с девицами обоймутце да поцелуютце,
 А хозяин на кораблике Васильюшко,
 А Василий сын да Будимировиц
 По караблику Васильюшко похаживает,
 20 Разны рици Василей выговаривает:
 «Как дружинишка моя хоробая,
 Как берите-тко шосты¹ долгомерны,
 А вы щупайте, кидайте по матушки Волги-
 реки,

¹ Шесты.

Узнавайте-тко вы да корги-перемели,
 25 Выходите-тко да на сине море,
 Поднимайте-ко паруса да полотняны,
 Перебегайте-ко да через сине море,
 Становитесь ко пристани государской,
 Ко тому царю Роману Митриевицю.
 30 Как с приездом несите морские подароцьки,
 Вы куницъ, лисицъ, соболей да вы заморских.
 А насыпьте блюдо золоцёное,
 Вы камней насыпьте драгоценных,
 Вы друго насыпьте-ка самоцветных,
 35 А вы дарите царя Романа Митриевиця,
 Как с приездом-то с-за синя моря,
 Как просите царя Романа Митриевиця,
 Как просите местецко на гороцьки да на
 пашеньки.
 Где блинчики пекут да пирожки продают,
 40 Маленькие ребятки ходят да барышничают,
 Нам построить три терема да златоверхних,
 Штобы верхи-то с верхами завивались,
 Как ходили бы кругом добры люди,
 любовались,
 Красны девушки бы любовались.»
 45 Как веть слушали дружинишка хоробая,
 Как брали да шосты до долгомерны,
 Они щупали, кидали по Волги-реки,
 Выходили оны да на сине море,
 Поднимали паруса да полотняны,
 50 Перебегали-то через сине море.
 Становились ко пристани да государскою.
 Ко тому ли царю Роману Митриевицю,
 Несли они подароцьки заморских,
 Как куницъ, лисицъ, соболей оны заморских,
 55 Как насыпали-то блюдо золоцёное,
 Как насыпали цело камней да драгоценных,
 Как другое-то блюдо самоцветных,
 Как несли подароцьки оны заморские
 И дарили с приездом царя Романа Митриевиця.
 60 Как просили у царя местецка,
 Как на той ли на гороцьки на пашеньки,
 Где блинчики пекут да пирожки продают,
 Маленькие робятки ходят да барышничают.
 Говорил царь Роман да Митриевицъ вить:

65 «Как за такие-то подарки за заморьский,
 Как таких подароцек да никогда не видано,
 Ни от кого таких подароцек не принимано,
 Первое место дам—стройте вы возли меня,
 Как другое я место—да стройте и против меня,
 70 А третье место, где вам полюби.»
 Отошли-то к Василью на кораблики,
 Говорила-то дружина да хоробрая:
 «А и строй-ко, гди да теби полюби.»
 На корабликах терема были привезены,
 75 Нацляли терема-то оны складывать,
 И на той-то на горке, на пашеньки,
 Где блинчики пекут и пирожки продают,
 Маленьки робятки ходят да барышницают.
 80 А сложили три-то терема златоверхних.
 Как верхи-то с верхами завиваютце,
 Ходят добры людюшки, ходят и дивуютце,
 Красны девушки ходят да любятце.
 Как у царя Настасья-то Романовна,
 85 А ставала поутрышку ранешенько,
 Веть она брала трубоцьку да подзорную,
 Выходила Настасья на высок балкон.
 Она в каждое утрышко смотрела веть,
 Как усмотрела на гороцьки да на пашеньки.
 90 А говорила Настасья да сама себе:
 «Как вцера было на горки-то пустым-пусто,
 Как на горки сегодня да густым-густо,
 Стоит три терема да златоверхних,
 Как верхи-то со верхами завиваютце.»
 95 Кругом ходят добры людюшки и дивуютце,
 Красны девушки ходят любятце,
 Как бросала ена, красна девушка,
 Трубоцьку подзорную да скоренько,
 Вот и мыласи Настасьюшка белешенько.
 100 Одеваласи Романовна цистешенько,
 Как брала служанок она верных,
 И пошла Настасья на гороцьку на пашеньку,
 Приходила Настасья к первому ко терему,
 Как слышит-то, пересыпают злато, серебро,
 105 Полуцают за работу золоту казну.
 Приходила ко другому ена ко терему,
 Там сидит Васильева да его матушка.
 Со своими сидит со служанкама.

А сидят они да советуют.
 110 Приходила Настасья к третьему ко терему,
 Слышит танцы, пляски идут да незаунылища.
 Заходила Настасья во тот терем,
 Сидит Васильюшко да весть Будимировиць.
 Заиграет он на гусёлышках,
 115 А танцуют добры молодцы,
 А со ими красны девушки.
 Как поддегивал гим¹ стулицьки кленовыи,
 А сажил Настасьюшку да с собой рядышком.
 Как сидела она да красна девушка,
 120 С верными она служанкама,
 Веть и целой-то день она до вечера,
 Как сидела, всё-то любоваласи,
 Как танцуют-то да добры молодцы,
 Добры молодцы да красны девушки,
 125 Как сидела Настасьюшка
 Долгий день да до вечера.
 Как говорила-то Настасья да Романовна:
 «Как Васильюшко да сын Будимировиць.
 Ты есь холост молодец есте не женат.
 130 Я весть девушка есь на выдаваньи,
 А возьми-тко ты, Васильюшко, за себя замуж.»
 Отвещал-то весть да Васильюшка:
 «А за всё люблю, Настасья-то Романовна.
 За одно-то тебя только не люблю,—
 135 Наперед ты сама себя просватывашь.»
 Со стыду пошла красна девушка
 И она с верными своима служанкама.
 Как поутрушку-то ранешенько,
 Брал Васильюшко да родну матушку,
 140 А пошли оны царю Роману Митриевичю
 Как доклады они делают
 Как о добром о деле да о сватосви,
 Говорила Василья родна матушка:
 «Как царь Роман да Митриевичь веть,
 145 Мы к тебе-то в гостишки как приехали,
 Как о добром деле да о сватосви,
 А у меня есь сынок как Васильюшко,
 Как холост он молодец да не женат.
 У тебя красна девушка да на выдаваньи.

¹ Им.

130 А Настасья-то ведь да Романовна,
 А желаешь ли отдать да во супружество.
 А за Васильюшку отдать да во супружество?
 Отвещал-то царь Роман да Митриевицъ:
 «Как желат итти Настасья да Романовна,
 145 Не держу ведь я красной девушки.»
 Говорила Настасья Романовна:
 «Выдавай-ко меня, родной татенька.»
 Окрутили-то в платьице в многоцветное,
 Как проводили Настасью на кораблики,
 160 Поднимали паруса полотняныи,
 Повезли Настасьюшку в Индею во богатую,
 Да ведь тым былинка и покончилась.

20

ДАНИЛА БЕЛЫЙ

(«Про Данилу Белого»)

Отправляется, снаряжается Данила Белый,
 Справляется ехать в Индею богатую.
 У Данила Белого была дочь,
 Красна девушка на выдываньи.
 5 Говорит дочь татеньке:
 «Мой родной татенька,
 Съезди-ка в Индею вобогатую.
 Как в Индеи во богатой
 Есте лавочки торговьи,
 10 Там есть молодчики ученые,
 Продают платьица да венчалъные,
 Кольца, перстеньки есь обручалъные.»
 И поехал Данила Белый,
 Послушал своей дочери,
 А поехал Данила Белый в Индею во богатую.
 15 А доезжает он до Индеи богатую,
 Стоит Ивашка, Белая Панча, Сорочинская
 Шапка
 Оберегает Ивашка Индейское царство.
 Стоит на заставы тридцать три года,
 Без доклада без пошлины,
 20 Никого не пропускает, ни проезжего да не
 проезжего¹,
 Стоит Ивашка у сырого дуба и стоя спит,
 Наехал Данила Белый и крикнул он Ивашке:

¹ Оговорка сказителя, следовало бы: «прохожего».

«Ивашка, Белая Панча, Сорочинская Шапка
 Давай мне пропуск ехать в Индею богатую.»
 25 От Ивашки и ответу нет.
 И хлыстнул плеткой Ивашку Сорочинскую,
 И говорит Данила Белый:
 «Как у нас, на святой Россееюшки,
 Богатыри лежат спят,
 30 А у вас, в Индею, богатыри стоят спят.»
 Данилы не прилюбился¹,
 И говорит Данила Белый:²
 «Ох, какая ты, невежа, наехала!
 Давай-ка со мной силу попробовать.
 35 Сделаем мы на три поприща
 У кого да силы больше ведь,
 Ну, давай разездом поразъедемся
 Да вместо и столнемся.»
 Но тут они и поразъехались,
 40 Потом вместо как столкнулись,
 И ударили друг дружку копьями
 долгомерными,
 А у обоих копья да согнулись.
 И говорит Ивашка да Сорочинский:
 «У нас, видно, сила наравне,
 45 Сядем-ко со мной да посоветуем.»
 Говорит Ивашка Сорочинский:
 «Тридцать лет стоял на страже,
 Как такого проезжего у меня да не
 случалось,
 Чтобы сила была наравне,
 50 Дам тебе пропуск ехать в Индею богатую.»
 И съехал Данила Белый в Индею богатую,
 И купил дочери платья венчальные,
 Кольца да перстни да обручальные,
 И поехал Данила Белый той же дороженькой.
 55 Говорит Ивашка Сорочинский:
 «Ай же ты, Данила Белый, крестовый брат,
 Погости-ко ты у меня да посоветуй,
 Каково в Индеи богатой тебя приняли,
 Есть ли сильны там могучие богатыри?»
 60 Отвечал Данила Белый:

¹ Оговора сказителя, надо: Ивашко

² То же.

«Мне таких, как ты, богатырей ведать
не случилось.»

Говорит Ивашка Сорочинский:

«Дам я тебе пропуск,
 65 Поезжай от меня с великой почестью,
 К своей дочери с дорогими со подарками»
 И дочь спрашивает:
 «Благополучно съездил-то,
 Что стоят такие заставы,
 Охраняют сильные, могучие богатыри?»
 70 — «Съездил я благополучно ведь,
 Привез тебе дорогие подарочки.»
 Тем былина и покончилась.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

(«У вдовушки, у пашенки»)

А как у вдовушки у пашенки
 А было девять сынков.
 Да всё разбойничков.¹
 Как одна была дочь одинавушка,
 5 Замуж выдали да за синее море,
 Да синее море купца-то за богатого.
 Ена годик-то жила да не стоснуласе,
 Как на другой годик столковаласе,
 У родителей богоданных подаваласе,
 10 Как на третий годик мужа вызвала,
 Мужа вызвала да на малу лодочку.
 Сама-то да села да за весёлышка,
 А гостинички клала на серёточку
 15 Свое-то ейна чадо к груди прижала,
 А муж-то сел за управителя
 А поехали они по синю морю,
 По синю морю, по свою родину,
 Ко своей-то родной матушке.
 Как по ихнему да бесчастьецу
 20 Нашли-то нашли да тучки темные,
 Завяли буйны ветерочки,
 Волна-то в море взволноваласе,
 Валы-то в море закатилисе —
 Как их-то да бесчастных

Кинуло на желты пески,
 25 На желты пески на мелки камешки,
 Ко той-то фатерки, ко разбойникам,
 К ночным да подорожникам.
 «Моего-то мужа да подстрелили,
 Моего-то чада в море кинули,
 30 Меня-то, младу, в плен-то забрали,
 В плен забрали, обесчестили.
 Все разбойнички ены спать легли,
 Как один разбойник богу молитце,
 Богу молитце да у бога прощаетце.
 35 Меня, младу, да стал выпрашивать:
 «Ты скажи, млада, ты какой земли,
 Ты какой земли да какой орды,
 Ты какого роду-племени,
 Ты какого отца, какой матери,
 40 Как зовут по имячки, величают и отечеству?»
 Как я-то, млада, да рассказалася,
 Как у вдовушки-вдовы было девять сынков,
 Девять сынков, да всё разбойничков,
 Все ночных подорожничков,
 45 Одна была дочь одинавушка,
 Замуж выдали да за сине море,
 Да за сине море, за купца богатого,
 Тут разбойничек да порасплакался:
 «Ох, вставайте-ко вы, братыща родимые,
 50 Вот-то мы беды, беды наделали,
 Чудо мы, чудо да начудили,
 Своего-то мы зятя да подстрелили,
 Мы племянничка да в море кинули,
 Как свою-то мы сестру в плен-то забрали,
 55 В плен-то забрали, обесчестили.
 Все разбойнички да порасплакались.
 У меня-то, молодой, да все прощаются,
 Все прощаются да извиняются.»
 На тым былина и покончилась.

¹ Во время фонозаписи в 1940 г. добавил строфу «А как ночных-то да подорожников.»

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН

Как когда была столица в Ново-городе,
Тогда царствовал Грозный царь Иван

Васильевичъ.

Соберал-то он да на поцесный пер
Сильных могучих да он богатырей
И купцей-то, людишек да всё богатых.
Набралосе да дорогих гостей полный стол.
Как тут-то на перу все стали сытёшеньки.
Все-то гости на перу-то стали веселёшеньки.

Наедалисе да напивалисе.
10 Все-то гостишки да порасхвастались,
Как богатыри так тыи хвастают
Своей они вить силою богатырскою,
Ухватоцькой оны да молодецкой,
А богатыри¹ да тыи хвастают:

15 «Как у нас-то много да злата-серебра.
Как бесметоцьной да золотой казны.»
А Грозный-то веть царь да Иван Васильевичъ.
Пред гостями ходит по палаты белокаменной.
Сизу бороду свою да он наглаживает.

20 Грозной-то сам хвастает, грозно хвалитца,
Ен же сам Грозной нахваляетца:

«Как повыведу измену-то я из Киева,
А повыведу измену из Чернигова,
А как выведу измену с Нова-города.

25 Я с Казани-Рязани, из Вострохани.»

¹ Очевидно, оговорка: следует «купцы»

Отправлял он своих грозных царевичев
А Федора и Митрея Ивановичев,
Ены вывели измену-то из Киева,
Ены вывели измену из Чернигова,
30 Вывели измену с Нова-города,
Из Казани-Рязани, из Вострахани.
Ехали ко матушки да к каменной Москвы
Старшой-то брат Митрей-то Ивановичъ,
Ен писал письмо да скороничато:

35 «Мужицки да вы московскии,
Как спускайтесь с теремов да вы высокии,
Обряжайтесь в погреб да во глубокии,
Едет тут да царский сын Федор да Ивановичъ.»

Приехал в Москву Федор да Ивановичъ,
40 Не нашел он в Москве да никого-то вить.

Ехал Федор к родному ко батюшку,
Грозной-то вить царь Иван Васильевичъ,
Для приезду своих да родных детушек
Открывал он свой да почесной пер,
45 Соберал он себе да дорогих гостей,
Перед гостями Грозной царь Иван да

Васильевичъ.

Ище ен пуще хвастат, грозно хвалитца:

«Вывел я измену-то из Киева,
Вывел я измену из Чернигова,

50 А повывел я измену с Нова-города,
Как с Казани-Рязани, из Вострахани.

Ище выведу измену с каменной Москвы.»
Говорил-то Федор да Ивановичъ:

65 «Государь ли то, да родной татенька.
А не вывесь нам измены с каменной Москвы.»

Грозной царь-то Иван да Васильевичъ,
По палате грозно-то запыхивал.

Как немилу на Федора да завывлядывал.
Говорил Грозной царь Иван Васильевичъ:

80 «Ай же, Федор да ты Ивановичъ,
Ты скажи-тко мне да про изменщика,

А не скажешь мне да про изменщика,
Отрублю тебе я да буйну голову.»

Тут же Федор-то да Ивановичъ,
65 А дохнул-то ен да тяжелёшенько:

«Ох-ты мне-ко-ва да тошнёшенько,
А никто-то меня за щеки да дергает.»

70 Нынѣ надотстать-то мни от буйной от головушки.
 Если мне сказать-то ведь да про изменщика,
 Над сказать мне на князя, на боярина,
 Над сказать мне на братца на родимого,
 Как на Дмитрия на Ивановича.
 Государь да родной тягенька,
 75 С намы же измена за столом сидит,
 С намы же измена ест-пьет и кушает:
 Ехали ко матушки к каменной Москвы,
 Старший мой брат Митрий Ивановичь,
 Ен писал письмо да скоропивцато:
 80 «Как мужицьки-ты да вы московскии,
 Вы спускайтесь с теремов да вы высокиих,
 Обряжайтесь в погреба да во глубокии.»
 Приеждя я в Москву, ни нашел никого-то
 вить,
 Возвратился к тебе, к Грозному, ко батюшке.»
 85 Тут же Грозный царь Иван Васильевичь,
 По палате царь да запохаживал,
 Как немилу на Митрея да завылдывал.
 Ен же дал приказ на казень да на смертную
 90 Как на тую на палю на кровавую,
 Отвезти-то Митрея да Ивановича,
 Отрубить-то Митрею да буйну голову,
 Как на той ли на палы на кровавую,
 А на той-ты на казни-да на смертной.
 Все-ты палачи да перепалисе,
 95 Все палачи как из палы разжеждалисе,
 Во своих домах палачи да не сказалисе.
 Как один палач нашелся да наславилсе,
 Во том ли ряду во гостинном,
 Во тых лавоцках да во торговых.
 100 Молодой Малютка да Скурлатовицъ.
 Ен нашелся, ен наславился,
 Подогнал карету вить ен темную,
 Ен темну карету пригнал цорную,
 Как ко тым ли палатам да ко царским.
 Посадил ен Митрея Ивановича,
 105 Как повез Митрея на казнь-то на смертную,
 Отрубить-то Митрею-то буйну голову.
 Как его-то веть да родна матушка.
 Родна матушка его да государыня,
 А ведь Марья-то да Романовна.

110 Как бежала на босу ногу без чоботов,
 А без чоботов бежала ена черных,
 А без тых она цолодицков шелковых,
 К своему-то ко братцу ко родимому,
 Как к Микиты она да Романовицю.
 115 Отворяла двери-ты дубовыи,
 Как на петелках они на шелковых,
 Увидал-то вить Микита да Романовицъ,
 Говорил-то Микита Романовицъ:
 «Как стать мне от царя госья-то не вызвати,
 120 Стать мни в гости ждять, то не даждати,
 Как пришла ко мни госьейка незваная,
 А незвана пришла госьейка нежданая,
 Только вижу пришла госья незваная,
 А незвана госьейка нежданая.
 125 Только госьейка пришла да неубраная.»
 Отвещала тут государыня:
 «Ай же, братец мой родной, Микита да
 Романовицъ,
 Я не в гости шла, не гостить пришла,
 Как сегодняшним господним да дёнецком,
 130 Серце царское разгорелосе,
 Разгорелосе на свои-то на сймена,
 А на сймена да на царьский,
 Как на старшего сына да на Митрея,
 А на Митрея да Ивановича,
 135 Как на твоего на племянника.
 А отправил на казень да на смертную,
 А на тую ли на палю да кровавую
 Отрубить-то ему да буйну голову».
 Тут Микита да Романовицъ
 140 Как бежал он на босу ногу да без чоботов,
 Без чоботов бежал Никита да черных,
 Без цолодицков он без шелковых,
 А сажился Микита на добра коня,
 Не на уздана а сажился, не на седлана.
 145 Только брал с собой одну да востру саблю.
 Выезжал Микита во чисто поле,
 Как крыцал своим громким голосом:
 «Уж ты съешь кусок, собака, да подависсе,
 А не съешь кусок, собака, да задависсе.»
 150 Услышал-то Малютка громкий голос,
 Как громкий голос да во чистом поле

Во плечи рука застоялася,
 С рук востра сабля не повалилася.
 Наеждял же Микита да Романовиць.
 155 Орубил Малютке буйну голову.
 А рубил Микита своей вострой саблей,
 Как рубил-то Микита на пальи канатики
 шелковыи,
 А на части рубил Микита мелкии,
 Как снимал цто с пальи своего племянника,
 160 Как садил он Митрея на добра коня,
 Вез в свою палату белокаменну,
 Как кормил, поил своего дорога гостя.
 Как на другой-то да на дёнецек
 Грозной царь Иван Васильевиць
 165 Как он окруцинился да он специализя.
 Што решил-то своего сына любимого.
 Как пишет афишки-ты пецяльные:
 «Одевайте-ко вы платицы опальныи.
 Пришло времяцко мни пецяльное.
 170 Как Митрея решил Ивановичя.»
 Как Микита да Романовиць
 Одевал он платице, которых цице нет.
 Приходит-то Микита к царю Грозному.
 Как в его-то палату белокаменну.
 175 Как сидит Грозной царь Иван да
 Васильевиць,
 Сам скручинился, сам специализя,
 На Микиту тут сам да выглядывает,
 Сам ен Грозный-то выговаривает:
 «Разве ты да не знаешь вить,
 180 Аль надо мной-то вить насмехаесе,
 Как я вчерашним да донецком,
 Как отправил-то я да на смертушку,
 Я ведь Митрея отправил Ивановичя
 Орубить Митрея да буйну голову,
 185 Как твоему да племяннику.»
 Тут выходил тут Микита Романовиць.
 Приходил-то Микита в свою палату
 белокаменну,
 Одевал своего-то любимого племянника,
 Одевал-то в платье, которых цице нет,
 190 Приводил-то Микита к Ивану Грозному.
 Как Грозной-то царь, Иван-ты Васильевиць,

Увидал, что жив Митрей Ивановичь.
 Как с великой-то грозной радости
 А падал Микиты на плечка могуции,
 195 Целовал в уста да во сахарнии,
 Говорил Грозный царь, Иван Васильевиць:
 «Как за ту да за заслугу-то
 Чем мни будет пожаловать,
 Чем-то буде да поцествовать?
 200 Города ли тебе дать с пригородками,
 Али златом-то ты дарить да буде а серебром
 Да ту, да за заслугу веть?»
 Говорил-то вить Микита Романовиць:
 «Мни не надо городов управляти с
 пригородками,
 205 Мни не надобно злата и серебра.
 Дай-ко мне-ко-ва да што я у тя спрошу --
 Дай-ко мне Микитину дай-ко отчину,
 Штобы не было в ней иску да не отыску.
 Но котора мне была отчина назнацена.»
 210 Тут с великой-то со грозной радости
 Поднимал Грозный царь Иван Васильевиць.
 Подписал-то он да своей рукой.
 Как в Микитиной-то да вотчины,
 Стали добрые людишки да спасатися.
 215 От великих бед стали освобождатися.
 А на том-то былина и покончилась.

(Как попадешь в эту отчину, так уж никто не найдет).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИЦ-ЦАРЬ

Напев и текст расшифрованы с пластины Наталией Лиси
и отредактированы Ф. А. Рубцовым

♩ = 168

Как жил И - лью-шенька у князя у Вла.
ди. ми. ро. как жил то би да ровню
де сять лет Ай ведь как ста. ли то к (о)
нч-зю ко Вла. ди. ми. ру, з ли. ли
лю. дюш. ки да под - ха. жи. вать,
в ста. ли я ве. ду то нз И. лью шу на. ро.
ва. ри. вать. „А И. лья Му. ро. мец да
сын И - ва. но. вич как би си. ль. ны. мз смо.
у. чи. ма во. га. тырь. ми. з хо. чет сво.
е то те бя то да кня. же. ства.

тре. тий то на годик мужа вы. зы. ва. ла, а му. жа
выз. ва. ла да в ма. лу по. доч. ку, а са. ма —
то се. ла во ве. се. лыш. ко, а го.
стин. нич. ки ды кла. ла на се. ре. доч. ку, а сво. е.
го то ей. на ча. до к гру. ди при. жа. ла, а му. жа
то же сел за у. прэ. си. те. ля, а по
е. ха. ли ё. ны да по си. ню мо. рю, а по си
ню мо. рю да в сво. ю ро. ди. ну...

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

(«У вдовушки, у Пашеньки»)

А как у вдовушки и да у Пашеньки а было де
вуть сынков да все разбойничков, а как неч
ны их тех да по до рождничков как од
на то был да дочь да о дн на вух ко, а за муж
вы да ли да за си не мо ре, и за си
не мо ре купца то за бо га то во а е на
годик то жи ла не сто сну ла ся, а как на
дру гой то на годик сто ско вэ ла ся, у ро
ди те лей во ро дн их по да вэ ла ся как на

КОММЕНТАРИИ

Тексты Ф. А. Конашкова публикуются по записям, произведенным сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры М. И. Ивановой в 1937 году и Е. П. Родиной в 1938 г.

Большинство записей принадлежит Е. П. Родной и сделано с «голоса», т. е. во время пения сказителем этих былин. В ее записях также гораздо более тщательно отмечены главные фонетические особенности речи Конашкова.

Заглавия, данные петитом в скобках, принадлежат сказителю.

Приложенные нотные записи напевов Конашкова представляют расшифровки фонограмм, произведенных Н. И. Леви и отредактированных Ф. А. Рубцовым.

1. Илья Муромец и Соловей-разбойник

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Из сказителей, известных Гильфердингу, мотив исцеления мы встречаем лишь у Щеголенка (Кижи, № 120, 55 строк), а из сказителей, записанных Рыбниковым, у Романова (Пудож, № 139, 30 строк). У Сарафанова (Кижи, Рыбников, I, № 82) этот мотив передан лишь одной строчкой «тридцать лет он сиднем сидел», после чего сразу говорится, что Илья «слезает со печки муравленой». У Романова—вместо конашковских двух калек, приходит «господь Иисус Христос со апостолами». Былина в таком исполнении приближалась по характеру к духовным стихам. Кроме того, есть прозаические пересказы—сюжеты, записанные от Богданова (Кижи) и калки из Красной Ляги (с Онеги).

Из современных прионежских записей очень полные варианты записаны от А. М. Пашковой («Былины Пудожского края»,¹ № 3, 105 строк) и Н. А. Ремезова (там же, № 31, 192 строки). Представляя собой часть сводных былин об Илье Муромце, они отличаются от варианта Конашкова характерным для сюжета исцеления указанием на крестьянское происхождение богатыря и на де-

¹ В дальнейшем «Былины Пудожского края» будут обозначаться «БПк».

лением его образа крестьянскими чертами. Отсутствие этих черт в публикуемом тексте возможно объясняется оригинальным началом былины (нападение на Киев царя Калина); такое начало придало сюжету исцеления необычный характер, подчинив его основной теме эпоса—борьбе с иноземными нашествиями.

Включение в былинку отрывка о царе Калине (стихи 1—18) повидимому, принадлежит самим Конашковым. Сопоставление, архитектоники всей былины Конашкова с вариантами о Соловье-разбойнике, опубликованными П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, не дает аналогий ни с одним из сказителей всего Прионежья, но по словесным совпадениям отдельных мест видна связь с вариантами пудожанина Сорокина. Например:

У СОРОКИНА		У КОНАШКОВА	
159	Ай же ты, удаленькой да уудаленькой Добрый молодец заезжий- дальний!	182	Как удаленька да запа- ленька, доброй молодец, Доброй молодец, а й уда- ленька да запаленька.

Самый отрывок о царе Калине своим зачином тоже восходит к сорокинской редакции былины «Илья Муромец и Калин-царь» (Гильфердинг, № 69).

Из всех сказителей Прионежья лишь у Сорокина дается описание усадьбы Соловья, но оно подано в стиле традиционного былинного реквизита (три терема златоверхие, множество верхов, крыш, крылечек, зеленые сады, цветы лазуревые—«вся усадьба красовитая»). Конашков дает совершенно иной образ (см. стихи 212 и след.). Описание Конашковых родственно следующим строкам из сборника Кириши Данилова (изд. 1876, № X/VI):

Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тычинке по маковке,
И по той по голове богатырския.

Деталь—возвращение Ильей детушкам Соловья их злата-серебра—кроме Конашкова, имеется еще только у Сорокина. Указание, что Илья «затупывал» уши коня маковыми листьями встречается лишь у пудожанина Фенонова (Гильфердинг, № 56):

133 А сорывает он, Илья, да маков лист.
А затыкает он, Илья, да уши в головы.

Таким образом, налицо скрещивание конашковского варианта о Соловье как с былинной сборника Кириши Данилова, так и с вариантами некоторых сказителей Прионежья (Сорокин и Фенонов—Пудожье). Сравнение с современными пудожскими записями былины об Илье и Соловье-разбойнике (Б.П.к. №№ 17, 53, 62) показывает, что все пудожские варианты этой былины, при всем различии редакций, заключают и ряд устойчивых своеобразных деталей (покаяние в грехах жителей осажденного города, наименование этого города Смолягиным), за исключением текста № 17, записанного от Фофанова (у Конашкова жители города называются «смородягинцами») и др.

2. «Илья Муромец и Идолище».

2. Запись Е. П. Родиной в 1937 г.

2-а. Запись М. А. Ивановой в 1937 г.

Былина у Конашкова состоит всего из 90 стихов, в то время как вариант у пудожанина Прохорова равен 202 по записям Рыбникова и 274 строкам по записи Гильфердинга. Она значительно короче и нового пудожского варианта (184 строки), записанного от Фофанова (Б.П.к., № 18) и восходящего к тексту Прохорова. Общими для былины Конашкова и Фофанова являются только наиболее устойчивые, традиционные для данного сюжета элементы.

Обращает на себя внимание эпизод с шапочкой встречного старца, которую тросекратно Илья не мог поднять. Эпизод аналогичен известному сюжету о Святогоре и тяге земной (см. записи Рыбникова от жившей в Петрозаводском уезде Дмитриевой, № 86, Гильфердинга—от княгини Щеголенки, № 119, и от кеноверца Гурьбина—№ 270). Имя Святогора Конашкову неизвестно. Вариант близок также и к вытегорскому варианту «Ониги-воина» (Рыбников, № 213): и там и тут богатыри хотят, не слезая с коня, «ножкой закорючить» сумочку или шапочку и, в конце концов, уходит по груди в сыру землю. В обоих вариантах от этой попытки герои не погибают.

3. Илья Муромец и Калин-царь

3 (подробный вариант). Запись М. А. Ивановой в 1937 г.
3-а (краткий вариант). Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

По словам самого Конашкова во время записи 1938 г., былина эта редко им пелась, а потому и позабылась («редко поется, друго, и забылось»).

Этот сюжет является одним из основных в группе героических былин. В Прионежье известны два сюжета о Калине: 1) Илья Муромец, Ермак и Калин-царь; 2) Илья Муромец, Самсон и Калин-царь. Вариант Конашкова принадлежит ко второй группе. Редактор 2-го изд. «Песен» Рыбникова—А. Е. Грузинский—отмечает в примечании к былине № 205, записанной от захожего каргопольского наики, близость текста (местами дословную) к феноновскому (по записи Гильфердинга). Фенонов, тоже слепой налика-пудожанин, но его репертуар восходит к каргопольцу Мещанинову. Многократное совпадение деталей доказывает, что эта каргопольская редакция и текст Конашкова родственны.

Сопоставляя вариант каргопольского калики с конашковым, видим, что из текста Конашкова выпал целиком эпизод уграшивания Ильей Самсона и его дружины помочь князю Владимиру отстоять Киев. Композиция у Конашкова стройнее, слушателю не приходится пояснять, каким образом уцелел Илья, три года просидев в погребке (две вставных строки, 69—70, у каргопольского налика явно рвут текст). Переработан и другой эпизод—вместо письма Ильи в конашковском варианте, у карго-

польского калки мы находим эпизод приезда Ильи к царю Калину с тем же самым предложением об отсрочке на три года или на три месяца и т. д. Разговор плененного Ильи с Калином у Конашкова построен на проблеме верности Родине («А перейди-ко, Пльюшенка, к нам-то ведь»), в тексте же каргопольского калки Калки предлагает нейтралитет («Где ты похочешь, тут и живи»). Несмотря на эти различия, несомненно, что перед нами два варианта, исходящие от одного общего источника.

Конашков дает два варианта данного сюжета—на 233 строки и на 118. Второй (короткий) записан в хорошем виде. Размер стиха выдержан, композиция четка. Первый, подробный, текстually близкий варианту каргопольского калки, художественно крайне слаб и представляет прозу, денную на строки. В сборнике «Былины Пудожского края» сюжета о Калкине в данной версии нет.

4. Ссора Ильи с князем Владимиром

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Три варианта—княгиня Рыбинина (Гильфердинг, № 76), пудожанин Прохорова (Гильфердинг, № 47) и Конашкова, за исключением кое-каких деталей, по содержанию близки друг к другу. Учитывая крайнюю редкость этого сюжета, можно предполагать, что они исходят от одного общего источника.

Былина Конашкова занимает 80 строк, у Рыбинина—129 строк и у Прохорова—70 (по записи Рыбникова), а по Гильфердингу—140. Лакоизм на этот раз не отразился на сюжете и не повредил качеству конашковского варианта, введен ряд весьма ценных деталей, которые выделяют эту былинку Конашкова, даже при наличии двух вариантов, от таких прославленных мастеров, как Рыбинин и Прохоров (см. главу «Художественные особенности былины Ф. А. Конашкова»). Оригинальные варианты этой былины в последние годы записаны от Пашковой и Ремезова (см. Б.Н.к., № 3, 33).

5. Добрыня и Змей

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Больше всего вариантов былины «Добрыня и Змей» выявлено в Онежском крае. Здесь мы можем наблюдать почти все формы: от широкого развернутого сюжета (у пудожанина Антонова—421 стих, Феонова—381, у книжечного сказителя Чукова—314 стихов) до варианта Гусева из Кенозера, который в 46 стихах дает сюжет с большими пропусками. В Прионезье мы найдем контаминацию с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Мигуличне, а в соседнем Кенозере—образец распада: начало былины о бое с Змеем переходит в сюжет о Марине, который заканчивается превращением Добрыни в черного соболя (Кенозеро, Тришница, 114 строк).

Онежские варианты о «Добрыне и Змее» представлены книжечными, пудожскими и сильно расщепившимися кенозерскими. Книжечные и пудожские отличаются друг от друга деталями, но сюжетная канва у них общая. Лучшее всего сохранился сюжет в

пудожских вариантах. Их, прежде всего, объединяет роль князя Карамышева (фамилия несколько варьируется), предлагающего князю Владимиру послать на освобождение Забавы Добрыню, а также ряд других очень близких деталей, например, название гор «Тугий» у Феонова и Антонова, вследствие чего можно говорить о родстве этих вариантов. Вариант Конашкова, состоящий из 155 стихов, более чем вдвое короче двух других пудожских (в записях Рыбникова и Гильфердинга). Многих деталей, свойственных этим вариантам, в нем нет. Все же как структурой, так и отдельными деталями, конашковский вариант тесно сближается с былинной, записанной от Антонова.

По сравнению со старыми записями, у Конашкова наблюдаются явные выпадения частей текста: так, для слушателей, например, непонятно, как Добрыня, после купания на Пучай-реке, очутился на пиру у князя Владимира, о приезде богатыря нет ни одной строчки, в то время как у Прохорова и Феонова уделено этому приезду не мало строк. Только благодаря применению особых приемов связи предыдущей сцены с последующей слушателям былина кажется цельной и переход от одного эпизода к другому вполне логичным. Эти же особенности выделяют вариант Конашкова и среди записей последних лет (Б.Н.к., №№ 6, 21, 34, 34).

6. Добрыня и Маринка

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Эта былина не принадлежит к числу широко распространенных. В Пудожье в 1860—1870-х гг. она записана лишь от Трофима Романова (95 строк, Рыбников, II, № 143). Вариант этого сказителя выделяется очень поздними вставками: после обертывания Маринкой Добрыни в оленя, мать вначале ищет в Москве докторов, но безрезультатно, пока не находит в Киеве бабушку-заворонку, спасающую Добрыню и наказывающую Маринку.

Наиболее близка к конашковскому варианту былина Малыгина из Моши. Есть ряд совпадений и с вариантом Кириши Данилова, свидетельствующих об их общем родстве в первой части былины.

В былинке Конашкова нет модернизаций, наблюдаемой у ряда сказителей. Вариант Конашкова завершается контаминацией с эпизодом из «Трех поездок Ильи» об «омансливой» (обманчивой) кровати. Такая контаминация встречается в записях последних лет из Заонежья (см. Астахова, Былины Севера, I, стр. 573) и Пудожья (Б.Н.к., № 35). В отличие от пудожского варианта в тексте Конашкова отсутствует свойственный этой редакции заключение: расправа Добрыни с Маринкой.

7. Добрыня и Алена

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Из Пудожского района известно около 20 вариантов этой былины, в том числе 4 варианта в сборниках Рыбникова и Гильфердинга (см. записи от Антонова, Прохорова, Сорокина и Ам-

сова), 8 вариантов в сборнике «Былины Пудожского края»; остальные не опубликованы.

Былина Конашкова развертывает сюжет в очень стройной компоновке. В ней все же нет так детально разработанных мотивов гуманности Добрыни, какие известны по варианту Сорокина. Трогательные жалобы Добрыни на участь воина («бить головы неповинные, спротать молодых иен да малых детушек») в конашковском варианте вложены в уста матери богатыря (Б.П.к., № 64). В упреках, направленных к Владимиру, в нашем варианте, как и в ряде других современных пудожских записей (Б.П.к., №№ 6, 22, 34 и др.), усилен социальный протест указанием на заслуги Добрыни:

225 Как дивуюсь я князю Владимиру,
За которого стоял да двенадцать лет...

В данной былинне, как и во многих других былинках Конашкова, отсутствуют элементы фантастики, например, чудесное унаваивание Добрыни о готовящейся свадьбе. Поэтому эта былина, как и прочие в его репертуаре, кажется вполне реалистичной (см. также вариант Журавлева, Б.П.к., № 64).

Первая часть былинны лишена явных следов самостоятельного творчества. Она в значительной части составлена из общих мест. Возможно, что только конашковскому варианту принадлежит следующая деталь при рассказе Алеши Поповича о пайданном труппе Добрыни:

«Сквозь Добрынюшку, сквозь Минитицу
Проросло деревцо да калиново,
Как на этом на деревце на калиновом
Свито у соловьюшка да гнѣздышко.
А сидит соловей да выговаривает:
«Как нет ли прохожего, а нет ли проезжего
Свезти весточки да не радосны
Ко Добрыниной яго матушки,
Ко Добрыниной молодой жены —
А Овдотья да Микулицыной.»
Как Овдотья-то да Микулицына
А поди-ка, Овдотья, за меня замуж!»

8. Сухман Рехмантьевич

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Эта былина встречалась в 60—70-х гг. прошлого века крайне редко, Рыбников и Гильфердинг записали ее по одному разу в Пудожье. Новых записей 9, из них 3 — в сборнике «Былины Пудожского края» (№№ 23, 68, 69).

Изучение текстов пудожских сказителей — Антонова и Шальского лодочника, как справедливо указывает редактор 2-го издания «Песен» Рыбникова А. Е. Грузинский, выявляет один и тот же источник. Учителем деда Антонова был слепой калика Мина. Вариант Шальского лодочника во многих местах почти

дословно совпадает с конашковским текстом. Последний лишь почти вдвое короче текста Шальского лодочника (109 строк и 198 строк). Вместе с тем, по некоторым своеобразным деталям вариант Конашкова особенно близок к одному из лучших прионежских вариантов, записанному от Фофанова (Б.П.к., № 23 — 240 строк). Оба текста отличаются от былин Антонова и Шальского лодочника в следующем:

У ФОФАНОВА И КОНАШКОВА У АНТОНОВА И ШАЛЬСКОГО ЛОДОЧНИКА

Как в беломорских вариантах, Сухман выезжает по поручению князя, что значительно усиливает вину последнего в развязке событий.

Раны Сухман получает в бою.

Упоминание о других богатырях, кроме Добрыни, отсутствует.

Сухман выезжает, расхваставшись на пиру.

Раны получает после боя от трех татар.

Упоминаются, кроме Добрыни, другие богатыри.

Это заставляет предполагать, что тексты Фофанова и Конашковых восходят к другому источнику, чем варианты Антонова и Шальского лодочника.

Былину о Сухмане Федор Андреевич помнил слабее всех прочих номеров своего репертуара. При проверке в конце 1939 г. оказалось, что сказитель забыл начало былинны и попросил меня прочесть «по тетрадке». Пришлось прочитать строк десять начала, после чего Федор Андреевич стал петь былинну.

9. Василий Игнатьевич и Батыга.

Запись Е. П. Родиной в июле 1938 г.

Данный сюжет, известный во всех былинных очагах, принадлежит к циклу героических.

Былина о Василье Игнатьеве обычно включает в качестве запева предание о богородице, озабоченной предстоящими невзгодами Киева. Эта легенда получила в Поморье и среди казачества самостоятельное развитие. В конашковском варианте, как и других прионежских, она представляет вводную сцену встречи «туров золоторогих» со «турицей-матушкой».

В репертуаре десяти сказителей Пудожья мы находим этот сюжет только у двух — у Антонова и Фенонова. Крайне показательно, что Антонов усвоил былинны от калики, а Фенонов сам калика. У Рыбникова есть также запись от каргопольского калики из Красной Ляги (Рыбников, № 194). Следовательно, во всех этих случаях сюжет сохранился в основном в среде профессиональных певцов духовных песен.

Другие сказители этой былинны Прионежья: Коранлов Семен с 13 лет слепой» (Рыбников, т. 1, стр. 422), Прохоров (Толвуя) «Слепец... пропитывается частью мирским подаванием» (Гильфер-

динг, т. I, стр. 266). Воинов (Кенозеро) «в молодости жил в рабочих» (Гильфердинг, т. III, стр. 187). Про Фомину данных нет. В списке «хороших и относительно зажиточных» крестьян у Гильфердинга, кроме Потапа Антонова, мы встречаем лишь Петра Воинова. Но и последний, как отмечает сам Гильфердинг, в молодости жил в батраках.

В сборнике «Былины Пудожского края» этот сюжет отсутствует.

Текст Конашкова — один из самых кратких (см. еще у Рыбникова, II, № 174, и у Гильфердинга, № 116).

Сопоставление варианта Конашкова с текстами пудожских сказителей (Антонов, Феонов), показывает ряд совпадений, но сюжет в основном значительно переработан. Будучи несомненно в родстве с вариантом Феонова, (Гильфердинг, № 60), он сокращен более, чем вдвое (179 и 75 строк). Переработка коснулась всего текста, при довольно значительной стойкости самих стихов. Основное сокращение — отброшено трехкратное уничтожение Василием войска, получаемого Батыгой для взятия Киева. Сюжет упрощен — убийство сына и зятя вынуждает Батыгу вернуться в свое государство.

10. Наезд литовцев

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

В вариантах пудожан Антонова (Гильфердинг, № 66) и Шальского лодочника (Рыбников, № 152) одинаковые названия сел. названия врагов (ливки), дословное совпадение в начале и свыше четырех десятков других совпадений указывают на единый источник. Как отмечает редактор издания 2-го «Песен» Рыбникова, А. Е. Грузинский, вновь выявляется общий учитель этих двух сказителей.

Текст Ф. А. Конашкова значительно короче (125 строк), чем у Антонова (197 строк) и у Шальского лодочника (240 строк). Он существенно отличается (подобно былине о Василье Игнатьеве) более сжатой композицией. Дается лишь самое основное, непосредственно влияющее на ход действия.

ШАЛЬСКИЙ ЛОДОЧНИК

1—41 Король литовский отговаривает ехать на Русь, посылает в землю Ливонскую, где ливки получают богатую добычу.

42—69 Разгром русских сел: Славского, Карачаева, Переславского.

82—114 Пташечка сообщает князю о нашествии ливиков.

115—124 Гнев князя Романа Митриевича.

КОНАШКОВ

1. 1—48 Отговоры от поезда на Русь.

3. 64—72 Разгром Казани и Рязани.

125—153 Подбор русским князем дружины путем кидания в реку жеребьев.

2. 49—63 Подбор ливиками дружины, путем кидания в реку жеребьев.

4. 73—87 Письмо ливиков Роману Митриевичу

134—164 Наказ дружине, когда приходить к князю на помощь.

165—177 Князь обернулся волком, затем горностаем.

178—194 Двухмесячный младенец узнает князя в образе горностаем.

195—230 Трехкратное препирательство братьев — ливиков с вороном (т.е. князем).

5. 88—124 Плач князя о наступлении старости и разоружение ливиков (но без оборотничества).

231—240 Расправа с ливиками.

В совпадениях, которые обнаруживает настоящий текст с вариантами Шальского лодочника и Антонова, заключается отличие его от записей, помещенных в сборнике «Былины Пудожского края» (№№ 24 и 43) и восходящих к редакции Сорокина (Рыбников, т. II, № 135; Гильфердинг, т. I, № 71). Новые записи, включая текст Конашкова, таким образом, ясно определяют две редакции этой былины соответственно двум былинным гнездам в Пудожском районе: в центральной части, где жил Сорокин и ближайшие соседи его Фофанов и Кигачев (см. В.П.К.), и в восточной части (Шала) — родине Шальского лодочника, Антонова и Конашкова.

11. Вольга и Микюла

Запись Е. П. Родиной в феврале 1938 г.

Среди сказителей Пудожья, кроме Конашковых, сюжет о Микюле известен Прохорову, Феонову и Шальскому лодочнику. Былина Конашкова о «Вольге и Микюле», запись 1938 г., безусловно в лучшем состоянии, чем у его земляков — Никифорова, Прохорова и Феонова, от которых производились записи в 1871 г. Прекрасный вариант этой былины опубликован также в сборнике «Былины Пудожского края» (№ 8, записан от А. М. Пашковой, 185 строк). Интересно отметить, что Конашков и Пашкова — земляки (Пашкова тоже много лет жила в деревне Семеново). Однако, как и в большинстве случаев, тексты Пашковой и Конашкова значительно отличаются друг от друга. Это объясняется не только ярко выраженной творческой индивидуальностью Пашковой, но и тем, что Пашковой в те годы почти не прихо-

дилось слышать истинные былины Конашковским. По ее словам: «Муж не любил и не давал петь былины, вместе с Конашковым рыбачили, но муж ему слова вымолвить не давал». Общими для обоих вариантов настоящей былины являются лишь заключительные стихи. Они восходят к текстам Т. Г. Рябинина (Гильфердинг, № 75) и Касьякова (Гильфердинг, № 156). Вариант Конашкова чрезвычайно близок к редакции Рябинина.

12. Волх Всеславьевич и Индийское царство

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Сюжет о походе Волха или Волги в Индийское (или Турецкое) царство у Конашкова сильно сокращен, но основное содержание сохранено. В 40 стихах Конашков дает эпизоды подслушивания Вольгой Святославовичем разговора царя Салтана и расправы с царем. Некоторые детали, вроде перечисления подарков (шубка соболиная, одеялышко чистых шелков), дословно повторяются в былине о Василии Игнатьеве и Батыге. Сопоставление варианта Конашкова с былиной из сборника Кириши Данилова выявляет родство между обоими вариантами, см. эпизод расправы с царем и изображение терема царя, крепость и подворотня из «кости рыбной» (у Кириши Данилова «рыбий зуб»). Эта былина Конашкова, не имеющая художественной ценности и сохранившаяся в виде фрагмента, интересна как новое подтверждение связи ряда сюжетов Прионежья с номерами сборника Кириши Данилова. В сборнике «Былины Пудожского края» этого сюжета нет.

13. Дунай

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Из десяти вариантов, записанных Рыбниковым и Гильфердингом, семь приходится на район Кижей, кроме того по одному на Выгозеро, Кенозеро, но последние находятся в резко выраженной стадии вырождения.

Вариант Конашкова не дает явного родства с текстами Рябинина, Романова и прочих сказителей, имеющих общий тип данной былины. Однако точки соприкосновения в отдельных деталях все же налицо. Это наводит на мысль о заимствовании создателем конашковского репертуара из Заонежья лишь остова сюжета и самостоятельном сложении варианта. Такое предположение подтверждается фактом, что былина (при сохранении точной сюжетной канвы) составлена по преимуществу из стихов, существующих в других номерах конашковского репертуара. Отсутствие местной пудожской традиции в отношении данной былины подтверждается и другими современными записями в Пудожье (Б.П.к., № 7 и 44), несомненно восходящими к заонежской традиции и обнаруживающими, как и текст Конашкова, некоторую близость к былинам Романова и Рябинина. В сцене Дуная и Апраксии форма встречи знакомых («поминали ли... в живности нет» и т.д.) такая же, как и в конашковском варианте. Деталью, встречаемой еще у Рябинина (в других вариантах Прионежья ее нет), будут слова Конашкова:

161 Я три годика господу богу молилася,
Как бы мне попасть за князя за Владимира
А попасть да во супружество!

Эти слова повторяются и в варианте Пашковой (Б.П.к., № 7).

С вариантом Романова совпадает предложение князя взять злата-серебра и силы-армии (у Романова: «князы и силы сорок тысяч»). Инициатива в тексте Конашкова передана Добрыне, который берет в товарищи Дуная (у Романова — наоборот). С вариантом Романова также роднит обоснование гнева князя:

РОМАНОВ

(Гильфердинг, № 94)

127 Меньшую дочь ты просва-
тывашь,
А большую дочь чем засадил?

КОНАШКОВ

131 А засадил-то у меня стар-
шу дочь да во девчесьви.

Сцена гнева Дуная совпадает с соответствующим местом варианта Рябинина, но сделана она в конашковском стиле: описание, например, сходно со сценой гнева Ивана Грозного в былине «Иван Грозный и сын» и, несомненно, ярче, чем у Рябинина и Романова.

14. Ставр Годинович

Запись М. А. Ивановой в 1937 г.

В репертуаре сказителей Прионежья эта былина занимает видное место. В группе пудожан, по записям 1860—1870-х гг., кроме Конашкова, ее знали Андрей Сорокин, Колодозерский старик и Анфим Савинов. Помимо полной сохранности сюжета, варианты всех трех пудожан объединяет близость их к варианту Чукова. Значительно расширяют наши представления о характере пудожской традиции новые записи (Б.П.к., №№ 11, 36, 46, 58, 63, 65). Объединяя в себе сибирскую и прионежскую традиции (см. Астахова, Былины Севера, I, стр. 638), они указывают на целый ряд новых источников распространения былины в районе Пудожья. А. М. Пашкова, односельчанка Конашкова, называет имена сказителей М. Васильева (из Кенозера) и М. Герасимова, от которых она слышала эту былину.

Отдельными деталями конашковский вариант перекликается с другими пудожскими текстами. Так, с пудожанином Сорокиным, как и с кижанином Сарафановым, Конашкова роднит деталь — упоминание этими сказителями палицы в качестве оружия персидской Настасьи Микуличны (см. также Б.П.к., стр. 176). С текстом Колодозерского старика связывает уникальное упоминание о кольчужных латах мнимого посла.

Но тем не менее вариант Конашкова отличается очень большим своеобразием. Несмотря на большой размер былины (330 строк), — в репертуаре Конашкова это самая крупная былина, кроме сводной об «Илье Муромце и Соловье» в композицию вошло лишь одно испытание — осмотр постели посла. Нет финального эпизода с шатром, и былина заканчивается признанием пос-

ла своим мужем Ставра Годиновича на самом княжеском пиру. Эта былина Конашкова сохраняет, как и весь его репертуар, тенденцию к максимальному реализму (см. главу «Художественные особенности былин Ф. А. Конашкова»).

По своим художественным достоинствам вариант Конашкова — один из самых лучших номеров в его репертуаре. Здесь не чувствуется ни сухости, ни поспешности в развитии действия. Действие разворачивается постепенно, хотя приемы ретардации очень ограничены и не ослабляют внимания слушателей. В художественном отношении слабым местом является конец быliny, который явно скомкан.

15. Михайло Потык

Запись М. А. Ивановой в 1937 г.

Из сказителей пудожской группы 2-й половины XIX века замечательная композиция о Михайле Потыке принадлежала Никифору Прохорову. Колодозерский старик дал также хорошую композицию данного сюжета, хотя размером вдвое меньше. К этим вариантам восходят все новые записи (Б.П.к., №№ 9, 26, 47). В их числе наиболее полный текст с оригинальной обработкой отдельных эпизодов записан от Пашковой (Б.П.к., № 9), которая переняла быlinу со слов «Петра-фиина» в дер. Семеново.

Но былина о Потыке у Конашкова резко отличается от этих вариантов. Вместо большой сложной быliny, мы имеем лишь два эпизода: женитьба Потыка на Марье лебедь белой и ее оживление. Сказочный эпизод оживления Марьи лебедь белой передан Конашковым в 80 стихах в предельно сухой и краткой форме. Ближе всего конашковский вариант к быline Калининна из Пудожгорского погоста (Гильфердинг, т. I, № 6, или Рыбников, т. II, № 113). И там и тут эпизод знакомства с Марьей-лебедь белой совершается на охоте. При этом обращает внимание прекрасно переданный мотив превращения девушки-лебедя. В основной пудожской редакции, как свидетельствует большинство вариантов, такой эпизод отсутствует, за исключением отдаленного намека на него в былинах Кигачева (Б.П.к., № 26). Это можно считать наглядной иллюстрацией одновременного существования разных редакций одного и того же сюжета на не-большом пространстве Пудожья. Некоторая близость к варианту Калининна может быть объяснена передачей быliny бродячим ремесленником или каликой, распространявшим свой репертуар в селениях, лежащих на пути его странствования.

Вариант отчетливо выявляет наблюдаемую в других конашковских номерах тенденцию — в каждой быline сохранять лишь то, что непосредственно влияет на развитие сюжета.

16. Дюк

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Почти все варианты прионежских сказителей с самого начала осложнены деталями, не имеющими в дальнейшем никакого значения. Превосходный вариант Сорокина (Рыбников, т. II, № 131)

начинается с описания ценности стрел Дюка, затем идет встреча его с Ильей и бой с Идолищем. Кижские варианты также начинаются с описания стрел, затем говорится о преодолении Дюком трех препятствий — сдвигающаяся гора, заклеивающие насмерть птиц, змея Горынчица (Чуков, Касьянов) или заставы — змеиной, звериной, пятибогатырской (Федоров-Дутиков, Корнилов, Рыбинин в записях Гильфердинга и калика Латышев с Онеги). Если встреча с Ильей еще имеет композиционное значение, так как объясняет, почему Илья Муромец в состязаниях поддерживал сторону Дюка, то все остальное (стрелы, Идолище, три препятствия по пути) не имеет никакого значения в развитии сюжета о Дюке.

Былина Конашкова по стройности архитектоники очень показательна для вариантов сказителя. Нет ни одной лишней сцены, не имеющей значения в дальнейшем развитии действия. Былина состоит из четырех частей: каждая предыдущая искусно связана с последующей. По структуре былина похожа на рябининскую (в записи Рыбникова), редкие детали роднят ее с вариантом Сорокина. Стройностью архитектоники вариант Конашкова выделяется и среди новых пудожских записей (Б.П.к., №№ 10, 25, 37, 57, 60). Наиболее близким к нему является текст, записанный от Пашковой, в особенности начало (отъезд Дюка и хвостовство на пиру). В последующем изложении быliny Пашковой, как и все другие новые записи, не имеет общих черт с публикуемым вариантом и по своему качеству значительно уступает ему.

17. Чурила и неверная жена

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

В репертуаре Ф. А. Конашкова из серии новелл на бытовую тему об измене мужу (Иван Годинович, Сорок калик и калика, Илья Муромец и жена Святогора и др.) имеется только данная былина.

Сюжет принадлежит к числу общераспространенных. В Заонежье его знали кижанин Сарафанов и толвуяне Гришин и Тимофеев. Он встречается и у сказителей Кенозера, Моши и Онеги; варианты из этих мест сближаются с текстом сборника Кириши Данилова (XVII) в следующем описании следов Чурилы:

В тот день выпадала пороха снегу белого;
И нашли они свежий след ...
Либо зайка скакал, либо бел горносталя

Кириша Данилов

Группа повенецко-пудожская (Антонов, Калинин, Котова, Конашков и Фофанов — Б.П.к., № 27) объединена одной общей деталью — описанием шапочки Чурилы «пушистой, ушастой, за-весистой». К этой группе принадлежит и вариант кижанина Сарафанова.

Большинство вариантов Прионежья имеют одну общую деталь — одно и то же отчество мужа Катерины — Васильевич (Ки-

жи, Толвуя, Повенец, Пудожье, Кенозеро, Моша и Онега). Бермидой Васильевичем он назван и в сборнике Кириши Данилова. В вариантах Антонова и его соседа Конашкова он именуется Вельма Васильевич. Связь этих двух вариантов заключается также в указании на шапочку «ушастую, пушистую, надвесистую» у Чурилы и в следующих стихах:

108 У тех воротец колотится,
У тех воротец дадается.

(Антонов)

1 Как стоит у ворот да колотитце,
А колотитце стоит да даваетце.

(Конашков)

Других совпадающих строк нет. Таким образом, мы опять видим здесь особую конашковскую редакцию. Это подтверждается и новыми записями (Б.П.к., №№ 27, 49); среди них некоторая близость с публикуемым вариантом имеет место лишь в тексте Фофанова (№ 27).

18. Садко

18. Запись Е.П. Родиной в 1938 г.

18-а Запись М.А. Ивановой в 1937 г.

За исключением блестящей былины пудожанина Сорокина, все варианты сборников Рыбникова и Гильфердинга наглядно демонстрируют упадок этой былины. Следует отметить в Прионежье непопулярность сюжета «Садко». Рыбников из общего числа 33 певцов записал его от шести сказителей; от двух из них записал впоследствии Гильфердинг, который из числа 71 сказителей нашел лишь трех, знающих этот сюжет. Территориально сюжет был выявлен у трех книжн, у одного сказителя на Выгозере, одного из Повенецкого уезда и у двух пудожан. Таким образом, примерно из 82 сказителей, репертуар которых вошел в собрание Рыбникова и Гильфердинга, лишь семеро знали былин о Садко.

Былина «Садко», по Конашкову, дается в двух вариантах: первый записан «с голоса», второй со слов, что отразилось на качестве последнего текста: в нем налицо разложение стиха.

В былине наблюдаем обычную черту репертуара Конашкова — максимальное изъятие элементов фантастики и замену их реалистическими деталями, иногда весьма наивными — например, в море Садко спускается по лестнице.

Вариант, за исключением начала, не имеет явных признаков распада, но по общему состоянию все же принадлежит к числу слабых в репертуаре сказителя.

19. Соловей Будимирович

Запись Е.П. Родиной в 1938 г.

Из шести вариантов этого сюжета Рыбников сделал пять записей в Пудожье и одну в Каргопольском уезде. Гильфердинг приводит пять вариантов (один из Толвуи, два из Пудожья и

два из Водлозера). Таким образом, выявляется, что сюжет не получил распространения вне восточной стороны Онежского озера.

Варианты этой былины (не считая вариантов пудожан — Шальского лодочника и Антонова) прежде всего отличаются от конашковского наличием особого завета: Варианты Прохорова, Антонова и Шальского лодочника обнаруживают некоторое родство с текстом Конашкова. В них отсутствует детальное описание человекоподобного вида носа корабля (вместо глаз вставлен яхонт-место бровей прибит соболь и т.п.), характерное для всех прочих вариантов. Текст Конашкова, тоже лишенный этого описания, содержит указание на изображение по бортам корабля девиц и молодцов — явное заимствование из описания наряда Чурилы в последний день состязания (см. Рыбников, т. I, № 16, строки 265 — 268; также у Конашкова, см. «Дюк», стихи 172 — 173). Конашковский вариант обнаруживает родство с вариантом Прохорова и, в отдельных деталях, с текстом толвуинина Гришина. Отмечать стихи Конашкова, родственные стихам Прохорова, значило бы переписать около трех десятков стихов из 100 всей былины Конашкова. Но будучи родственным варианту Прохорова, конашковский вариант значительно переработан.

20. Данила Белый

Запись М.А. Ивановой в 1937 г.

Аналогий этому сюжету в Прионежье не найдено. Законно допустить, что перед нами попытка самостоятельного сложения на месте новой былины, действующие лица которой (царь Данила Белый и Ивашка Белая Епанча) зафиксированы в русской литературе в повести о Еруслане Лазаревиче.

Фрагмент интересен тем, что Ф.А. Конашков сам заявил о заимствовании его от «Утки», т.е. Никифора Прохорова. Это единственный случай, когда Конашков отметил связь своего репертуара с иным сказителем.

21. Братья-разбойники и сестра

Запись М.А. Ивановой в 1937 г.

Этот сюжет не может быть причислен к собственно былинным. Это типичная народная баллада. Сами исполнители, например, Ф.А. Конашков, называют это произведение песней. Напев, применяемый к ней, резко отличается от былинного. При исполнении Конашковым применяется порой быстрый темп, переходящий на речитатив.

Сюжет баллады в записях Рыбникова и Гильфердинга встречается семь раз: две записи в Кенозере, одна на Повенецком озере, две в Книгах и две на Выгозере. В Пудожье оба собирателя этот сюжет не обнаружили. Первой публикацией явилась запись от Пашковой (Б.П.к., № 13).

Варианты, колеблясь в размере от 35 до 90 строк, не дают сколько-нибудь существенных различий друг от друга. Канва сохраняется общая. Вариант Конашкова (60 строк) тоже не име-

ет резких отличий от прочих прионежских материалов. Своеобразным в конашковском варианте является эпизод нападения братьев. Во всех других записях рассказывается о нападении на купца на море. Конашков дает иную деталь — случилась буря, и сестру с мужем и ребенком выкинуло «на желтые пески, на мелки камешки, ко той-то фатерке, ко разбойничкам, к почным подорожничкам». Термин «ночные подорожнички», трижды применяемый в его балладе, отсутствует в опубликованных записях Рыбникова и Гильфердинга.

Баллада не отличается типичным для Конашкова лаконизмом, как, например, вариант книжанина Чукова (запись Рыбникова), и значительно уступает по художественной выразительности тексту выгозерца Никитина. Проверка записи 1937 г. через два года, в 1939 г., не дала на 60 строк никаких изменений, кроме отдельных случаев появления или исчезновения вставных частей.

22. Иван Грозный и сын

Запись Е. П. Родиной в 1938 г.

Историческая песня об Иване Грозном и сыне записана в Прионежье от 14 сказителей, она найдена почти в каждом районе Прионежья (у пяти сказителей Кижской волости, у трех — Повенецкого уезда, на восточном берегу Онежского озера, у двух выгозерцев, у двух пудожан и у двух водлозерцев). Не зарегистрирована она в Моше и на р. Онеге — самых отдаленных районах Онежского края. Исполнители этого сюжета группируются, главным образом, в Заонежье и на восточном побережье Онежского озера.

В вариантах прионежских сказителей находим чисто былинные приемы: троичность реплик, типичные для этого жанра обороты и даже характерные былинные эпитеты.

Конец песни всюду неизменен — дарование права Никите Романовичу спасать в своей вотчине каждого, кто ищет защиты и убежища.

В группе пудожских сказителей, если не считать небольшого фрагмента, записанного от Пашковой, лишь один Сорокин знал эту историческую песню. Из всех былинников Прионежья он дал наиболее обширный вариант (355 строк), обогащенный при этом новыми эпизодами — участием Никиты Романовича в царских расправах и заменой на плахе царевича «немилым постельничком», кровью которого, вместо крови царевича, облили саблю.

Вариант Конашкова сохраняет обычные для всего конашковского репертуара особенности. Так, например, конец (одинаковый у всех сказителей) Конашков дает настолько скупое («Дай-ко мне Минитину, дай-ко отчину, чтобы не было в ней иску да не отыску»), что вынужден в заключение пояснить своими словами: «Как попадешь в эту отчину, так уж никто не найдет».

С вариантом Сорокина конашковский вариант совпадает в наименовании пяти городов, из которых Грозный вывел измену. Другие сказители, например Рябинин, дают исключительно названия северных местностей: Новгород, Псков, Волхов; к пудож-

ской группе примыкают по одинаковому перечислению городов водлозерцы Захаров и Суханов.

Значительно уступая пудожанину Сорокину по величине, вариант Конашкова (212 строк) стилистически выше качеством и лучше сохранил манеру былинного сказа.

Об авторской переработке песни Конашковыми свидетельствует свойственная былилам Ф.А. Конашкова деталь — писать «письмо да скороливчатое», введенное в варианты «Илья Муромец и Калин-царь», «Наезд литовцев» и «Ставр».

Неожиданная для царя встреча с сыном происходит обычно в церкви. Конашков эту сцену переносит в царские «палаты белокаменные».

ПОСТОЯННЫЕ ЭПИТЕТЫ И СИНОНИМИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

Батюшка-родители	41	Дани-подати	8
Башмачки шелковые	3	Двери дубовые	5
Беда великая	3	Двор широкий	3
Бедра крутые	3	Двор белый	2
Богатыри сильные, могучие .	31	Девушки красные	44
Борода сизая	3	Дерево калиново	2
Блюдо волооченое	2	Детушки млады	3
		Детушки родные	3
		Дитя любимое	2
		Дитя малое	1
Вера крещеная	4	Дорожка окольная	2
Весть нерадостная	2	Дорожка прямоезжая	3
Ветры буйные	4	Дружина храбрая	3
Вино зеленое	9	Дуб сырой	3
Войско великое	4	Дядюшка родной	17
Волк серый	3		
Волосы шелковые	1	Жена молодая	17
Ворон черный	4		
Ворота широкие	2		
		Заводь тихая	3
Голова буйная	22	Зверь лютой	2
Голи кабацкие	3	Земля—мать-сыра	13
Голос богатырский	6	Злато-серебро	13
Горенка новая	3	Змеище трехглавое	8
Горы высокие	4		
Горы змеинные	7		
Гости дорогие, милые	12	Идолище неверное	2
Гости нелюбимые	1	Идолище поганое	4
Грудь белая	8	Индия богатая	10
Гусельники яровчатые	4		

1 Батюшка-родители 4—означает, что в репертуаре Ф. А. Копашкова эпитет встречен 4 раза.

Казна золотая	8	Палья кровавая	3
Казнь смертная	5	Паруса полотняные	5
Каликушки прохожие	3	Паруса шелковые	2
Камушки самоцветные	4	Перстень злат	2
Камушки драгоценные	2	Песок желтый	8
Канаты шелковые	3	Петельки шелковые	3
Киев-град	78	Пиво пьяное	9
Клеши железные	2	Пир княжеченский	12
Книга-евангелие	5	Пир почестной, знаменитый .	4
Кобылка соловая	3	Письмо скоропівчато	8
Конь добрый	14	Печь кирпичная	2
Калачики крупивчатые	6	Платье цветное	7
Конья долгомерные	5	Платье сменное	2
Кроватка тесовая	2	Платье скоромовчато	2
Кудри желтые	3	Платье дорожное	2
Купцы люди богатые	32	Племянница родная, любимал .	12
Куст ракитов	8	Плечи могучие	7
		Поводы шелковые	2
Лавочки торговые	3	Подпруги шелковые	4
Латы кольчужные	3	Погребя глубокие	11
Листочки маковы	4	Подарки богатые	2
Лебедь белая	4	Поездки богатырские	4
Лук тугой	4	Палаты белокаменные	20
Люди добрые	2	Пол кирпичный	2
		Поле чистое	32
		Полотенце льняное	2
		Помяло шелковое	2
Маковки золоченые, шелковые .	4	Поручия золоченые	3
Магушка родная	22	Пригужечки шелковые	3
Молодец добрый, удалой	26	Пристань государева	2
Молодушки молодые	3	Прут железный	4
Мед стоялый	3	Пшено белоярое	3
Море синее	15		
		Работники хитромудрые	2
Напиточки медвяные	15	Радость великая	2
Напиточки спиртовые	2	Рать великая	2
Непра-река магушка	6	Ребра крутые	2
Нож булатный	2	Родители богоданные	2
Ножки резвые	8	Рубашка шелкова, полотняна .	3
Ножницы вострые	2	Русь святая	7
Норы змеинные	8	Ручки белые	5
		Сабля вострая	5
Обедня воскресенская	2	Сбруя золоченая	2
Оборона богатырская	5	Свеча сальная	2
Одеяло шелка чистого	3	Свист соловьиный	7
Окошко косивчато	2	Седельшко черкальское	4
		Село богатое	4
		Сивушко-сивогривушка	2

Сила-армия	4	Уста сахарные	4
Сила богатырская	7	Утро раннее	2
Сила великая	7	Утушка малая, серая	7
Скатерть шелковая	2		
Скоморошинка легкая	4		
Слово разумное	2	Хлеб дар божий	2
Слуга верный	4	Хлеб-соль	2
Соболь заморский	2	Хрусталики стеклычатые	2
Сошка кленовая	7		
Старец староматерый	8		
Стена городовая	2	Церковь божья	2
Стол дубовый	10	Церковь соборная	2
Стол точеный	5		
Стрела каленая	20		
Стремяна волоченые	3	Чадо милое	2
Сукно одиночное	4	Честь великая	3
		Чоботы черные	2
		Чулочки шелковые	3
Татары неверные	7		
Тело мертвое	7		
Телеги ордынские	6	Шатер белополотняный	7
Терем высокий	5	Шатер белый	5
Терем золотоверхий	8	Шапочка пуховая	6
Тетива шелковая	9	Шесты долгомерные	2
Туча темная	2	Шубка соболья	3
		Шубка кунья	2
Угодники киевские	2		
Удар великий	2	Явства сахарные	7

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ И АРХАИЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

- Б а я т ь**—говорить (*Как я баяла Ставру*—14, 101)
- Б р а з а**—в значении чара (*Церпнул он бразу полненько*—1, 51)
- Б л а г о й**—добрый, смирный (*Ильюшенька благой да ведь был*—3, 22)
- Б у н ч а т ь**—стучать (*А копытом будет бить да землю-мать буцить*—1, 168)
- В с к о р и т ь с я**—взмолиться (*Как лебедушка Васильюшке вскорилась*—15, 22)
- В о д а о ж и в л ё н н а я**—сказочная «живая» вода, оживляющая трупы (*Принесу я воды оживленной*—15, 90)
- Г о с т ё б и щ е**—гостьба (1, 267)
- Г о л з а н у т ь**—свалиться (*Как голзанула подворотня на сыру землю*—1, 279)
- З а т у п ы в а т ь**—затыкать (*Маковыми листьями раны ты затупывал*—8, 38)
- З а г л я ж ё н н ы й**—завистливый (*У Олешеньки глаза да заглаженны*—16, 233)
- К а л и к а п е р е х о ж а я**—чаще всего странствующий богомолец, позднее—нищенствующий певец духовных стихов.
(*Говорила калика переходящая... Не найдется ли милостинки подать*—2, 59—61)
- К и п и ц а**—повидимому, машина, кошелек (*А вынимаю кипицу с золотом-серебром*—1, 96)
- К н я г и н я и к н я з ь н о в о б р а ч н ы е**—молодожены на своем свадебном пиру (*Выпей-ка чару зелена вина от княгини новобрачных*—7, 203)

К о с т ь р ы б н а я—термин, означающий моржевые клыки и мамонтовую кость (*Подворотенка-то кости рыбной*—12, 37)
К р а с н ы й—красивый
К у р е в а—поднявшаяся в воздухе пыль (*Как поднялась пыль да курева*—7, 78)

М а к о в к и—верхушки
(*А на термах да златоверхих
Были маковки шелковые подвешены*—1, 34)

М а н и т ь—обманывать (*Ежели манишь—голову срублю!*—17, 56)

Н а и с п а ш е ч к у—на отмах (*Вылил царю Добрыня на испашечку*—7, 207)

Н а к а з а н ь и ц е—наказ, т. е. указания (*Да послушай-ко своей жены да наказаница*—14, 29)

О б л е д ё т ь—покрыть льдом, в данном случае имеем метафору седины (*Ох ты, старось, старось обледела*—10, 91)

О б р ы с к а т ь—обежать (*Серу волку силы не обрыскати*—3-а 80)

О г р а т ь—окаркать (*Черну ворону силы не ограти*—3-а 81)

О д и н ц ё в о е с у к н о—вытканное из одних шерстяных ниток (*Постлано суконцо оденцовое*—16, 62)

О к о л ь ч у ж и л с я—надеть кольчугу—броню из металлических колец (*Одевался молодец да окольчужился*—14, 127)

О р д а—племя (*Ты каксей в земли, да ты какой орды*—1, 306)

О т ч и н а—вотчина (*Дай-ко мне Микитину дай-ко отчину*—22, 207)

П а л ь ц а б у л а т н а я—дубина, утижеленная на конце, чаще всего металлическими шипами (*Рое палецу булатню он под облако*—14, 143)

П а л ь я—место плахи (*Как снимал убо с пали сосего племянника*—22, 159).

П а ш е н к а—пашница, бедняга.

П е л о в о й м е ш о к—от «пелос»—передняя часть рубахи, прикрывающая грудь (*Ох ты, несытна брюшина, пелосей мешок*—1, 232)

П л а в а т ь—в данном случае вальтаться (*До бесцютости на белом двори да наплавались*—1, 373)

П о б а щ е—покрасивее (*Он получише всех да побаше всех*—19, 5)

П о д п о р и н а—слуга (*Не подпорина ли к нам госпожкая*—16, 117)

П о п р и щ е—мера пространства (*Поразьгались по цесту полю на три поприща*—13, 180)

П о р т о м о й н и ц а—прачка (*Это Дюковы да портомойницы*—16, 275)

П р и к а т ь и к и—приказчики (*Ай же, дружинушка моя, да вы, прикатчики* 18, 28)

П р и п л ы т ь—в данном случае приползти (*Среди ночи приплыла змеица трехглавая*—15, 85)

П р и п р а в а б о г а т ь р с к а я—снаряжение (*Добрый конь бежит, земля-мать дрожит, со всей он приправой богатырскою*—3-а, 186)

Р а с к а р а к у л я м и—раскорякой, на четвереньках (*Все заплавали да раскаракулями*—1, 367)

Р у ш а т ь—разрушать, разрубать, ломать (*Белые лебеди они рушают*—10, 8)

С л е з о в а н ь и ц е—проливание слез (*А не можем-то мы больше слезованьицы*—18-а, 114)

С п р а в и т ь с я—подготовиться (*Как справляется да снаряжается*—16, 2)

С к о р и т ь с я—в данном случае означает «упрашивать» (*Скорилсе да взмолилсе*—1, 181)

С т а р о м а т е р ы й—соединение представления старости и мощности (*Как идет старицк староматерый*—2, 8).

С т а р о й с т е п е н и—попрежнему (*А Ильяшенька во старой степени да поезживает*—3, 148)

С к о м о р о ш е н ь к а—скоморох, народный бродячий певец (*Нет ли мне-ко, легкой скоморошиньки, нет ли мистецька да немощецько*—7, 181).

С к а т и т ь—в данном случае, обдать (*Могла бы ена сожгати и спалити да головней скатити*—14, 84)

Т а р о к и—веревки, ремни у седла (*Как забил Соловья Илья со тореки*—1, 246)

Т у л и т ь с я—прятаться (*Старший тулится да за среднег*—5, 65)

У х о д и т ь—прикончить, здесь, очевидно, в значении отпустить, отправить (*Уходил безногого да безглазого! Вы ступайте куда, куда знаете*—10, 115).

Ч е р к а л ь с к о е—черкасское (*Кладывал Дюк писемышко под черкальское да под седельник*—16, 144)

Ч о б о т ы—сапоги старинного фасона (*Как безжала на босу ногу без чоботов*—22, 110)

Ч и р о в а т ы й—из дерева явора (*Брал Добрынюшка гуслишки: чироваты*—7, 165)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
Ф. А. Конашков. Рассказ про свою жизнь	10
А. М. Линевский. Ф. А. Конашков	13

Былины Федора Андреевича Конашкова

Илья Муромец и Соловей-разбойник	68
Илья Муромец и Идолище (Запись Е. П. Родиной)	79
Илья Муромец и Идолище (запись М. А. Ивановой)	82
Илья Муромец и Калин-царь. (Запись М. А. Ивановой)	85
Илья Муромец и Калин-царь. (Запись Е. П. Родиной)	92
Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром	96
Добрыня и Змей	99
Добрыня и Маринка	104
Добрыня и Алеша	108
Сухман Рехмантьевич	115
Василий Игнатьевич и Батыга	118
Наезд литовцев	121
Вольга и Микула	125
Волх Всеславьевич и Индийское царство	128
Дунай	130
Ставр Годинович	136
Михайло Потык	145
Дюк	148
Чурида и неверная жена	157
Садко (Запись Е. П. Родиной)	160
Садко (запись М. А. Ивановой)	164
Соловей Будимирович	168
Данила Белый	173
Братья-разбойники и сестра	176
Иван Грозный и сын	178
Былинные напевы Ф. А. Конашкова	184
Комментарии	187
Постоянные эпитеты и синонимические сочетания	204
Словарь областных и архаичных выражений	207

Отв. редактор А. М. Астахова

Подписано к печати 13 июля 1948 г.
13¹/₄ печ. листов 9,3 уч. -издат. лист.
Тираж 5000. Госиздат К-ФССР № 33.
Зак. № 676. Формат бум. 82×108¹/₃₂
Е—04950. Цена 5 руб.

Сортавальская книжная типография
Управления полиграф. промышленности
при Совете Министров К-ФССР
г. Сортавала, Карельская ул., д. 82.